

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

А. Ю. Минаков

**ИСТОРИЯ РУССКОГО
КОНСЕРВАТИЗМА
XIX—XXI вв.**

Учебное пособие

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2020

УДК 94(470):329.11"18/19"
ББК 66.1(2)522-17
М61

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *М. Д. Карпачев*,
доктор исторических наук, профессор *А. В. Мирошников*

Минаков А. Ю.

М61 История русского консерватизма XIX–XXI вв. : учебное пособие / А. Ю. Минаков ; Воронежский государственный университет. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 151 с.

ISBN 978-5-9273-3133-8

В пособии в сжатой форме отражены основные вехи истории русского консерватизма: ранний русский консерватизм в царствование Александра I, официальная правительственная идеология в царствование Николая I, славянофильство, идеи Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, правых консерваторов и националистов начала XX в., консерватизм в русской эмиграции, национал-большевизм и идеология «русской партии» в 1960–1980-е гг., консервативные течения и движения в современной России.

Рекомендуется для бакалавров дневного отделения и магистров дневного отделения, обучающихся по направлению «История».

УДК 94(470):329.11"18/19"
ББК 66.1(2)522-17

ISBN 978-5-9273-3133-8

© Минаков А. Ю., 2020
© Воронежский государственный университет, 2020
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Введение. Дефиниция консерватизма	4
2. Причины возникновения раннего русского консерватизма, его особенности.....	7
3. Русский консерватизм в первой четверти XIX в.	13
4. Русский консерватизм в царствование Николая I	19
5. Славянофилы	24
6. Русский консерватизм в 1860–80-е гг. XIX в.	27
7. Русский консерватизм в царствование Николая II	39
8. Русские консерваторы в эмиграции.....	44
9. Национал-большевизм как форма псевдоконсерватизма	65
10. Легальная «русская партия» 1960–80-х гг.	69
11. Нелегальное крыло «русской партии»	77
12. А. И. Солженицын и И. Р. Шафаревич как идеологи русского консерватизма конца XX в.	83
13. Консерватизм в современной России	93
Краткий список источников и литературы.....	113

1. ВВЕДЕНИЕ. ДЕФИНИЦИЯ КОНСЕРВАТИЗМА

Консерватизм — это блистательное и интеллектуально мощное направление русской мысли, представленное знаковыми в истории культуры и общественной мысли именами Н. М. Карамзина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, славянофилов, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, К. Н. Леонтьева, Л. А. Тихомирова, И. А. Ильина, А. И. Солженицына, И. Р. Шафаревича и десятками других не менее узнаваемых и масштабных фигур из национального русского культурного и политического пантеона.

Консерватизм появился в конце XVIII — начале XIX в. наряду с основными идеологиями эпохи Модерна: социализмом и либерализмом. Коротко говоря, он представляет собой идеологию и стиль мышления, опирающиеся на христианские нравственные ценности и позитивные национальные традиции. Если сравнивать консерватизм с другими идеологиями Нового времени, то в либерализме главной ценностью выступает свобода, в социализме — справедливость и равенство, в консерватизме такой ценностью является традиция. Традиция — ключевое понятие консерватизма.

Консерватизм появляется как реакция на революционные потрясения во Франции начиная с 1789 г., на рационализм и индивидуализм Нового времени, теорию прогресса и связанные с ней политические технологии, которые нашли яркое и глобальное воплощение в практике Великой французской революции. Теория прогресса зиждилась на уверенности в том, что в мире постоянно увеличиваются свобода, знание, богатство, нравственность, порядок, и этот процесс имеет линейный характер. Воплощением этой мечты оказалась Французская революция с ее беспрецедентным якобинским террором, который привел к тому, что Франция после наполеоновских войн перестала быть гегемоном в Европе. Мало того что в результате террора она потеряла значительную часть населения, это обернулось деградацией общественной нравственности, большими культурными и экономическими потерями. Возникающий консерватизм заявил о себе в Европе в работах Эдмунда Бёрка и Жозефа де Местра — отцов-основателей западноевропейского консерватизма, как реакция на идеи Французской револю-

ции и, в особенности, их кровавое и разрушительное воплощение на практике.

Одной из важнейших ценностей для консерватизма той эпохи являлся культ трансцендентного начала, религия, которая, согласно воззрениям консерваторов, придает смысл истории и отдельной человеческой личности. Религиозное мировосприятие предполагало признание естественного неравенства людей и необходимости общественной иерархии, применительно к реалиям того времени — иерархии сословий, связанных между собой духовными узами и взаимными обязанностями. Религиозная составляющая консерватизма обуславливала также гносеологический пессимизм, скептическое отношение к Ratio, неприятие абсолютизации его возможностей, антирационализм, а также антропологический пессимизм — понимание ограниченности, несовершенства и порочности («греховности») человеческой природы. Для консерватизма были характерны культ сильного государства, приоритет его над интересами индивида, поскольку человек нуждается во имя собственного же блага в твердой руководящей руке. Следует подчеркнуть и весьма характерный для большинства консерваторов антииндивидуализм. С точки зрения большинства консервативных доктрин приоритетное значение имели интересы целого, над-индивидуальных ценностей (Бог, народ, государство, общество и т. д.), а не отдельной личности.

Для консерватизма был характерен культ не только сильного монархического государства, церкви, религии и нравственности, но и семьи, школы, армии, патриотизма, самобытной национальной культуры, исполнительности, дисциплины и порядка, т. е. тех общественных институтов, которые выступали основными проводниками и хранителями традиций. Сюда же можно добавить и такую черту консерватизма, как понимание конкретно-исторической обусловленности уровня прав и свобод.

Консерватизм при этом противостоял идеологиям, в основе которых лежали ценности противоположного порядка: атеизм, материалистическая ориентация политики, моральный релятивизм, культ рассудка, рационализм, антитрадиционализм, универсализм, космополитизм, приоритет интересов индивида над интересами го-

сударства, индивидуализм, равенство, культ личных прав и свобод, приверженность теоретическим моделям, культ перемен, революция. В случае необходимости социальных перемен консерватизм требовал при их осуществлении чрезвычайной осторожности и постепенности. При этом было бы неверно трактовать консерваторов как противников всего нового. Они выступали лишь против абсолютизации принципа новизны, заведомого примата нового перед уже проверенным старым, что обычно характерно для либерализма и еще более левых течений.

Консерватизм как идеологию следует отличать от традиционализма. По мнению К. Манхейма, «традиционализм означает тенденцию к сохранению старых образцов, вегетативных способов жизни, признаваемых всеобщими и универсальными»¹. Иначе говоря, традиционализм — это те устои, нормы и ценности, которые определяли жизнь общества до наступления эпохи Модерна, они не подлежали философской рефлексии, осмыслению и критике. Но когда во второй половине XVIII в. возникла необходимость защитить устои общества и его традиции, тогда «авторы, которые брали на себя труд защищать традиционализм и создавать в своих произведениях его “мыслительную модель”, тем самым переставали быть традиционалистами и становились консерваторами в узком смысле слова»². В современной российской историографии тезис о необходимости разделять консерватизм и традиционализм утвердился достаточно прочно.

¹ Цит. по : Мусихин Г. И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002. С. 30—31.

² Там же. С. 31.

2. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАННЕГО РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА, ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Следует особо подчеркнуть, что русский консерватизм имеет свои специфические особенности, существенно отличающие его от консерватизма других наций и культур. Как говорил К. Н. Леонтьев: «охранение у всякой нации свое, у турка — турецкое, у англичанина — английское, у русского — русское; а либерализм у всех один»³.

В период своего становления русский консерватизм был явлением, родственным западноевропейскому консерватизму, возникшему, прежде всего, в качестве идейно-политической реакции на идеологию Просвещения и Великой Французской революции, однако имел при этом вполне оригинальные черты. В силу исторических особенностей русские традиционалисты и консерваторы первоначально реагировали не столько на эксцессы Французской революции (в российском консервативном дискурсе ламентации по поводу кровавого террора и разрушения тронов и алтарей занимают сравнительно немного места), сколько на реформы Петра Великого и вызванные ими модернизационные процессы. Под модернизацией следует в данном случае понимать одновременные изменения в ключевых сферах жизни человека и общества — переход от аграрного традиционного общества к современному индустриальному, урбанизацию, маргинализацию роли религии, рационализацию человеческого мышления и деятельности, демократизацию и уменьшение социальных различий, усиливающуюся индивидуализацию.

Одним из условий возникновения русского консерватизма была европеизация части российской элиты, впитавшей и критически переосмыслившей идеи Просвещения, получившей интеллектуальное и нравственное развитие в западноевропейских университетах, в масонских ложах, хорошо знакомой с работами Ф.-М. А. Вольтера, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Г. Гердера и др. Следует отметить также непосредственное влияние на складывание русского консерватизма прежде всего со стороны француз-

³ *Леонтьев К. Н.* Чем и как либерализм наш вреден? // *Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем : в 12 т. Т. 7. Кн. 2. Публицистика 1880 года. Ранние научные работы. СПб., 2006. С. 121.

ских роялистов, главным образом Ж. де Местра. Без наличия этого тонкого слоя европейски образованной элиты возникновение русского консерватизма было бы попросту невозможно или же проходило бы в других формах. Этот слой возник в России во второй половине XVIII в. после принятия манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 18 февраля 1762 г., по которому русские дворяне освобождались от обязательной гражданской и военной службы, а состоявшие на государственной службе могли выходить в отставку. При этом манифест предоставил дворянам не только больше возможностей для занятий своим хозяйством, но и занятий интеллектуальной деятельностью, что и привело к возникновению интеллектуальной элиты. В конце XVIII — начале XIX в. в русском образованном слое явно доминировали идеи либерализма, консерваторов и радикалов было сравнительно немного. Слой этот был исключительно дворянский, разночинцы начинают инкорпорироваться в интеллектуальную элиту позже, начиная со второй четверти XIX в.

Специфика русского консерватизма была обусловлена тем, что он первоначально представлял собой реакцию на радикальную вестернизацию, буквально — «озападнение», проявлениями и главными символами которой в XVIII — начале XIX в. стали реформы Петра I, крайний (по тем временам) либерализм Александра I, вызвавший противодействие со стороны консервативно настроенного дворянства, в особенности проект конституционных преобразований, связанный с именем М. М. Сперанского, галломания русского дворянства, наполеоновская агрессия против Российской империи, Отечественная война 1812 г., а также попытка создания так называемого общехристианского государства, фактически лишившая православную церковь статуса государственной (с 1817 по 1824 г.). Эти явления и события последовательно интерпретировались русскими консерваторами как угроза, ведущая (как это воспринималось в традиционалистско-консервативном дискурсе) к разрушению всех коренных устоев традиционного общества: самодержавной власти, православной церкви и религии, русского языка, национальных традиций, сословных перегородок, патриархального быта и т. д. Процессы модернизации, разрушающие самые основы

существования и деятельности базовых общественных институтов и установлений традиционного социума, носили всеобъемлющий характер. Беспрецедентность вызова порождала ответную консервативную реакцию, призванную защитить основополагающие традиционные ценности.

Ранние русские консерваторы разделяли те основные ценности, которые были характерны и для их западноевропейских единомышленников вроде Ж. де Местра, Л. де Бональда, А. Мюллера и Ф. фон Баадера, ставивших своей целью защиту и актуализацию позитивных традиций и ценностей идеализированного традиционного общества. Русский консерватизм типологически близок западноевропейскому, поскольку обладал теми же основными чертами, такими как традиционализм, неравенство как естественное состояние общества, самобытность, патриотизм и т. д. В то же время идейное влияние западноевропейских мыслителей-консерваторов на их русских единомышленников было сравнительно невелико, скорее следует говорить о том, что возникновение русского консерватизма проходило параллельно с западноевропейским и под влиянием сходных факторов.

Следует подчеркнуть, что история становления русского консерватизма однозначно свидетельствует о зависимости этого феномена от исторического, географического и национального контекста. Содержание консервативной идеологии на практике оказалось довольно плюралистичным и конфликтным. Консерватизм не являлся идеологией с четко очерченной системой взглядов. Однако в русском консерватизме четко прослеживается магистральное направление, которое возникло и оформилось под воздействием нескольких основных факторов русской истории. В первую очередь речь идет о влиянии православной религии на все стороны общественной жизни — от быта до политики. Огромную роль также играл идеал мощного централизованного иерархического государства, который исторически сформировался в национальном сознании в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока, необходимости вести оборонительные войны, требующие колоссального народного напряжения и сплоченности. Наконец, большую роль в формировании русского консерватизма сыгра-

ло сознательное неприятие определенных западноевропейских политических и культурно-религиозных традиций: конституционализма, парламентаризма, республиканизма, реформаторских религиозных течений, разрушительных для церковной ортодоксии.

Главным течением в русском консерватизме изначально было то, для которого приоритетными ценностями выступали православие, сильное централизованное государство, русский патриотизм. Наиболее развитые, классические формы русского дореволюционного консерватизма в целом являлись своего рода теоретически развернутым обоснованием формулы «православие — самодержавие — народность». Всякая серьезная русская консервативная рефлексия неизбежно затрагивала, обосновывала те или иные члены указанной триады (или отталкивалась от них). С нашей точки зрения, это обстоятельство позволяет оценивать то или иное течение в русском консерватизме, в том числе и первой четверти XIX в., по тому, как трактовались члены триады, каково было отношение к ним во взглядах представителей соответствующего течения. Анализ более зрелого явления, знание о нем может многое прояснить в этом же явлении на стадии его зарождения и становления.

Констатируя, что русский консерватизм имел свою предысторию, мы, тем не менее, не освещаем ее подробно по следующим причинам. Во-первых, применительно к этому периоду можно говорить лишь о наличии традиционалистских воззрений в дворянской среде, во-вторых, в конце екатерининского царствования и в павловское царствование отсутствовала минимальная свобода выражения идей, необходимая, с нашей точки зрения, для того, чтобы консерватизм начал оформляться как влиятельное идейное течение, хотя, несомненно, во многом режим Павла I был реакцией на французскую революцию и либеральные преобразования Екатерины, использующей прусскую политическую модель. С приходом гласности в начале царствования Александра I основное условие, необходимое для публичного выражения взглядов консерваторов, наконец, появилось. «Катализаторами» также явились либеральные меры начального периода царствования Александра I, вызывавшие противодействие со стороны консерваторов, а также нарастающая угроза агрессии наполеоновской Франции, которая вос-

принималась как носительница революции с явно выраженной западноевропейской родословной, и, в особенности, галломания русского высшего общества. Лишь в совокупности все эти причины вызвали появление на свет русского консерватизма. Разумеется, имело место прямое и косвенное влияние западноевропейской консервативной мысли.

Русский консерватизм возник в первые годы XIX в. и изначально имел антизападническую направленность. Западничество еще в конце XVII в. приняло форму фанатичного, почти религиозного мировоззрения, которое сыграло в истории России весьма негативную роль и лишь косвенным образом оказалось связанным с ученичеством и заимствованиями у Запада в военно-технической, научной, культурной и иных сферах. Явление это впервые было описано во второй половине XVII в. в трактате сторонника славянского единства хорвата Юрия Крижанича «Политика». Он называл его «чужебесием» и определял следующим образом: «Чужебесие — это бешеная любовь к чужим вещам и народам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам. Эта смертоносная чума (или поветрие) заразила весь наш народ»⁴. Подобного нельзя было представить как сколько-нибудь распространенное явление в XIV—XVI вв. в Московской Руси, вполне «монолитном» в духовном и культурном плане государстве. Но в XVII в. достаточно интенсивные контакты верхушки правящего слоя с представителями инославных государств (Ю. Крижанич писал преимущественно о немцах-протестантах) привели к резкому ослаблению защитных реакций прежде всего верховной власти: «чужебесие многих наших правителей свело с ума и одурачило»⁵.

В результате, утверждал Ю. Крижанич, иностранные интересы, идеологии, обычаи оказались для славян, в том числе и для русских, приоритетными по отношению к собственным: «У нас чужеземцам наибольшая честь и доход... Помогая, разоряют... Сеют раздоры... Обижают во время торговли... Заключают обманные соглашения... Дурачат с помощью подарков... Благодеяния поддельные, дорогие, зловредные... Торговцы доводят нас до нищеты... Позорят

⁴ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 194–195.

⁵ Там же. С. 230.

нас своими насмешками и руганью... Сеют смятение и ереси и обращают нас в рабство... Себе берут спокойную жизнь, а нам оставляют рабство и труд... Победенные оружием — побеждают речами... Заключают союзы, вредящие нам... Заключают с нами шутовские и нелепые договоры... Высмеивают нашу любовь и человечность... Обманывают нас под видом посредничества... На позор нам принимают наше гражданство... Учат роскоши, порокам, грехам и суеверию... Прельщают нас суетным неистинным учением...»⁶.

Спустя несколько десятилетий после написания «Политики» Петр I сформулировал цель своих реформ, если верить легенде, следующим образом: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»⁷. Однако теперь, по прошествии более трех столетий, можно констатировать, что это была лишь абстрактно-патриотическая декларация. В реальности петровская «страсть к иноземным диковинам» обернулась не только заимствованием бесспорно необходимого для России (европейской науки, флота, армейской организации и т. д.), но и резким усилением роли иностранного влияния при русском дворе, утратой трезвого понимания национальных интересов во внешней политике, которая оказалась на десятилетия, если не более, подчиненной интересам иностранных государств, беспрецедентным по масштабу укреплением крестьянства, сломом религиозных и культурных традиций. «Чужебесие» во многом окрасило петровские реформы, на что не могла не отреагировать национально ориентированная русская общественная мысль.

⁶ Крижанич Ю. Указ соч. С. 195, 197, 198, 199, 218–223, 225, 229.

⁷ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть 4 // Ключевский В. О. Соч. : в 8 т. М., 1958. Т. IV. С. 214.

3. РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Отцы-основатели русского консерватизма в первой четверти XIX в. прежде всего боролись с одной из разновидностей русского «чужебесия» — галломанией — «французолобием» (стремлением, образно говоря, «пересадить Францию в Россию»). Франция тогда доминировала в Европе. Французские языковые, культурные и идеологические модели рассматривались частью тогдашней элиты как объект для подражания, как то, что необходимо во что бы то ни стало пересадить на русскую почву: от языка и моды, до политической идеологии и государственного устройства. При этом российские галломаны, как правило, не осознавали, что основная угроза Российской империи исходила именно от наполеоновской Франции, стремящейся к господству в Европе и агрессивно распространявшей порядок, возникший в результате Великой французской революции, своего рода бонапартистски модифицированный «просвещенческий глобальный проект».

Галломания значительной части русского дворянства явилась провокативным фактором для вызревания изначальной модели русского консерватизма. Франция, ее язык и культура, воспринималась в консервативно-националистическом дискурсе как воплощение «мирового зла», породившее кровавую революцию и якобинский террор. Франция и французы представляли в сознании русских консерваторов как антитезу России и русским.

Одна из причин, по которой ряд консерваторов приняли самое активное участие в устранении с политической арены либерального реформатора М. М. Сперанского, заключалась в том, что он воспринимался ими как своего рода «агент влияния», центральная фигура ненавистной им «французской партии». Таким образом, они заблокировали реализацию масштабного конституционного либерального проекта, который на том этапе должен был реально ограничить самодержавие. И, как опасались консерваторы, одновременно существенно ослабить мощь России перед большой войной.

В полемике с галломанами один из лидеров русских консерваторов, вице-адмирал А. С. Шишков сформулировал некоторые ос-

новные постулаты нарождавшегося русского консерватизма: недопустимость некритического подражательства западноевропейским образцам, ставка на собственные самобытные традиции: языковые, религиозные, политические, культурные; на патриотизм, включающий культивирование национального чувства и преданность традициям мощной государственности — самодержавной монархии⁸.

Следует подчеркнуть, что данный вариант консервативной идеологии в первое десятилетие XIX в. носил оппозиционный характер, противостоял либеральной идеологии, характерной для Александра I и его ближайшего окружения (членов «Негласного комитета», М. М. Сперанского). Чрезвычайно показателен также был и первоначальный общественный статус А. С. Шишкова и Ф. В. Ростопчина⁹ — они поначалу были политическими маргиналами, пребывавшими в опале и не игравшими сколько-нибудь значительной роли в государственной жизни. Перед Отечественной войной статус консервативных оппозиционеров радикальным образом изменился: они заняли ряд ответственных государственных постов, получили реальную возможность влиять на ключевые внутри- и внешнеполитические решения императора Александра I. Особую роль в консолидации консерваторов сыграла родная сестра царя великая княгиня Екатерина Павловна. В кадровой политике по сути дела произошел «тектонический» переворот: вопреки своим внутренним либеральным установкам, Александр I вынужден был сблизиться с консервативной «русской партией».

События 1812 г. стали «звездным часом» русских консерваторов. В советской исторической литературе бытовал тезис о том, что декабристы были детьми 1812 г. и что сам декабризм явился порождением Отечественной войны. С ничуть не меньшим основанием то же самое можно сказать и о русском консерватизме. Консерваторам предоставилась беспрецедентная возможность для озвучивания и реализации своих идей. А. С. Шишков, занявший место Сперанского, второго человека в империи, был основным идеологом и пропа-

⁸ См.: Минаков А. Ю. Предисловие // Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству. М., 2011. С. 5–22.

⁹ См.: Мещерякова А. О. Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.

гандистом войны, Ф. В. Ростопчин — диктатором Москвы, организовавшим знаменитый московский пожар, сорвавший стратегические замыслы Наполеона, что заставило его в условиях начавшейся зимы начать великое отступление, закончившееся полным разгромом французской армии, через А. А. Аракчеева обеспечивалась вся «инфраструктура» военных действий русской армии и т. д.

Русский консерватизм, изначально имевший антизападническую, галлофобскую направленность, оказался максимально востребованным именно в канун Отечественной войны 1812 г., причем нужда в нем была столь велика, что из «маргинального» течения он превратился в стержневое, вытеснив те идеологические представления, которые были характерны для просвещенного абсолютизма и александровского либерализма. Колоссальный идеологический сдвиг, который произошел за считанные годы, может быть объясним только той исключительной ролью, которую сыграли русские консерваторы в 1812 г. в условиях национальной мобилизации. Вызвав к жизни обостренное осознание русской этничности, галломания (и соответственно, галлофобия) дала мощь и силу русскому консерватизму. Изначально русский консерватизм оказался связанным с определенной версией русского национализма, точнее, прото-национализма, носителями которого были Н. М. Карамзин, А. С. Шишков, и в особенности Ф. В. Ростопчин.

Консервативно-патриотические настроения и взгляды начала XIX в. объективно оказались необходимым политическим инструментом для победы в Отечественной войне 1812 г. и преодоления галломании части дворянского высшего общества. Во многом благодаря усилиям консерваторов высший образованный слой вновь начал говорить на русском, а не французском языке. А победы 1812 г. и военные походы русской армии, в которых «консервативная партия» сыграла весьма важную роль, привели к тому, что Российская империя вплоть до Крымской войны доминировала в Европе.

Иначе говоря, «русская партия» способствовала мощному всплеску национальной энергии — русскому патриотизму. Историк-консерватор М. П. Погодин хорошо сформулировал этот тектонический сдвиг в русском национальном самосознании, имевший далеко идущие последствия: «Отразив победоносно такое нападение, ос-

вободив Европу от такого врага, низложив его с такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни в ком и нужная всем, может ли чего-нибудь опасаться Россия? Кто осмелится оспаривать ее первенство, кто помешает ей решать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелает?»¹⁰.

Отцы-основатели русского консерватизма за редким исключением были талантливыми литераторами: Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, И. А. Крылов (мало кто знает о его борьбе против галломагии) и др.

Г. Р. Державин и А. С. Шишков были создателями первого литературного объединения консерваторов «Беседа любителей русского слова», в которое помимо них входили И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, С. А. Ширинский-Шихматов и др.

Кроме того, именно консерваторы явились создателями той версии русской истории, которая стала достоянием не только академических кругов, как это было в предшествующие десятилетия, но и всего русского общества: речь идет о знаменитой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и «Русской истории» С. Н. Глинки¹¹. Эта была та версия русской истории, которая оказала огромное влияние на формирование национальной идентичности образованного слоя, лояльного государству и церкви.

В 1810–20-х гг. в лоне русского консерватизма вызрела концепция самодержавия, являвшегося в сознании консерваторов главной причиной и гарантией могущества и процветания России. Самодержавие представлялось им как особый, самобытно-русский тип власти, тесно связанной с православием и православной церковью. Вся система государственных и общественных институтов Руси-России была своего рода «излиянием монаршей власти»¹², монархический стержень пронизывал всю политическую систе-

¹⁰ Цит. по: *Цимбаев Н. И.* «Под бременем познания и сомненья...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). М., 1989. С. 32.

¹¹ См.: *Лупарева Н. Н.* «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012.

¹² *Карамзин Н. М.* О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // *Карамзин Н. М.* О древней и новой России: избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 383.

му сверху донизу. Самодержавие, таким образом, было демиургом, создавшим русскую государственность и русский народ, проявлением национального, самобытного русского духа, «Палладиумом»¹³ России, являвшимся в сознании консерваторов главной причиной и гарантией ее могущества и процветания. Ограничить самодержавие означало столкнуть страну в катастрофу, как минимум резко ее ослабить. Создателем этой концепции был Н. М. Карамзин. Обосновывая самодержавную форму правления, он использовал аргументы религиозного характера, а также указывал на соответствие самодержавия народному характеру и природно-климатическим условиям России. Самодержец является своего рода верховным арбитром над всеми сословиями, поддерживая равновесие между ними.

Консерваторов постоянно обвиняли в том, что они-де являлись «закоренелыми крепостниками». В 1817–1818 гг. из консервативной среды вышел один из реалистичных проектов отмены крепостного права (автором его был А. А. Аракчеев). При подготовке крестьянской реформы 1861 г. именно принцип освобождения крестьян с земель, предложенный задолго до этого Аракчеевым, возобладал.

Подавляющее большинство консерваторов не выступали против отмены крепостного права, но указывали на то, что для этого великого акта необходимо создать определенные условия. Как правило, они не отрицали того, что крепостное право является социально-экономическим и моральным злом, которое в перспективе должно было постепенно исчезнуть из русской жизни. Однако в тогдешней ситуации они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию как крестьянства, так и дворянства и, в конечном счете, к социальной революции. С их точки зрения, была необходима масштабная программа просвещения крестьянства, которая явилась бы необходимым условием подготовки отмены крепостного права. Перспектива освобождения «непросвещенного» народа, лишённого основ правового сознания и уважения к чужой собственности, пугала консерваторов. Его необходимо было подготовить к освобождению через создание соответствующей системы

¹³ От др.-греч. *παλλάδιον* — священная статуя-оберег, изображавшая Палладу, в данном случае — защита, оплот.

образования, которая сделала бы крепостных прежде всего законопослушными и просвещенными гражданами¹⁴.

Православие играло во взглядах консерваторов огромную роль. Так называемая «православная оппозиция»¹⁵, поскольку представители ее противостояли официальной конфессиональной политике, которая базировалась на идеях западноевропейского мистицизма и масонства, была по сути своего рода «консервативной партией» в церковной среде. Среди них наиболее яркими фигурами были архимандрит Юрьева Новгородского монастыря Фотий (Спасский), епископ Иннокентий (Смирнов), митрополит Серафим (Глаголевский). «Православную дружину» наиболее активно поддерживали А. С. Шишков и М. Л. Магницкий. На решающем этапе ее возглавил А. А. Аракчеев.

Система православных ценностей существенно повлияла на формирование русского консерватизма, оказав блокирующее действие на процесс рецепции иноконфессиональных консервативных западных доктрин. Так, консерваторы остановили реализацию масштабного проекта реформации Церкви, вынашиваемого Александром I и его ближайшим сотрудником министром духовных дел и народного просвещения князем А. Н. Голицыным, который предусматривал распространение некоего экуменического варианта христианства, связанного с антицерковными западноевропейскими учениями, в частности протестантским мистицизмом и масонством, что могло бы изменить религиозную, и, соответственно, национальную идентичность вначале элиты, а затем народа. С 1824 г. монархическая власть более не ставила под сомнение статус православия как господствующей религии, а русский консерватизм отныне базировался исключительно на православии.

В царствование Александра I была создана целостная система духовного образования, сыгравшая исключительно важную роль в усилении роли Церкви и православия в общественных и культурных процессах XIX — начала XX в.

¹⁴ См.: Минаков А. Ю. Социально-экономические взгляды русских консерваторов первой трети XIX века // *Российская история*. 2010. № 4. С. 154–167.

¹⁵ Термин, введенный петербургским историком Ю. Е. Кондаковым. См.: Кондаков Ю. Е. Русская православная оппозиция // *Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века : энциклопедия*. М., 2010. С. 415–418.

4. РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I

После 1812 г. в русской консервативной мысли начинает интенсивно развиваться направление, связанное с обоснованием русской самобытности, особого пути России, осознания ее отличия от Европы. В этом дискурсе две цивилизации — Русская и Западная — отчетливо воспринимаются как своего рода «расходящиеся галактики». Так М. П. Погодин провозгласил наступление принципиально нового этапа русской истории, знаменующего превосходство России над Западом: «Император Александр, вступив в Париж, положил последний камень того здания, которого первый основной камень положен Петром Великим на полях Полтавских. Период русской истории от Петра Великого до кончины Александра должно назвать периодом европейским... С императора Николая, которого министр [С.С. Уваров. — А. М.], в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность... начинается новый период русской истории, период национальный, которому на высшей ступени его развития будет принадлежать, может быть, слава сделаться периодом общей истории Европы и человечества»¹⁶.

В какой-то мере с М. П. Погодиным в подобных оценках сошлись не только официальные идеологи вроде С. С. Уварова, но и многие ведущие представители интеллектуального слоя, включая А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева и славянофилов. Они ясно и отчетливо ставили вопросы об отличиях русской истории от истории Западной Европы. Одновременно все они явились активными участниками процесса «национализации» культуры, когда произошел массовый переход элиты с французского языка на русский, завершилась эпоха ученичества и подражательства, а русские наука и культура начали приносить зрелые плоды.

В рамках официальной консервативной идеологии царствования Николая I (ее главными представителями были министр народного просвещения С. С. Уваров и историк М. П. Погодин, считавшие себя учениками Н. М. Карамзина) была провозглашена знаме-

¹⁶ Цимбаев Н. И. Указ. соч. С. 34.

нитая триада «Православие. Самодержавие. Народность», противопоставляемая французскому революционному лозунгу: «Свобода, равенство, братство». С. С. Уваров, по сути дела, дал удачную установку для разработки консервативной доктрины.

Наряду с признанием различия исторических судеб России и Европы, представители официальной идеологии отстаивали мысль о необходимости народного просвещения на указанных началах, ибо только просвещенное государство, распространяющее образование «сверху», усилиями высших сословий, может быть по-настоящему могущественным и противостоять революции, идущей с Запада.

«Умственные плотины», возведенные С. С. Уваровым, цензурная изоляция России от разрушительных западноевропейских революционных учений сыграли в тот период положительную роль, что бы по этому поводу ни утверждали представители либеральной и социалистической историографии.

С. С. Уваров явился одним из создателей национальной системы образования и науки. Теперь чиновники обязаны были иметь высшее образование, предполагающее лояльность к вышеуказанным идейным принципам. Прекратилось былое повальное увлечение западноевропейским мистицизмом и масонством правящего слоя. Элита перешла на русский язык, по крайней мере, она его уже очень хорошо знала, с абсолютным засильем галломании было покончено.

Это было время золотого века русской культуры. Значительная часть консерваторов были его ведущими творцами — зрелый А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Н. В. Гоголь, Ф. И. Тютчев, П. А. Вяземский. Основа их консервативных взглядов мало чем отличалась от уваровско-погодинской. Благодаря деятельности консерваторов часть элиты пришла к осознанию значения православия как противоядия против идей радикального западничества и революционаризма. Николаевское царствование не случайно также стало началом возрождения в церкви святоотеческой византийской традиции, избавления от схоластики католического и протестантского образца. Оно было подготовлено созданием упомянутой выше системы духовного образования, главным творцом которой был св. Филарет (Дроздов), который являлся одной из цен-

тральных фигур русского церковного консерватизма XIX в. Помимо него, видными представителями консервативно-богословских кругов были Игнатий (Брянчанинов), позже — Феофан Затворник, а также старцы Оптиной пустыни Амвросий, Леонид, Макарий, повлиявшие на духовное становление И. В. Киреевского, А. С. Хомякова, Н. В. Гоголя, К. Н. Леонтьева, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева и других виднейших русских писателей и философов.

В царствование Николая I консервативная идеология выполнила роль «щита» против революционных идей, идущих с Запада. Так, Ф. И. Тютчев сформулировал доктрину, согласно которой консервативная Россия являлась главным оплотом, антиподом мировой революции. «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия, — писал Ф. И. Тютчев. — Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества» (1849)¹⁷.

Борьба эта имеет глубоко религиозный характер: «Прежде всего Россия — христианская держава, а русский народ является христианским не только вследствие православия своих верований, но и благодаря чему-то еще более задушевному. Он является таковым благодаря той способности к самоотречению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы. Революция же прежде всего — враг христианства. Антихристианский дух есть душа Революции, ее сущностное, отличительное свойство. Ее последовательно обновляемые формы и лозунги, даже насилия и преступления — все это частности и случайные подробности. А оживляет ее именно антихристианское начало, дающее ей также (нельзя не признать) столь грозную власть над миром. Кто этого не понимает, тот уже в течение шестидесяти лет присутствует на разыгрывающемся в мире спектакле в качестве слепого зрителя»¹⁸.

¹⁷ Тютчев Ф. И. Россия и Запад. М., 2007. С. 53.

¹⁸ Там же.

Любопытно отметить, что подобные суждения Ф. И. Тютчева совпадали с оценками вождей европейского революционного движения (сделанными, разумеется, с другим знаком). К примеру Ф. Энгельс писал: «...на европейском континенте существует только две силы: с одной стороны, Россия и абсолютизм, с другой — революция и демократия... Ни одна революция в Европе и во всем мире не сможет достичь окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство»¹⁹.

Впрочем, Ф. И. Тютчев, как и классики марксизма, явно недооценил опасность революции для России, равно как и переоценил степень ее контрреволюционности.

Существенную роль в разработке понятия «самобытность» внес историк М. П. Погодин. С одной стороны, он не ставил под сомнение тезис, что история России есть составная часть европейской истории. С другой стороны, утверждал, что «всякий народ развивает свою жизнью особую мысль», у России есть свой особый путь, а обязанность историка — показать своеобразие этого пути. В небольшой, но весьма емкой работе «Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала» (1845), отталкиваясь от работ западных историков, в частности О. Тьерри, М. П. Погодин утверждал, что история русская и европейская являются сходными, но не пересекающимися процессами.

Расхождение путей России и Европы началось в момент образования государства. На Руси государство возникло в результате призвания варягов, «полюбовной сделки», на Западе возникло в результате завоевания варварами «туземцев». В Европе варвары победили «туземцев», отняли у них землю, обратили в рабство. Таким образом, победители и побежденные образуют два класса, между которыми возникла «непримиримая ненависть... которая усиливается тем более, чем долее должны бывает таиться». Поэтому между бывшими завоевателями и между бывшими побежденными постоянно ведется непримиримая борьба. Вначале «третье сословие» борется с аристократией, затем низшие классы выступают против «среднего сословия», поэтому революции на Западе неизбежны. На Западе короли и императоры ненавистны «туземцам»,

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 15.

а в России государь был был защитником и судьей народа. Земля оставалась в общем владении, а народ оставался свободным. Высшие сословия приобретали свои привилегии благодаря службе отечеству. Таким образом, делал вывод М. П. Погодин, в России «нет ни разделения, ни феодализма... ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы»²⁰. Все преобразования шли сверху от государства, а не снизу, как в Европе. «Изначальная точка», «зародыш» русской государственности определили самобытный путь России.

²⁰ *Погодин М. П.* Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала // *Избранные труды.* М., 2010. С. 252.

5. СЛАВЯНОФИЛЫ

Представители славянофильства, или, в формулировке Д. А. Хомякова, «православно-русского направления мысли» (А. С. Хомяков, И. С. и К. С. Аксаковы, И. В. Киреевский, Ю. Ф. Самарин и др.), в целом признавали уваровскую триаду (а в ней прежде всего православие и народность) как отправную точку своих взглядов. Они были несомненными консерваторами, поскольку обращение к традициям русского народа являлось определяющей установкой в их идейных поисках.

Относительно православия славянофилы ставили задачу максимально актуализировать традиции византийского христианства, поскольку «под руководством их сложился и воспитался коренной русский ум...»²¹. При этом славянофилы стремились к тому, что они называли «внутренней цельностью разума», «средоточию умственных сил», где «отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и высшее единство»²².

Однако их понимание православия предполагало критическое отношение к «синодальной системе», созданной Петром I и Феофаном Прокоповичем, в которой Церковь оказалась полностью подчинена государству и фактически стала частью государственного аппарата, что породило феномен отчуждения от Церкви большей части элиты и значительной части народа. Славянофилы сформулировали принцип соборности церковного сознания, который предполагал свободу Церкви, ее симфонию с государством (а не подчинение), а также логически вел к возрождению патриаршества. Став первыми после А. С. Стурдзы светскими богословами, религиозными философами и публицистами, они в условиях нарастающей секуляризации и индифферентного отношения к религии вновь открыли значимость православной религии и Церкви образованному обществу, положив начало своего рода светскому православному Возрождению.

Монархия в их понимании носила народный, не-бюрократический характер и должна была органично сочетаться с так называемой

²¹ Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984. С. 222.

²² Там же. С. 221.

«земщиной», т. е. системой местного самоуправления снизу, и выборным всесословным законосовещательным Земским собором наверху, на которые бы опиралась власть самодержца. При этом самодержавие, по их мнению, вполне могло сочетаться с теми свободами, которые, казалось бы, традиционно считались своего рода идейной монополией либералов: свобода слова, печати, независимого и гласного суда, принцип веротерпимости.

Принцип народности славянофилы жестко увязывали с общинной организацией, которая, с их точки зрения, определила исторические особенности русского народного быта. И. В. Киреевский утверждал: «...Воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество маленьких общин... составляющих каждая свое особое согласие, или свой маленький мир: эти маленькие миры... сливаются в другие, большие согласия... областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее огромное согласие всей русской земли»²³.

Принцип народности выступал в воззрениях славянофилов как противоположный принципу универсализма. Они одними из первых усмотрели опасность в космополитической унификации основных сфер деятельности различных народов, делая ставку на их уникальное религиозное и культурное своеобразие.

Славянофилы отчетливо сформулировали идею самобытного пути развития России, принципиального культурно-религиозного различия Европы и России. Свообразие России было обусловлено православием, особым характером до-петровского самодержавия, которое они отличали от западноевропейского абсолютизма и восточного деспотизма, особыми социально-нравственными отношениями, характерными для крестьянской общины, в которой они явно преувеличивали христианскую составляющую.

И. В. Киреевский одним из первых поставил вопрос о цивилизационных особенностях Запада. С его точки зрения, западная католическая христианская культура первоначально оказалась сформированной под сильным влиянием римского языческого рационализ-

²³ Киреевский И. В. Указ. соч. С. 226.

ма и практицизма: «римские богословы занимались особенно сторонною практической деятельностью и логической связи понятий»²⁴.

При этом отношение славянофилов к Западу не носило негативного или изоляционистского характера. Ценные достижения Запада, с их точки зрения, было необходимо использовать, но таким образом, чтобы не нанести вред собственной культуре и традиции. Они порой резко критиковали Петра I, изменившего ход русской истории, осуществившего своего рода радикальную западническую революцию сверху.

Славянофильство до 1861 г. можно охарактеризовать как либеральный консерватизм. Надо сказать, что николаевское государство с его упованием на бюрократические методы управления с недоверием относилось к подобного рода взглядам, славянофильские издания существовали в условиях жесткой цензуры и постоянно запрещались.

Ряд ключевых деятелей славянофильства явились уже в царствование Александра II разработчиками проекта отмены крепостного права, освобождения крестьян обязательно с землей, а также земской реформы, т. е. всесословного (а не только дворянского) местного самоуправления. Реформы 1860–70-х гг., сыгравшие исключительно важную роль в истории России, имели достаточно ярко выраженную славянофильскую окраску.

Сам термин «славянофильство» был достаточно случаен, приоритетами представителей этого направления, при всей их симпатии и интересе к славянским народам, были все же православие, русская история, русская культура и национальные особенности русского народа.

²⁴ Киреевский И. В. Указ. соч. С. 207.

6. РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В 1860–80-е гг. XIX в.

Великие реформы имели либерально-бюрократический характер, а либерализм стал господствующим мировоззрением образованного слоя. Одновременно большой популярностью пользовались памфлеты таких левых публицистов, как А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, и их единомышленников, готовых призывать Русь «к топору». Начинает оформляться леворадикальное подполье, психологически уже готовое к индивидуальному террору.

Во время мощного Польского восстания 1863–64 гг., впервые после нескольких веков поставившего под угрозу целостность Российской империи, русофобия восставших поляков, агрессивное давление на Россию Запада, активно поддержавшего повстанцев, взлет радикального движения внутри России привели к резкому «поправлению» настроений в правительственных кругах и обществе.

Мыслящая и служилая Россия испытала колоссальный шок: психологический, идейный, культурный, что послужило импульсом для возникновения новых течений русского консерватизма.

Консерваторы способствовали росту этатистских настроений, на смену полуанархическим воззрениям на природу и характер государственной власти в сознании образованного слоя начало приходить понимание необходимости государства, призванного не создать рай на земле (задачу в принципе невыполнимую), а не допустить скатывания общества в ад. Произошел процесс консолидации консервативных сил, лидерами которых выступили М. Н. Муравьев, беспощадно подавивший польское восстание и на долгие годы ставший кумиром русских консерваторов, М. Н. Катков, И. С. Аксаков и К. П. Победоносцев.

Лидером консерваторов того времени выступил М. Н. Катков, создатель талантливой консервативной журналистики (ему принадлежали газета «Московские ведомости» и журнал «Русский вестник»), выступивший против дальнейшего углубления либеральных реформ, расшатывавших и деморализовавших, с его точки зрения, государство (именно в это время появляется нигилизм, довольно сильное революционное движение, начинается «красный» террор, возникает «окраинный» сепаратизм). При этом М. Н. Кат-

ков в статье «К какой принадлежим мы партии» (1862) определял свою позицию следующим образом: «Истинно прогрессивное направление должно быть в сущности консервативным, ибо чем глубже преобразование, чем решительнее движение, тем крепче должно держаться общество тех начал, на которых основано... Истинный консерватизм не враг прогресса, новведений, реформ, напротив, он сам вызывает их в интересах своего дела в пользу тех начал, существование которых для него дорого»²⁵. М. Н. Катков исходил из того, что самодержавие является единственно возможной формой власти в России, а реформы являются единственно возможным путем развития.

М. Н. Катков отстаивал освобождение крестьян за выкуп с землей и предоставление им гражданского равноправия. Он выступал за отмену телесных наказаний, цензуры, введение гласного бессословного суда, самоуправления. От либералов-западников его отличало то, что он не призывал к ограничению самодержавия и резко негативно относился к конституционным устремлениям либералов.

В отличие от славянофилов М. Н. Катков не был склонен к идеализации крестьянской общины, рассматривая ее как одну из форм хозяйственной организации. По его мнению, народный самобытный дух проявлялся не в деятельности общины, а в создании государства. Народный же дух как реальная сила проявляется лишь в критических ситуациях, когда возникает необходимость сохранения государства.

М. Н. Катков был не просто государственным деятелем, а поборником имперской идеи, категорически выступавшим против национал-сепаратистских движений за единство и целостность Российской империи. Им была осознана значимость национального вопроса, в частности, впервые поднята проблема украинского сепаратизма, серьезно проявившего себя тогда под влиянием польской русофобской пропаганды. «Московские ведомости» М. Н. Каткова одержали убедительную идейную победу над эмигрантским «Колоколом» А. И. Герцена, поддержавшим польскую шляхту и занявшим пораженческие и коллаборационистские позиции. К 1863 г. тираж «Ко-

²⁵ Катков М. Н. К какой принадлежим мы партии // Русский вестник. 1862. № 2. Т. 37. С. 832.

локола», ранее пользовавшегося известной популярностью, упал с 3000 до 500 экземпляров.

М. Н. Катков издал почти все «канонические» книги русской литературной классики, так, в редактируемом им журнале «Русский вестник» были впервые напечатаны «Отцы и дети» (1862) И. С. Тургенева, «Война и мир» (1865–1869) и «Анна Каренина» (1875–1877) Л. Н. Толстого, «Преступление и наказание» (1866) Ф. М. Достоевского, затем «Идиот» (1868), «Бесы» (1871–1872), «Братья Карамазовы» (1879–1880). «Соборяне» (1872) и «Запечатленный ангел» (1873) Н. С. Лескова.

Во многом благодаря Каткову, занимавшему последовательно консервативные позиции, в русской литературе также возник жанр «антинигилистического» романа (помимо уже упомянутых произведений Ф. М. Достоевского и И. С. Тургенева, М. Н. Катков опубликовал романы А. Ф. Писемского, В. В. Крестовского, Б. М. Марквича, В. Г. Авсеенко и др.

Одновременно в 1860-е гг. произошла радикализация основных положений историософии русского консерватизма — от признания существенных различий в судьбах России и Европы до создания целостного учения Н. Я. Данилевского, изложенного в трактате «Россия и Европа», о различных культурно-исторических типах. Н. Я. Данилевский утверждал, что нет никакой единой человеческой цивилизации, нет никакого однолинейного эволюционного процесса. Народы, как и отдельные личности, рождаются, растут и умирают, лишь некоторые сильные народы создают культурно-исторические типы, а другие остаются лишь этнографическим материалом для них. Культурно-исторических типов Н. Я. Данилевский насчитывал десять: египетский, китайский, ассирийско-вавилоно-финикийский, индийский, иранский, еврейский, греческий, римский, новосемитический (аравийский) и романо-германский.

Н. Я. Данилевский исходил из «органицистского» понимания общества как живого организма, живущего по своим законам, имеющего свои стадии развития с момента рождения до смерти. «Расцвет» и плодоношение культурно-исторического типа, когда появляется множество его достижений, означает, согласно Н. Я. Данилевскому, что он вслед за этим начнет угасать. «Расцвет» Н. Я. Да-

нилевский считал стадией цивилизации — т. е. вершинной частью в развитии культурно-исторического типа. Также в развитии культурно-исторического типа Н. Я. Данилевский выделял подготовительный этнографический период, длящийся не менее тысячи лет, и период цивилизации, «цветения», длящийся около 600 лет.

Каждый культурно-исторический тип имеет свою основу, т. е. аспекты, в которых проявлялась деятельность того или иного типа. Основ Н. Я. Данилевский выделял четыре: религиозная (отношение к Богу), культурная, политическая и общественно-экономическая. Н. Я. Данилевский считал, что в самых древних культурно-исторических типах (египетском, китайском, ассирийско-вавилонско-финикийском, индийском и иранском) не выделялась ни одна из перечисленных основ, они были смешаны. Затем возникли одноосновные культурно-исторические типы: еврейский с религиозной основой, греческий — с культурной, римский — с политической. Романо-германский европейский культурно-исторический тип стал уже двухосновным, проявив себя в религиозном и общественно-экономическом плане. Н. Я. Данилевский предсказывал появление одиннадцатого славянского культурно-исторического типа, который виделся ему наиболее совершенным, четырехосновным, центром которого была бы Российская империя.

Такое понимание противостояло взгляду на общество как на механизм, подлежащий рациональному улучшению, восходящему к просвещенческой идеологии. Н. Я. Данилевский обосновал одно из ключевых положений русского консерватизма: о невозможности механических заимствований фундаментальных источников культуры одной цивилизации у другой. Точнее, по Н. Я. Данилевскому, это возможно, но с существенными ограничениями, тогда, когда речь идет о заимствовании лишь естественно-научных, промышленных и технических знаний. Слепое же заимствование может принять разрушительный характер при попытках пересадить на иную «духовную матрицу» религиозные, культурные, нравственные принципы, сам менталитет чужой цивилизации.

Учение Н. Я. Данилевского о цивилизациях было прорывом в понимании всемирной и русской истории. Он подверг критике европоцентризм, идеологию, провозглашающую превосходство Запада

над другими цивилизациями, показал равноценность и равнозначимость великих цивилизаций, подобных романо-германской, китайской, индийской и т. д. В дальнейшем сходные идеи развивали на Западе О. Шпенглер, М. Вебер, П. А. Сорокин, А. Тойнби, С. Хантингтон.

Н. Я. Данилевский принадлежал к так называемому «почвенническому» направлению в русском консерватизме, которое, будучи чрезвычайно близким к славянофильству, усматривало в «почве», т. е. крестьянстве, основного носителя консервативных ценностей. К этому направлению, помимо Н. Я. Данилевского, принадлежали А. А. Григорьев, Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский.

Творчество вершинного гения русской культуры Ф. М. Достоевского развивалось под сильнейшим влиянием идей русских консерваторов, в особенности Н. Я. Данилевского и славянофилов, что нашло яркое отражение в становящемся в наши дни все более востребованным «Дневнике писателя» и косвенно — в его великих литературных творениях. В романе «Бесы» Ф. М. Достоевский подверг критике самые основы леворадикального мировоззрения, ценностным ядром которого он считал атеизм и нигилизм и обрисовал страшные последствия реализации этого мировоззрения на практике.

В «Бесах» был гениально раскрыт феномен революционного сознания и сопутствующих ему политических технологий, претендующих на глобальное переустройство традиционного христианского миропорядка. Так, один из центральных персонажей «Бесов», Шигалев, предлагает, в виде конечного разрешения вопроса, разделить человечество на две неравные части. Одна десятая доля должна получить свободу личности и право безграничной власти над остальными девятью десятыми. Последние должны утратить индивидуальность, обратиться в рабочее «стадо» и при безграничном повиновении достигнуть «первобытной невинности», своего рода «первобытного рая».

Каждый член нового общества обязан следить за другими и доносить друг на друга. «Каждый принадлежит всем, а все каждому. Все рабы и в рабстве равны». Во имя всеобщего равенства допускаются клевета и убийства. Для достижения всеобщего равенства

в первую очередь должен быть понижен уровень образования, наук и талантов. Поскольку высокий уровень наук и талантов доступен только людям с высшими способностями, то их необходимо упразднить. «Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями — вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство. Не надо образования, довольно науки! И без науки хватит материалу на тысячу лет, но надо устроиться послушанию. В мире одного только недостает: послушания. Жажда образования есть уже жажда аристократическая. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы уморим желание: мы пустим пьянство, сплетни, донос; мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. <...>Необходимо лишь необходимое — вот девиз земного шара отселе». При этом новое общество должно периодически проходить кровавые «чистки»: «...нужна и судорога... раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и все вдруг начинают поедать друг друга, до известной черты, единственно чтобы не было скучно»²⁶.

Ф. М. Достоевский в «Бесах» дал точное описание будущего революционного «беснования», его побудительных мотивов и «движущих сил» с сугубо консервативных позиций. Это «беснование» состоялось в умах задолго до событий 1917 г.

Анализ Ф. М. Достоевского оказался не востребуемым большинством образованного русского общества, пораженного различными разновидностями «чужебесия». Характерна реакция Ульянова-Ленина: «Морализующая блевотина!» Подобную оценку творчества гениального русского писателя разделяло большинство левых радикалов.

В 1870-е гг. Ф. М. Достоевский, который в молодости исповедовал радикальные социалистические взгляды и поплатился за

²⁶ Все цитаты приведены по: *Достоевский Ф. М. Бесы. Роман в трех частях. «Бесы»* : антология русской критики. М., 1996. С. 257.

это каторгой, стал активным сторонником самодержавной монархии, сильной государственной власти. Редактируемый им журнал «Гражданин», откликавшийся на все острые вопросы внутренней и внешней политики, общение с К. П. Победоносцевым — лидером официозных консерваторов, сделали Ф. М. Достоевского буквально ведущим ритором тогдашнего консервативного лагеря, при этом пользующегося огромным влиянием на умы образованного слоя. Ф. М. Достоевский развивал свои идеи в рамках «почвенничества», течения, ставящего своей целью примирить противоположности западничества и славянофильства. Он остро ставил вопрос об отношениях России и Европы, русской и европейской культуры, отвергал европейскую русофобию, констатировал факт духовной смерти Европы, но в то же время верил в ее воскрешение, благодаря России. Его публицистику пронизывала вера во «всечеловеческое» призвание России, вера в то, что русский народ является народом-богоносцем, хранителем подлинного Православия, призванного обновить мир. Особое значение Ф. М. Достоевский придавал реваншу за поражение в Крымской войне, возвращению России в мировую политику, отвоеванию у турок Константинополя, выходу в Средиземное море.

Православие играет совершенно особую роль в истории русского народа: «Русский народ весь в православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет — да и не надо, потому что православие всё... Кто не понимает православия — тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того: тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть»²⁷. Русское самодержавие, с точки зрения Ф. М. Достоевского, было явлением глубоко народным, между народным православием и монархией существовала органическая связь: «Царь для народа не внешняя сила, не сила какого-нибудь победителя, а всенародная единящая сила, которую сам народ восхотел, которую вырастил в сердцах своих, которую возлюбил, за которую претерпел, потому что от нее только ждал исхода своего из Египта. Для народа Царь есть воплощение его самого, всей его идеи, надежд и верований... Если хотите, у нас в России и нет никакой другой силы, зиждущей, сохраняющей

²⁷ Достоевский Ф. М. Дневник писателя : в 2 т. Т. 2. М., 2011. С. 162.

и ведущей нас, как эта органическая, живая связь народа с Царем своим, и из нее у нас все и исходит»²⁸.

В правление императора Александра III «два Константина» — К. Н. Леонтьев и К. П. Победоносцев — осуществили критику идей политического либерализма и парламентаризма. Лидером здесь был, пожалуй, К. П. Победоносцев, наставник двух последних русских царей, один из самых образованных людей своего времени. Дружбой с К. П. Победоносцевым дорожили многие русские писатели, поэты, художники и литераторы, среди них Ф. М. Достоевский, И. С. Аксаков, А. А. Фет, В. М. Васнецов, П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков.

Для К. П. Победоносцева идеи политического либерализма и парламентаризма суть «великая ложь нашего времени». Под прикрытием выборного начала и парламентаризма, при помощи продажной печати формируется путем подлогов и манипуляций власть абсолютного меньшинства — космополитической олигархии и бюрократии, ничего общего не имеющая с народовластием. Именно поэтому самодержавная монархия, с точки зрения К. П. Победоносцева, была единственно относительно нравственной и «прозрачной» формой правления, реально способной отстаивать общенародное благо, а не своекорыстные интересы анонимных закулисных групп. Современные историки правильно отмечают, что К. П. Победоносцев «от радужных идеалистических представлений о возможностях человеческой природы перешел к противоположной... крайности — к представлениям о том, что в природе человека преобладают порочные начала, что давать ему свободу нельзя, что он должен быть подвергнут постоянному и неусыпному контролю. Но не формализованному бюрократическому надзору, а патриархальной опеке. Именно она должна составлять основу государственного и общественного устройства. Эту идею К. П. Победоносцев поставил во главу угла сначала своих идеологических концепций, а потом и государственной деятельности»²⁹.

К. Н. Леонтьев в условиях, когда образованное общество в основном исповедовало атеизм и отрицало наличие надындивидуаль-

²⁸ Достоевский Ф. М. Дневник писателя : в 2 т. Т. 2. М., 2011. С. 505.

²⁹ Полунов А. Ю. «Всероссийский наставник» // Историк. 2017. № 5. С. 66.

ных высших ценностей, отстаивал идею «византизма», т. е. исключительно сильной иерархической государственности, базирующейся на православии, которая бы могла сдерживать в России процессы социальной энтропии и политической деградации.

К. Н. Леонтьев постулировал: «Византизм в государстве значит самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного представления о земной личности человеческой, которое внесено в историю германским феодализмом; знаем склонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей земной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного всеобщества и всеобщности»³⁰.

Фактически К. Н. Леонтьев, идя вслед за славянофилами и Н. Я. Данилевским обосновал идею существования двух различных цивилизаций — России и Западной Европы. Слово «цивилизация» он не использовал, но фактически описал это явление как некий сверхорганизм, который, подобно биологическому организму, проходит три стадии: юность, зрелость и старость. У цивилизации эти стадии таковы: первый этап — первичная эпическая простота и патриархальность; второй этап — сложное цветение с многообразным и гармоническим творчеством и развитием, объединенными в высшем духовном и государственном единстве; третий этап — вторичная простота, являющаяся результатом смешения и упрощения, за которой следует разложение и гибель.

Учение о «цветущей сложности» и «смесительном упрощении» имела ценностным ядром прежде всего беспрецедентную в то время критику современной секулярной культуры, которая, с его точки зрения, неуклонно вела человечество, в том числе и Рос-

³⁰ Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство. М., 2004. С. 127–128.

сию, к духовному, интеллектуальному, эстетическому, нравственному и антропологическому вырождению. К. Н. Леонтьев не принимал модерн прежде всего эстетически, а затем уж религиозно, нравственно и политически, предчувствуя приход за ним и постмодерна. В какой-то мере так называемый «русский» или «византийский стиль» сформировался под влиянием русской консервативной мысли.

К. Н. Леонтьев подверг жесткой критике понятие прогресса с позиций «византизма», православного вероучения, которое культивировало пессимизм по отношению к дольному миру и обещало блаженство в мире горнем. Идея прогресса была естественной для западной культуры, для романо-германского мира, настраивающего людей на земное счастье, но для России с ее «византизмом» совершенно чуждой. Резко отрицательно относился К. Н. Леонтьев к идее социализма, тесно связанной с идеей прогресса. Идея всеобщего уравнительного блага, равно как и идея прогресса, провозглашающая равенство и свободу, одинаковые для всех условия жизни — это, с точки зрения К. Н. Леонтьева, идеи неосуществимые, погоня за призраком, род религиозного суеверия, все это находится в решительном противоречии с законами природы и историческим развитием общества. Путь прогресса ведет к эгалитарно-либеральному тупику, в мире нарастает тусклое однообразие, усредненность жизни, из нее изгоняется былая красота. В. В. Розанов, ученик К. Н. Леонтьева, удачно изобразил картину всеуравнивающей «энтропии», постигшей современный мир: «Все люди стали подобны друг другу; все государства имеют приблизительно одну конституцию; они все одинаково воюют и управляются. Во всех городах все та же индустрия и однообразный быт, ею налагаемый. Повсюду, во всех странах, для всех классов населения одинаковое обучение, по одним и тем же книжкам... равно безличное и бесцветное. Нет более одиноких вершин в философии и науке, есть их бесчисленные «труженики», однообразно способные или неспособные. Взамен поэзии появилась литература, но и она скоро сменилась журналистикой, которая уже убивается газетой. Стили смешались... Удушливая атмосфера коротких желаний и коротких мыслей носится над всем этим... поободря всякое прини-

жение, — туда, что стоит еще ниже всех, что никого не оскорбляет своим превосходством... И сколько же внутренней боли в этих миллионах свободных людей, если простое созерцание чужого счастья пробуждает в них столько страдания; и сколько темного несут они в себе, какие зародыши яда, если и заботы науки, и поэзию, какая еще осталась, они клонят только к больному, уродливому и преступному в человечестве, от всего же здорового и светлого непреодолимо отвращаются. Тут не придуманность, не господство искусственной теории сказывается; это растет из самой истории, это неотделимо от нового человека...»³¹.

В начале царствования Александра III, начавшегося после убийства народовольцами-террористами его отца, Александра II, произошло жесткое столкновение двух консервативных в своей основе проектов: славянофильского либерально-консервативного, предполагавшего сочетание самодержавия с Земским собором. Он был выдвинут влиятельным славянофилом И. С. Аксаковым и министром внутренних дел Н. П. Игнатьевым. Новый император под давлением К. П. Победоносцева и М. Н. Каткова выбрал последовательно-консервативный вариант, предполагавший сохранение неограниченного самодержавия. Во многом этот вариант сформировался не только под влиянием шока от страшных последствий народовольческого террора, но и разочарования от негативных последствий либеральных реформ, заставивших консерваторов осуществить пессимистическую переоценку творческих и деловых возможностей «земщины», или, говоря современным языком, гражданского общества, которое в консервативном дискурсе воспринималось как в целом неспособное к планомерной административной и хозяйственной работе, предпочитающее заниматься деструктивной критикой власти и моральной поддержкой революционного подполья.

Консерваторы, прежде всего К. П. Победоносцев и педагог С. А. Рачинский, осуществили программу широкого распространения церковно-приходских школ, т. е. внедрения мощной религиозно-патриотической компоненты в народное образование, призван-

³¹ Розанов В. В. Теория исторического прогресса и упадка // Русский вестник. 1892. Т. 219. Март. С. 289–290.

ной сыграть стабилизирующую роль в условиях нарастающего кризиса. Дело не ограничивалось только созданием церковно-приходских школ, но также осуществлялось строительство храмов, в том числе в древнерусском стиле, проведение церковно-общественных массовых торжеств, издание назидательной литературы и многое другое.

При Александре III консерваторы сформулировали экономическую программу консервативной модернизации, предполагающей жесткие меры протекционистского характера и учет внутрироссийских условий, прежде всего аграрного характера русской экономики. Главным условием успеха программы широких мероприятий по развитию национальной индустрии и экономики в целом они считали сохранение мощной самодержавной власти. В той или иной степени этих взглядов придерживались министры финансов И. А. Вышнеградский, ранний С. Ю. Витте (поклонник экономических взглядов Фридриха Листа), в дальнейшем — П. А. Столыпин. Развитие индустрии и финансов, стремительный промышленный рост начала XX в. во многом шли под знаком подобных воззрений.

В годы правления Александра III при его непосредственном участии в Российской империи произошел национальный поворот в русской музыкальной жизни, в зодчестве, в ваянии, в живописи, были созданы Русская опера, Русский музей, активно работало Русское Императорское историческое общество, было подготовлено создание русского национального театра во главе с А. Н. Островским, состоялось открытие Императорского исторического музея, было учреждено Русское императорское Палестинское общество.

7. РУССКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ II

При Николае II в начале XX в. в силу необходимости противостояния нараставшим революционным процессам началась принципиально новая стадия русского консерватизма: организационное и партийно-политическое объединение консервативных сил — возникли такие организации, как Русское собрание, Союз русского народа (руководитель — А. И. Дубровин), Союз Михаила Архангела (руководитель — В. М. Пуришкевич) и др., корпоративные союзы, например, правоконсервативный Союз русских рабочих. Консервативные организации становятся достаточно влиятельной политической силой, переходят к массовой агитации и пропаганде, привлекают на свою сторону представителей чиновничества, духовенства, широких слоев крестьянства. Произошло реальное сплочение консервативных сил, их идеологическое и организационное единение в процессе противодействия Революции 1905—07 гг. В эти годы власть поддержала правых, поскольку нуждалась в них в качестве опоры в борьбе с либералами и левыми радикалами. Вопреки стереотипам, внедренным противниками правоконсервативных сил, осуществивших в XX в. беспрецедентную негативную мифологизацию консерватизма, представители правого лагеря не участвовали и не организовывали стихийные погромы осени 1905 г., а жертв так называемого «черносотенного террора» было буквально несколько человек (в то же время от левого террора погибло по подсчетам современных исследователей не менее 17 тыс. человек).

Среди консерваторов было немало представителей интеллектуальной элиты того времени, например, академики-филологи А. И. Соболевский и К. Я. Грот, византист Н. П. Кондаков, химик Д. И. Менделеев, художники В. М. Васнецов, Н. К. Рерих, К. Маковский, поэты Б. Садовский, М. Кузьмин. Членами этих организаций были св. Иоанн Кронштадский, будущий Патриарх Тихон (Беллавин), будущий создатель Русской Православной Церкви за рубежом (РПЦЗ) Антоний Храповицкий.

Показательно, что среди канонизированных церковью святых новомучеников и исповедников XX в. членами правоконсерва-

тивных организаций были тринадцать человек. Число членов правоконсервативных организаций насчитывалось от 400 до 600 тыс., причем среди них преобладали крестьяне.

Тогда же группа талантливых русских левых интеллектуалов начала движение «от марксизма к идеализму», а от идеализма к православию и церкви, породив феномен так называемого русского религиозного ренессанса, явления сложного, многосоставного, но, наряду со всем прочим, имевшего и консервативную составляющую. Среди них были П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909), в котором с либерально-консервативных позиций было подвергнуто критике радикальное и леволiberaльное мировоззрение, с его атеизмом, ненавистью к государству как таковому, нигилистическим отношением к правосознанию, оторванностью от реальных народных интересов, ставкой на революцию как основной способ решения проблем общества и т. д. Либеральные консерваторы смогли достаточно органично соединить ценности православия, государственности и патриотизма с ценностями свободы. При этом они оставались чужды как традиционным консерваторам, так и типичным представителям либерального лагеря.

Меры, осуществленные П. А. Столыпиным, представляли собой своеобразный вариант либерально-консервативной модернизации. Опираясь на мощный ресурс самодержавной власти, подавляя революционный террор и сепаратистские движения, П. А. Столыпин сделал, наряду с прочим, ставку на русский патриотизм, национализм и консерватизм.

Так, по инициативе П. А. Столыпина в Государственной думе в 1908 г. была создана своего рода «русская партия»: «Всероссийский национальный союз», занимавший умеренно правую позицию. Его идеологию можно определить как консервативный национализм, наиболее яркими выразителями которого выступали издатель самой популярной консервативно-националистической газеты «Новое время» А. С. Суворин, его сотрудники, блестящие публицисты и литераторы М. О. Меньшиков и В. В. Розанов. «Всероссийский национальный союз» был опорой П. А. Столыпина в Государственной думе. С точки зрения его членов, становым хребтом Российской им-

перии был русский народ. Укрепление государства предполагало приоритет русской национальности, русского языка, русской школы, русской культуры. Предоставление преимущества окраинам неизбежно должно было вести к росту сепаратизма и ослаблению государства.

С подачи Л. А. Тихомирова, бывшего народовольца и идеолога террора, пережившего после убийства Александра II глубочайший духовный переворот, который развернул его к православию и самодержавной монархии, П. А. Столыпин пытался решить взрывоопасный рабочий вопрос, опираясь на идеи консерваторов. Суть их сводилась к следующему. Самодержавие в силу своего надклассового характера может решить рабочий вопрос так же, как ранее решило крестьянский (вопреки сопротивлению части дворянства). Именно самодержавное государство должно было выступить независимым арбитром в разрешении конфликтов между торгово-промышленным классом и пролетариатом, ограничив аппетиты первых и предоставив правовую помощь и меры просветительского характера вторым. События, однако, пошли по сценарию, приготовленному левым лагерем.

Консервативные идеологи предложили П. А. Столыпину и вполне адекватные пути решения назревших проблем церковной жизни: восстановление патриаршества, освобождение церковной жизни от диктата государственной власти, развитие приходов и т. д.

В этот период в трудах Л. А. Тихомирова, в частности в трактате «Монархическая государственность», было осуществлено масштабное теоретическое осмысление самодержавия как самобытной формы российской государственности, соответствующей ей правовой системы, способов функционирования и взаимосвязи различных политических институтов, связи ее с религиозным мирозерцанием. С точки зрения Л. А. Тихомирова, самодержавная монархия, твердая и сильная система власти, в отличие от демократии, может реально защитить права личности и дать свободу творчества человеку, допуская как самое широкое самоуправление на местном уровне, так и общенациональное представительство от общественных и профессиональных корпораций.

Представители правоконсерваторов ясно видели, в отличие от своих политических противников, в каком катастрофическом со-

стоянии может оказаться Россия, если на практике будут реализованы политические проекты русских левых либералов и социалистов. В частности, видный член правой фракции Государственного Совета П. Н. Дурново еще до начала Мировой войны писал Николаю II, что в случае войны с Германией «все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала черный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победенная армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надежного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»³². Блестящий анализ и страшный прогноз П. Н. Дурново не возымели действия на Николая II.

Стоит подчеркнуть, что именно видные представители консервативного лагеря предлагали последнему императору вполне реалистические политические рецепты, которые могли бы уберечь Россию от революционных потрясений. Среди них были введение в стране военной диктатуры с сильным лидером, введение военного или даже осадного положения в обеих столицах, размещение в них надежных войск с пулеметами, «милитаризация» заводов и мастерских, работающих на оборону, обеспечение надежной защиты телеграфа, почты и железных дорог, усиление власти на местах; назначение правого, ответственного перед царем Совета министров; усиление правого крыла Госсовета, устранение всех сочувствующих Прогрессивному блоку; ослабление либерального Союза земств и городов, главного оплота оппозиции, назначение правительствен-

³² Записка П. Н. Дурново // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 197.

ных комиссаров в Союз земств и городов и в военно-промышленные комитеты с целью пресечения революционной пропаганды; организация ежедневной патриотической печати, не менее 10—12 органов; закрытие всех органов оппозиционной печати, цензура на все время войны; «драконовские наказания» по суду за клевету; применение военного закона о конфискации имущества государственных изменников, а также лиц, осужденных военным судом за возбуждение смуты, превентивные аресты революционных элементов, выдача членам черносотенных организаций оружия и т. д. Это была вполне реалистическая правоконсервативная программа, альтернатива Февралю. Николай II не последовал этим рекомендациям.

Роковая особенность дореволюционного русского консерватизма заключалась в беспрекословной ориентации на верховную власть, использование ее политических и административных рычагов, а не на создание собственной политической организации, готовой взять власть в свои руки. Выполнение своих программных требований консерваторы вплоть до февраля 1917 г. переадресовывали монарху.

В начале XX в. консерваторам совместно с исторической властью удалось подавить красную Смуту 1905—1907 гг. Но после того как произошла частичная стабилизация, либеральная бюрократия, при пассивном отношении монарха, расколола консервативное движение и сделала многое для его компрометации. Кроме того, сильно ослабила позиции консерваторов и Великая война, в которой рядовые участники правоконсервативных организаций активно участвовали по патриотическим мотивам. В феврале 1917 г. государство защищать было уже некому.

8. РУССКИЕ КОНСЕРВАТОРЫ В ЭМИГРАЦИИ

После февральско-октябрьской революции 1917 г. представители консерватизма либо были вынуждены покинуть страну, либо физически уничтожены, либо полностью маргинализированы. Конечно, это было сокрушительное и, казалось бы, полное поражение. Произошло колоссальное «красное смещение» в политическом и культурном спектре. Историческая Россия прекратила свое существование, а государственное новообразование, возникшее на ее месте, ориентировалось на модель общественного прогресса, которая пользовалась поддержкой огромного числа влиятельных западноевропейских интеллектуалов и политиков. В рамках этой модели русская история, православие, русская культура, русский патриотизм и консерватизм рассматривались как явления, однозначно враждебные «диктатуре пролетариата». СССР был построен на основе «социалистического федерализма», а русский народ был под лозунгом «права наций на самоопределение» искусственно поделен на собственно русских, украинцев и белорусов, проживавших в соответствующих «социалистических республиках», причем в УССР и БССР происходила замена национальной идентичности, разумеется, в рамках «социалистического выбора». Старая имперская элита была уничтожена или изгнана, национальное самосознание русских подавлялось и шельмовалось.

Консерватизм как легальное идейное течение, открыто существующее под собственным самоназванием, был практически невозможен внутри Советской России. Чудом, пройдя через страшные испытания, уцелели отдельные носители консервативного мировоззрения, как, например монах Андроник — знаменитый философ А. Ф. Лосев. Взгляды оставшихся одиночек, остро ощущавших масштабы катастрофы, постигшей Россию в 1917 г., приобретали радикально-традиционалистский характер.

По пути радикальной критики современности, спровоцированной страшным шоком от гибели исторической России, пошел гениальный мыслитель о. Павел Флоренский, убитый на Соловках в 1937 г. В 1920-е гг. он усматривал истоки русской и всемирной катастрофы в эпохе Ренессанса, который, отвергнув теоцентрическую

картину мира и провозгласив главной ценностью обожествляющего себя плотского и греховного человека, породил субъективность, индивидуализм, материализм и, в конечном счете, нигилизм, революцию и саморазрушение «бездушной цивилизации» Нового времени. Ренессанс и гуманизм, таким образом, знаменовали для П. Флоренского гибель подлинно христианского миропорядка. Выход П. Флоренский видел в свержении «ига возрожденской цивилизации» и наступлении «нового средневековья», в котором будет господствовать новая «целостная культура», построенная на теоцентрических и иерархических основаниях³³. Ее контуры П. Флоренский набросал, пребывая в следственном изоляторе ОГПУ, в проекте «Предполагаемое государственное устройство в будущем» (1933) — радикально-консервативной утопии, главной целью которой было преодоление антихристианского жизнеустройства³⁴.

Подобные взгляды разделял и философ А. Ф. Лосев, который на допросах в ОГПУ в 1930 г. заявлял: «Россия кончилась с того момента, как народ перестал быть православным. Спасение русского народа я представляю себе в виде “святой Руси”. Вся история человечества есть история борьбы между Христом и Антихристом, богом и сатаной. Феодализм — высшая ступень в истории человечества, торжество бога; феодализм падает под ударами сатаны, дальнейшая история есть история развертывания и оформления сатанинского духа. Ступени этого развертывания — капитализм, социализм, анархизм. <...> Марксизм и коммунизм есть наиболее полное выражение <...> сатанинского <...> духа. Последним этапом воплощения сатаны будет анархия, неизбежно вытекающая из социализма. Но переход от капитализма к социализму не неизбежен, не только исторически, но даже логически; чтобы предотвратить окончательное торжество сатаны — Антихриста и следующий за ним конец мира, необходимо социализму противопоставить активную и непримиримую церковь, которая должна вступить в борьбу с соци-

³³ См.: *Хагемайстер М.* Новое средневековье Павла Флоренского // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2003 год. М., 2004.

³⁴ *Священник Павел Флоренский.* Предполагаемое государственное устройство в будущем. Сборник архивных материалов и статей. М., 2009.

ализмом и победить его, тем самым изменив ход истории»³⁵. После пребывания в застенках ОГПУ, затем в концлагере, будучи на десятилетия пораженным в правах, А. Ф. Лосев, тем не менее, не отказался от подобных взглядов, опубликовав в 1978 г. книгу «Эстетика Возрождения»³⁶, где по сути дела воспроизвел антиренессансную критику, в которой культура Средневековья противопоставляется культуре Ренессанса, основанной на абсолютизации самообожествляющего себя изолированного субъекта и вследствие этого закономерно движущегося к нигилизму и сатанизму. Судьба А. Ф. Лосева трагична. Как заметил Ю. М. Кублановский: «человека-уникума, монаха и философа, чуравшегося, как проказы, суетного житейского мельтешенья, чекистские обезьяны в считанные месяцы превратили в полуслеплого инвалида с ревматическими руками от тяжелых работ на холоде. Сохранили жизнь, но перебили ему становой культурный хребет как философу и потом всю жизнь заставляли притворяться марксистом»³⁷.

Русский консерватизм в первые несколько десятилетий после Революции 1917 г. преимущественно развивался в русской эмиграции.

Одним из аспектов великой «миссии русской эмиграции» (о ней ярко сказал И. Бунин в своей знаменитой речи «Миссия русской эмиграции (1924 г.): «...поистине мы некий грозный знак миру и посильные борцы за вечные, божественные основы человеческого существования, ныне не только в России, но и повсюду пошатнувшиеся»³⁸) — было сохранение и осмысление русской консервативной идеи, что нашло отражение в трудах монархистов, И. А. Ильина, И. Л. Солоневича, правых евразийцев, вроде Н. С. Трубецкого, и представителей так называемого «русского религиозного ренессанса», среди которых выделяются фигуры либеральных консерваторов, бывших «веховцев» П. Б. Струве, Н. А. Бердяева и С. Л. Франка. Немалую роль играли иерархи и бо-

³⁵ «Так истязуется и распинается истина...» А. Ф. Лосев в рецензиях ОГПУ // Источник. 1996. № 4. С. 117.

³⁶ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. Особенно важна четвертая глава «Обратная сторона титанизма».

³⁷ Кублановский Ю. М. На обратном пути. Стихи и статьи. М., 2006. С. 461.

³⁸ Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. С. 149.

гословы РПЦЗ, свободные от вынужденного и трагического «соглашательства» той части Церкви, которая осталась в СССР: Антоний (Храповицкий), Анастасий (Грибановский), Серафим (Соболев), Иоанн (Максимович), Аверкий (Таушев). Все они оказались прежде всего в той или иной мере систематизаторами русских консервативных ценностей, тонкими аналитиками причин революции 1917 г. В эмиграции произошел буквально «взрыв» консервативного творчества в самых разных направлениях.

В эмиграции было продолжено осмысление монархической идеи, заложенной трудами Н. М. Карамзина и продолженной Л. А. Тихомировым. В наибольшей степени эта тематика была развита в трудах И. А. Ильина и И. Л. Солоневича. Монархия понималась ими как надпартийная, надклассовая власть, имеющая духовную природу, действующая в общенациональных интересах и опирающаяся на православные ценности и местное самоуправление. Эти труды позволяют осознать одну из главных проблем, стоящих перед современной Россией, — ее слабую совместимость с республиканским федеративным устройством, отсутствие механизма передачи власти, без которого невозможно осуществлять долговременные проекты, обеспечивающие органичное строительство государственной и общественной жизни.

Однако теоретические разработки отнюдь не сопровождались сколько-нибудь успешными практическими действиями. Монархическое движение оказалось довольно слабым. В 1921 г. был создан Высший монархический совет, который был главной монархической организацией эмиграции, целью которой было восстановление российского государства при воссоздании монархии без старых недостатков, но при старом фундаменте. В 1930-е гг. монархическое движение раскололось на различные группировки, которые не смогли проявить себя как серьезная сила ни в довоенные, ни в военные годы, так как основные мировые антикоммунистические «игроки» — западные демократии и германские нацисты — не собирались восстанавливать в России монархию.

В послевоенные годы США, сделавшие ставку на республиканско-демократические круги эмиграции, откровенно противодействовали русским монархистам. В 1950—70-е гг. еще существовало

несколько монархических организаций, наиболее крупными из них были: Корпус Императорской армии и флота, Союз Андреевского Флага, Российский Имперский Союз-Орден, Общероссийский Монархический Фронт, которые к началу 1990-х гг. превратились в откровенно маргинальные группировки³⁹.

В 1918 г. Н. А. Бердяев пишет работу «Философия неравенства», которая представляла собой реакцию на революционную катастрофу 1917 г. Это, пожалуй, одно из самых консервативных произведений Н. А. Бердяева, в котором он философски обосновывал право на неравенство, принцип иерархии и аристократизм, в противовес уравнительной социалистической доктрине: «Всякое творческое движение есть возникновение неравенства, возвышение качеств из бескачественной массы. Само богорождение есть известное неравенство. От неравенства родился и мир, космос. От неравенства родился и человек... Насильственное требование уравнивания... есть посягательство на разрушение космического иерархического строя»⁴⁰. А социалистическое государство есть сатанократия, направленная прежде всего против христианства. «Космическая жизнь — иерархична. Иерархична и жизнь общественная... Всякое разрушение космической иерархии атомизирует бытие, разрушает реальность общего и реальность индивидуального (государства, нации и другие реальные общности в такой же мере, как и личности) и сцепляет, сковывает атомы в механические коллективы»⁴¹.

Отказ от принципа неравенства и разрушение иерархии ведут к гибели общества и индивида: «Гибель личности человеческой должна окончательно завершиться в вашем человеческом муравейнике, этом страшном Левиафане»⁴².

Н. А. Бердяев утверждал, что духовный аристократизм является высшим принципом общественной жизни: «Аристократия, как управление и господство лучших, как требование качественного

³⁹ См.: *Зернов И.* Иван Ильин. Монархия и будущее России. М., 2007. С. 180–181.

⁴⁰ *Бердяев Н. А.* Философия неравенства. М., 1990. С. 62.

⁴¹ Там же. С. 55.

⁴² Там же. С. 59.

подбора, остается на веки веков высшим принципом общественной жизни, единственно достойной человека утопией»⁴³.

В «Философии неравенства» мыслитель буквально пропел гимн консерватизму, кажется, беспрецедентный в истории русской мысли: «Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Революционизм поверхностен, оторван от онтологических основ, от ядра жизни. Эта печать поверхностности лежит на всех революционных идеологиях. Консерватизм же имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями... Консерватизм, как вечное начало, требует, чтобы в решении судеб общества, государств и культур был выслушан не только голос живых, но голос умерших, чтобы было признано реальное бытие не только за настоящим, но и за прошедшим, чтобы не порывалась связь с нашими покойниками... Велико значение исторической традиции и предания. Но в традиции и предании есть не только консервативное, но и творческое начало, есть положительная энергия. Традиция и предание вечно творятся, сохраняя преемственность... Правда консерватизма есть правда историзма, правда чувства исторической реальности, нежелание знать живой исторической организм... смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур... Консервативное начало само по себе не противоположно развитию, оно только требует, чтобы развитие было органическим, чтобы будущее не истребляло прошедшего, а продолжало его развивать. Несчастлива судьба той страны, в которой нет здорового консерватизма, заложенного в самом народе, нет верности, нет связи с предками. Несчастлив удел народа, который не любит своей истории и хочет начать ее с начала»⁴⁴.

«Философия неравенства» с консервативных позиций обосновывала непреходящую ценность религии, государства, национального начала, традиционной высокой культуры, подвергшихся бес-

⁴³ Бердяев Н. А. Философия неравенства... С. 124.

⁴⁴ Там же. С. 109, 113, 114, 115, 119, 122.

прецедентному поношению и разрушению уже в первые месяцы революции.

В 1924 г. в Берлине вышла книга Н. А. Бердяева «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы». Ее ждал огромный успех, она была переведена на 14 языков, историк русской философии С. А. Левицкий так оценивал выход книги: «Будучи переведена на иностранные языки, она произвела сенсацию, ее читали наряду с «Закатом Европы» Шпенглера. С этих пор Бердяев начал пользоваться в западном мире огромной популярностью»⁴⁵.

В этой небольшой книге Н. А. Бердяев задался целью «нарисовать идеальные черты и тенденции нового типа общества и культуры»⁴⁶. Этот новый тип общества он назвал «новое средневековье», это общество должно было прийти на смену обанкротившимся капитализму и социализму. Новое средневековье должно быть иерархичным по своему строению. Человечество должно совершить «революцию духа», и стать «на путь ограничения похоти жизни, ограничения бесконечного роста, потребностей и роста народонаселения, путь нового аскетизма, т. е. отрицания основ индустриально-капиталистической системы»⁴⁷. Н. А. Бердяев рисует картину будущего общества, в котором город должен приблизиться к деревне. «Придется организоваться в хозяйственные союзы и корпорации, принцип конкуренции заменить принципом кооперации. Принцип частной собственности в вечной своей основе сохранится, но будет ограничен и одухотворен. Чудовищных частных богатств новой истории не будет. Равенства тоже не будет, но не будет и голодных и погибающих от нужды. Придется перейти к идее упрощенной элементарной материальной культуры и более сложной духовной культуры»⁴⁸.

Духовным центром нового средневековья может быть, как и в Средневековье, только Церковь⁴⁹.

⁴⁵ *Левицкий С. А.* Очерки по истории русской философской общественной мысли. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 120–121.

⁴⁶ *Бердяев Н. А.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991. С. 5.

⁴⁷ Там же. С. 19.

⁴⁸ Там же. С. 19–20.

⁴⁹ См.: Там же. С. 27.

В новом средневековье будет господствовать духовная аристократия «личности с большим онтологическим весом»⁵⁰. В новом обществе потеряют всякое значение политические партии, биржи и газеты, отомрут парламенты. Люди будут группироваться не по политическим признакам, а по хозяйственным и профессиональным сферам, по профессиональным союзам, корпорациям, цехам, которые не будут бороться за политическую власть, а решать вопросы сельского хозяйства, народного образования и т. п. Из таких корпораций-союзов, где будут и духовные корпорации, будут складываться общество и государство нового средневековья.

В процессе возникновения нового неравенства и новой иерархии выделится аристократия, рыцарство, новый правящий слой. Должна возникнуть диктаторская монархия нового типа, в которой «будут преобладать черты цезаризма». В новом средневековье социальные объединения-корпорации будут трудовыми. «В основу их будет положен принцип труда духовного и материального, не бескачественного труда социалистов, а качественного труда... Слишком большой досуг и праздность привилегированного слоя новой истории прекратятся... Жизнь станет более суровой и бедной, блеска новой истории более не будет... Должно будет выработаться особого рода монашество в миру, особого типа монашеского ордена»⁵¹.

Утопия Н. А. Бердяева оказала впоследствии серьезное влияние на ряд идеологических построений последующих поколений русских консерваторов.

Наиболее тонким и проницательным аналитиком феномена революции 1917 г. выступил социолог П. А. Сорокин, высланный по распоряжению Ленина из Советской России в 1922 г.

В своем небольшом трактате «Социология революции» (1924) П. А. Сорокин с вполне консервативных позиций поставил диагноз и описал течение революции, которую он рассматривал как своего рода социальную болезнь. Революция, согласно П. А. Сорокину, не несла в себе никаких позитивных изменений, являлась «эссенцией и квинтэссенцией» самой кровавой и жестокой преступности. Она характеризовалась колоссальным ростом убийств, садизма,

⁵⁰ Бердяев Н. А. Новое средневековье... С. 29.

⁵¹ Там же. С. 29–32.

зверств, пыток, истязаний и т. д., намного превышающих «нормы» дореволюционного времени. По своим результатам революция не социализирует, а биологизирует людей, не увеличивает, а уменьшает сумму гражданских свобод, не улучшает, а ухудшает материальное и духовное состояние масс, наказывает не только и не столько привилегированные классы, которые своим паразитизмом, распутством, бездарностью и забвением социальных обязанностей «заслуживают если не наказания, то низвержения со своих командных постов, сколько наказывают те миллионы «труждающихся и обремененных», которые в припадке отчаяния мнят найти в революции свое спасение и конец своим бедствиям», — писал П. А. Сорокин⁵².

Революция нанесла просветительской концепции человеческой природы, согласно которой человек является добродетельным альтруистическим существом, управляемым разумом, «страшные, почти непоправимые удары»⁵³. Человек в революции выступил как «человекоподобный антропид», «носитель злобы, жестокости и зверства, а не только мира альтруизма и сострадания, существо слепое, а не только сознательно зрячее, сила хищная, разрушительная, а не только кроткая и созидательная»⁵⁴.

Террор и диктатура, согласно П. А. Сорокину, неизбежные результаты революции. Он выделял несколько основных стадий революции. На первой стадии она доходит до стадии анархии, когда на первый план выходят все элементы, которые содействуют угасанию «рефлексов повиновения», а также те, кто работает в пользу насильственного свержения авторитетов, кто проповедует «полную свободу».

Первый, «романтический», период революции в описании П. А. Сорокина приводит к росту массовой лени, количественному и качественному угасанию трудовых рефлексов, росту желания жить за счет других, росту паразитизма.

После этого наступает вторая стадия революции, сопровождаемая голодом, холодом и нуждой. Общество или умирает, или его начинают принуждать к каторжному труду «свободных людей, низ-

⁵² Сорокин А. П. Социология революции. М., 2010. С. 60.

⁵³ Там же. С. 64.

⁵⁴ Там же.

вергших рабство». В итоге массы начинают трудиться не по восемь часов, а сверх меры, чтобы обеспечить элементарные средства существования.

Одновременно революция ведет к «деформации половых рефлексов», когда начинается половое «раскрепощение» молодежи, вплоть до «обобществления женщин». П. А. Сорокин отмечал, что брак мог быть расторгнут просто по заявлению одного из супругов, а Советская Россия первая в мире в 1920 г. ввела свободу аборт, немисливо увеличила количество разводов за годы революции.

С точки зрения П. А. Сорокина, революция представляет своего рода механизм отрицательной селекции. В ней гибнут главным образом люди биологически наиболее здоровые, трудоспособные, самые волевые, талантливые и развитые, морально самые устойчивые, обладающие прочными нравственными рефлексами. Таким образом, революция ухудшает биологический фонд народа, способствует его деградации и вырождению.

Согласно П. А. Сорокину, вся долгая работа «нормальных» периодов истории, в которые массы людей приучались к взаимной терпимости, которые прививали «рефлексы уважения» к мнению и верованиям других людей, сразу «обнуляется». В революции угасают тормозные религиозные и морально-правовые рефлексы, удерживающие от посягательств на имущественные блага других лиц.

Если общество, переживающее революцию, не гибнет в результате анархии, то наступает второй период революции, в ходе которого возрождаются угасшие правовые, моральные и религиозные рефлексы и соответствующее морально-правовое сознание⁵⁵.

В какой-то мере П. А. Сорокин предугадал целый ряд характерных особенностей (хотя далеко не всех, а в чем-то он и изрядно ошибся) сталинского периода советской истории: «Начинается жесточайший период ускоренного воспитания угасших рефлексов права, морали и религии. За убийством следует беспощадное убийство, за кражу, разбой и грабеж — то же... Половые рефлексы исподволь вводятся в норму. Вводятся кое-какие гарантии против необузданного деспотизма власти. Наряду с этим начинают проповедь и пропаганда морали и права, начинается и быстро на-

⁵⁵ Сорокин А. П. Указ. соч. С. 197.

бирает темп возрождение религии, возвращение к старым нормам приличий, конвенциональных манер и быта. Словом, общество начинает быстро одеваться в костюм угасших морально-правовых и религиозных рефлексов, биологическая нагота его уменьшается, с ее уменьшением жизнь исподволь нормализуется, нормализация, в свою очередь, содействует возрождению и укреплению морально-правовых и религиозных рефлексов. Укрепление их делает менее необходимыми зверские стимулы и репрессии»⁵⁶. После анархии неизбежно торможение, которое принимает исключительно зверский характер, когда «безмолвный ужас давит всю страну, и нельзя услышать ни одного свободно выраженного мнения»⁵⁷.

Строго говоря, П. А. Сорокина как мыслителя нельзя отнести к представителям консервативной мысли, но его анализ феномена революции безусловно вписывается в консервативный дискурс.

Революция, сломавшая Российскую империю, породила не только сонм мучеников и исповедников, но и заставила активизироваться русскую православную церковную жизнь и мысль. После 1917 г. за рубежом произошло подлинное русское религиозно-философское возрождение, истоки которого были заложены еще во второй половине XIX в., когда в Церкви происходило активное освоение трудов святых отцов в духовных академиях, а в сфере светской культуры создавались творения Ф. М. Достоевского.

В эмиграции возник неопатристический синтез, одним из создателей которого был о. Георгий Флоровский. Это было своего рода движение «назад к отцам», святым поздней античности и Византии, и опиравшемуся на них русскому боговидению. Тем самым окончательно закончилось «западное пленение» русской православной мысли, осособившееся от влияния католической догматики и протестантского субъективизма, произошло серьезное развитие собственной богословской традиции и апологетики.

Группа бывших философов-«веховцев» (П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, С. Н. Булгаков) завершила уникальный духовный путь, исключительно важный для современных интеллектуалов, «от марксизма к идеализму и православию». При всех претен-

⁵⁶ Сорокин А. П. Указ. соч. С. 198.

⁵⁷ Там же. С. 115.

зиях, предъявляемых этим мыслителям, главным образом, за страсти к определенным идеям философской и богословской мысли — «всеединства» и «софиологии», невозможно отрицать очевидного — их труды пробудили религиозное сознание и привели в Церковь тысячи образованных людей. Они сделали истины православия актуальными для людей секулярного и постсекулярного мира, вернули современному русскому образованному человеку понимание религиозного измерения бытия. «Воссоздание Святой Руси» — так называлось программное произведение А. В. Карташева, последнего обер-прокурора Священного синода, министра вероисповеданий Временного правительства. Близкий по своему мировоззрению к либеральным консерваторам, мыслитель полагал, что главную роль в возрождении грядущей России должна сыграть Церковь, способствующая созданию государства, пропитанного христианским мировоззрением.

П. Б. Струве, оказавшись в эмиграции, стал одним из ведущих идеологов либерального консерватизма, «логически правомерного и исторического оправданного сочетания любви к свободе с любовью к порядку и традиции»⁵⁸. Права личности должны быть неприкосновенны, равно как и признаваться права власти и государства в качестве положительных и регулирующих начал. Свобода понималась П. Б. Струве прежде всего как личная ответственность и способность к самоограничению, и ее гарантией должно выступать сильное государство, зиждущееся на правовых нормах.

Эмигрантская мысль много потрудилась для преодоления более чем двухвекового «западнического соблазна». Во второй половине XIX — начале XX в. представители и либерализма, и народничества, и марксизма — безусловно западнических по своему характеру и генезису идеологий — доминировали в российском обществе, именно им принадлежала культурная гегемония. В 1917 г. различные политические партии и течения западнической ориентации, как либералы, так и социалисты, получили беспрецедентный шанс реализовать свои проекты при поддержке соответствующих политических сил на Западе. Именно они несут политическую, идейную и мо-

⁵⁸ Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М. ; Париж, 2004. С. 19.

ральную ответственность за Февраль и Октябрь 1917-го и их катастрофические последствия.

Оказавшись на Западе и хорошо изучив его изнутри, консерваторы сформулировали те опасности и соблазны, которые может представлять для национального самосознания будущей России мировоззрение, идеализирующее политический, экономический и культурный строй Запада. Наибольшими антизападниками были евразийцы (Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев, П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, Г. В. Вернадский и др.), утверждающие, что евразийство идейно отталкивалось не просто от Февраля-Октября 1917 г., но и от всего послепетровского санкт-петербургского, императорско-обер-прокурорского периода русской истории и что «коммунистический шабаш» наступил в России как завершение более чем двухсотлетнего периода европеизации, как результат разложения старого правящего слоя под воздействием западных идей. Евразийство, таким образом, само осознавало себя прежде всего как русский ответ западничеству, а коммунизм воспринимало как радикальную форму западничества.

Евразийство представляло собой прежде всего идейно-политическое движение, возникшее в 1921 г., стержнем которого выступал особый концепт «Евразии» — самостоятельного географического и исторического мира, расположенного между Европой и Азией, но представляющего собой самобытное цивилизационное целое, культурно и геополитически отличное от них⁵⁹. Евразийство отвергало европоцентризм, воспринимая Европу как цивилизацию-угнетатель, подавляющую самобытное развитие других культур и цивилизаций. При этом евразийцы, опровергая утверждение, что исключительно европейское влияние на Россию было благотворным и определяющим, впадали в своего рода тюркофильство и монголофильство, постулируя славяно-туранское единство Евразии и настаивая на преемстве Московской Руси от наследия Чингизхана и Батыея — от Золотой Орды.

⁵⁹ Наиболее полный обзор литературы, посвященной евразийству, см. в ст.: Маслин М. А., Лунова А. А. Эволюция евразийской идеи // Евразийство. Исследования и публикации / гл. ред. Ю. В. Мухачев. М., 2014. С. 42–249.

Евразийцы видели в православии основу новой государственной идеологии, а в Православной церкви — субъект самобытной культуры. В трудах евразийцев, в частности у Н. С. Трубецкого, произошло осознание того, что православная вера была жизненным нервом всей русской культуры. «Евразийство стоит на почве православия, исповедуя его как единственную подлинную форму христианства, и признает, что именно в качестве единственной истинной веры православие и могло сыграть в русской истории роль творческого стимула», — утверждал князь Н. С. Трубецкой⁶⁰. Жесткой критике со стороны евразийцев была подвергнута послепетровская секулярная антихристианская европейская культура, которая разрушила в сознании элиты православие, не заменив его ничем, а затем интеллигентский нигилизм проник в народные массы, породив в них полное духовное опустошение. Н. С. Трубецкой выдвинул идею о том, что «будущая русская культура должна стать в идеале оцерковленной сверху донизу»⁶¹ и тем самым способствовать единству русского народа.

Будущая евразийская идеократическая государственность, в которой элита рекрутировалась бы из народных масс по идеологическим критериям, должна была одухотворяться религиозными ценностями и предоставлять широкие социальные и политические гарантии народу. Экономические взгляды евразийцев представляли собой попытку сочетать государственную централизованную власть, экономическую свободу личности и социальную справедливость в рамках государственно-частной системы хозяйства. Частная собственность должна была контролироваться государством и подчиняться плановому началу, а хозяин-собственник должен был отдавать предпочтение не личной выгоде, а благу работника и предприятия.

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. в евразийстве в результате деятельностью ОГПУ произошел раскол на правое (Н. С. Трубецкой, Н. Н. Алексеев, П. Н. Савицкий и др.) и левое крыло (П. П. Сувчинский, Л. П. Карсавин, С. Я. Эфрон и др.), идей-

⁶⁰ См.: *Трубецкой Н. С. Мы и другие // Избранное. М., 2010. С. 236.*

⁶¹ *Трубецкой Н. С. Украинской проблеме // Избранное. М., 2010. С. 481.*

но сблизившееся с коммунизмом. В течение 1930-х гг. евразийство прекратило свое существование.

Среди русских консерваторов особенно выделяется И. А. Ильин, философ, правовед, религиозный мыслитель. Наследие его чрезвычайно богато и по тематике, и по объему: к настоящему времени издано около 30 томов, неопубликованных материалов набирается еще минимум 15 томов. И. А. Ильин входил в когорту блестящих представителей интеллектуальной русской элиты XIX в. В 1922 г. он был выслан за границу на знаменитом «философском пароходе».

Вскоре после высылки И. А. Ильин становится бесспорным идейным лидером и идеологом русской военной эмиграции, он тесно сотрудничает с П. Н. Врангелем и Русским общевоинским союзом (РОВС). В 1925 г. И. А. Ильин публикует трактат «О сопротивлении злу силою», получив согласие от Врангеля на посвящение: «Русской белой армии и ее вождям». И. А. Ильин сформулировал в книге ясные и трезвые ответы на вопросы: может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?

Казалось бы, ответы на эти вопросы очевидны. Однако значительная часть современников И. А. Ильина, даже пережив опыт столкновения с беспрецедентным в истории человечества злом, оказавшись в эмиграции, оставалась на позициях «непротивленчества». Последнее было обусловлено не столько толстовством, сколько интеллигентским мировоззрением «лишних людей», порождением секулярной культуры, культивируемым в русской интеллигентской среде более века. Для подобного мировоззрения была характерна подмена понятий: «герои относились к злодеям; натуры безвольные, робкие, ипохондрические, патриотически мертвенные, противогражданственные — превозносились как добродетельные... несогласные и непокорные объявлялись людьми — порочными, подкупными, своекорыстными, лицемерами»⁶².

⁶² *Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 5. М., 1996. С. 36.*

Позиция самого И. А. Ильина была мотивирована прежде всего христианскими ценностями: «позиция безразличия, безволия и попуска не имеет ничего общего с христианским прощением и не может быть обоснована никакими ссылками на Евангелие»⁶³.

И. А. Ильин проводил четкое различие между злом личным и злом общественным: «призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека, его собственных ненавистников и гонителей, которым, обиженный, естественно, может простить и не простить. Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кощунственным развратителям, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству»⁶⁴.

И. А. Ильин прежде всего обращался к людям с несломленной волей. Он был убежден, что России «нужна интеллигенция верующая, твердая, государственно мыслящая и волевая». Его понимание христианской любви не противоречило опыту святости Александра Невского, Сергия Радонежского, Патриарха Гермогена и митрополита Филарета (Дроздова). Он мог бы вполне повторить, со всей страстью своей натуры, чеканную формулу последнего: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша». Свое понимание религии и православия И. А. Ильин окончательно сформулировал в последней крупной книге, изданной еще при его жизни — «Аксиомы религиозного опыта».

И. А. Ильин формулировал и отстаивал русский национализм, исходя из высокого государственного значения русской нации. Для него «русским является всякий, кто интерес единой русской Родины ставит выше индивидуализма и всякой коллективной части. Формула: «я русский и притом грузин, армянин» и т. д. Иноплеменник и неправославный могут быть русскими, но враг русского племени, Православия и русского языка фактически остается враждебным иностранцем»⁶⁵. При этом малые народы России «должны иметь

⁶³ *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою... С. 144.

⁶⁴ Там же. С. 141–142.

⁶⁵ *Ильин И. А.* Задание журнала // *Ильин И. А.* Собр. соч. Русский колокол. М., 2008. С. 21.

духовно-культурную автономию и единый общий с русскими государственный язык, нести государственно-патриотическое служение и пребывать под политическим суверенитетом двуглавого орла»⁶⁶.

Особое место И. А. Ильин уделял формированию правосознания. Разрушение государственного и правового сознания в правящем слое и низах было, с его точки зрения, одной из главных причин Русской катастрофы: «Революция зарождается в стране не в момент уличных движений, но в тот момент, когда в душах начинает колебаться доверие к власти»⁶⁷. Разложение «правосознания неминуемо захватывает честь и совесть, убивает чувство меры и справедливости, угащает веру и религию. Народ становится жертвою духовного нигилизма»⁶⁸.

С 1933 г. И. А. Ильин как русский патриот начал подвергаться преследованиям в нацистской Германии. Его неоднократно вызывали в гестапо, пытались сделать осведомителем, заставить принять расовую теорию и вести антисемитскую пропаганду, от чего он категорически отказался. В 1934 г. И. А. Ильин был уволен из Русского научного института. В 1938 г. последовал запрет на какие бы то ни было публичные выступления. В этих условиях И. А. Ильин покинул Германию и переехал в Швейцарию. Его борьба за Россию была продолжена в новых условиях.

В 1948—1954 гг. он создает цикл статей, возникший на основе еженедельных листков для РОВСа — «Наши задачи». Это наиболее масштабный русский национальный проект, исполнение «миссии русской эмиграции», о которой говорил И. А. Бунин. В сборнике речь шла прежде всего о России, главных событиях ее истории, прежде всего революции, о наиболее острых проблемах русской жизни, русском национальном характере, отношениях России и Европы, путях возрождения России, вызовах, угрожающих существованию русского народа, о государственном строительстве в России после избавления от коммунистов и т. д.

⁶⁶ *Ильин И. А.* Задание журнала... С. 20—21.

⁶⁷ *Ильин И. А.* О сущности правосознания // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 374.

⁶⁸ Там же. С. 381.

В «Наших задачах» с консервативных позиций был осуществлен глубокий анализ советской тоталитарной системы, дан прозорливый прогноз тех опасностей, которые подстерегали Россию при крушении советской системы, предсказана крупнейшая геополитическая катастрофа 1991 г.

И. А. Ильин был убежден, что после падения коммунистического режима основная задача русского национального спасения и строительства будет состоять в создании новой элиты: «в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения». Если эта задача не будет выполнена, то «Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости»⁶⁹.

Выполнить эту задачу может национальная диктатура, под которой И. А. Ильин понимал сильную государственную власть, «диктаториальную» по объему полномочий и государственно-национально настроенную. Впрочем, национальная диктатура мыслилась И. А. Ильиным лишь как переходная ступень к монархии. В незавершенной книге о монархии и республике И. А. Ильин однозначно отдавал предпочтение внеклассовой, внепартийной монархии. «Царь вне партий, классов и сословий. Широко его сердце — всей стране есть в нем место. Он не царь большинства, и не царь меньшинства, — а царь вся страны, всего народа»⁷⁰.

Запад И. А. Ильин не считал помощником в деле возрождения России. «Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом — смысл русской идеи»⁷¹.

Поражают точностью и сверхактуальностью некоторые оценки И. А. Ильина, касающиеся природы и характера отношений России и Запада. Запад И. А. Ильин знал не понаслышке. «...Запад-

⁶⁹ *Ильин И. А. Основная задача грядущей России // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2, кн. 1. С. 265.*

⁷⁰ *Ильин И. А. Собр. соч. : Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии. (1906–1954). М., 2001. С. 465.*

⁷¹ *Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2, кн. 2. С. 420.*

ная Европа не знает России. Но неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по естественным богатствам огромна. Огромное неизвестное переживается всегда как сущая опасность... Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?.. Россия — это загадочная, полуварварская “пустота”; ее надо “евангелизировать”, или обратиться в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизовать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей... А впрочем, ее необходимо всячески ослаблять. Как? Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущением ее к свободным морям; если можно — то расчленением ее на мелкие государства; если возможно, то сокращением ее народонаселения... если возможно, то насаждением в ней революций и гражданских войн, а затем — внедрением в Россию международной “закулисы”, упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией, неустанным обличением ее мнимого “империализма”, ее мнимой “реакционности”, ее “некультурности” и “агрессивности”»⁷².

Анализ наследия И. А. Ильина позволяет утверждать, что он является одной из центральных фигур русской мысли XX в.

Одним из самых читаемых ныне эмигрантских теоретиков русского консерватизма и монархизма являлся Иван Лукьянович Солоневич (1891—1953), лидер Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения, автор публицистического трактата «Народная монархия» (1951—1954), в котором были изложены его основные политические идеи. Во многом его трактат носил обобщающий характер, а его основные идеи ранее высказывались в работах славянофилов, Н. Я. Данилевского, К. П. Победоносцева и Л. А. Тихомирова. В частности, в «Народной монархии» рассматривались такие проблемы, как цивилизационная самобытность России, допетровская Русь как идеал самобытного развития, негатив-

⁷² Ильин И. А. Против России // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. Т. 2, кн. 1. С. 69, 70.

ные стороны западнических реформ Петра I, радикальное отличие абсолютизма от самодержавия и др.

Согласно И. Л. Солоневичу, национальный дух определяет основную самобытную линию поведения нации — доминанту. Русская доминанта — это государственный инстинкт, заставлявший народ в течение веков упорно строить великую государственность — народную монархию, которая существенно отличалась от западноевропейского абсолютизма. Русский народ — это величайший в мировой истории народ государственный, а все утверждения о том, что это народ-анархист, представляют собой интеллигентский миф.

Народная монархия была создана «снизу» прежде всего в результате колоссальных усилий по отражению внешних угроз. В отличие от западноевропейского абсолютизма, опирающегося на привилегированное дворянское сословие, русское самодержавие опиралось на поддержку всех сословий, включая крестьянство, а монарх стоял над всеми сословиями. Народная монархия опиралась на народное самоуправление — «земщину», а Земские соборы, доносившие мнение «всея земли» до монарха, действовали с ним заодно и не покушались на сам самодержавный принцип власти. При этом наследственная монархия являлась преимуществом самодержавной модели, поскольку монарх даже весьма средних способностей и ума при соответствующем воспитании и подготовке обычно обеспечивал безопасность и развитие государства.

В XVIII в. Петр I осуществил радикальную западническую революцию сверху и навязал Российской империи абсолютистскую западную модель. И. Л. Солоневич по этому поводу писал: «Старая московская, национальная, демократическая Русь, политически стоявшая безмерно выше всех современных ей государств мира, петровскими реформами была разгромлена до конца. Были упразднены и самостоятельность Церкви, и народное представительство, и суд присяжных, и гарантия неприкосновенности личности, и русское искусство, и даже русская техника (до Петра Москва поставляла всей Европе наиболее дорогое оружие). Старомосковское служилое дворянство было превращено в шляхетский крепостнический слой. Все остальные слои нации, игравшие в Москве такую огромную национально-государственную и хозяйственно-культур-

ную роль: духовенство, купечество, крестьянство, мещанство, пролетариат (посад), были насильно отрешены от всякого активного участия во всех видах этого строительства»⁷³.

Возникший социокультурный раскол между западнически настроенной элитой и остальной частью народа привел в конечном счете к революции 1917 г. И тем не менее даже после тектонических потрясений первых десятилетий XX в. Россия осталась самым большим и долговечным государственным образованием, доказавшим свою прочность в катастрофах XX в.

Исходя из своего понимания особенностей русского исторического процесса, национального характера русского народа, анализа причин петровского «переворота» и революции 1917 г. И. Л. Солоневич ставил задачу возрождения в новых исторических условиях законно наследственной, нравственно и юридически бесспорной единоличной монархической власти, достаточно сильной и независимой для того, чтобы стоять над интересами и борьбой партий, слоев, профессий, областей и групп⁷⁴. Он следующим образом представлял себе решение этой задачи: «Система монархических учреждений должна начинаться с территориального и профессионального самоуправления (земства, муниципалитеты, профсоюзы) и заканчиваться центральным представительством, составленным по тому же территориальному и профессиональному принципу, а не по принципу партий. Монархия Российская может быть восстановлена только волей народа — и больше ничем. Если эта воля будет монархической, то и ее местные органы будут тоже монархическими. Чисто техническая задача будет состоять в том, чтобы не возникло никакого “средостения” — сословного, чиновного, партийного или какого-либо иного»⁷⁵.

Написанная блестящим слогом книга И. Л. Солоневича сыграла большую роль в популяризации самой идеи самодержавной монархии.

⁷³ Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2010. С. 49.

⁷⁴ См.: Там же. С. 64.

⁷⁵ Там же. С. 57.

9. НАЦИОНАЛ-БОЛЬШЕВИЗМ КАК ФОРМА ПСЕВДОКОНСЕРВАТИЗМА

В начале НЭПа в эмиграции возникло течение, которое стали называть уже в наши дни национал-большевизмом. Первоначально оно называлось сменовеховством, от названия сборника статей «Смена вех», изданного в 1921 г. в Праге, в котором были сформулированы основные идеи этого течения. Его авторы, лидером которых был профессор Н. В. Устрялов, выступали за примирение и сотрудничество с Советской Россией. С точки зрения сменовеховцев большевики оказались единственной силой, способной восстановить могущество России, и поэтому, утверждали они, необходимо поддерживать их режим, который «переварил» марксистский эксперимент и, как редиска, был красным лишь снаружи, но оставался белым внутри. Сменовеховцы писали о неизбежности перерождения коммунистического и интернационального режима в национальное государство с сильным вождем, опирающимся на русскую культурно-историческую традицию. Уже позже в какой-то мере подобную позицию разделяли Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, Г. П. Федотов, не принадлежавшие изначально к национал-большевикам, но считавшие, что во время войны произошло «перерождение» большевизма в русскую государственную силу.

Представляется, что идеология национал-большевизма удержала значительную часть образованного русского слоя от эмиграции, поскольку породила иллюзии о возможности быстрой национально-консервативной трансформации режима. Однако в течение всех пореволюционных десятилетий репрессии против этого слоя с относительно развитым национальным сознанием не прекращались. В конце 1920-х — начале 30-х гг. против «сменовеховской» интеллигенции был инспирирован ряд знаковых судебных процессов: «академическое дело», «дело “Весна”», процесс «Промпартии», процесс «Трудовой крестьянской партии» и т. д. Репрессии 1936—1938 гг. нанесли еще один страшный удар по этому слою. Весьма символично, что наряду с тысячами представителей национальной интеллигенции погиб и основатель «сменовеховства» Н. В. Устрялов, заплативший жизнью за свои заблуждения.

Тем не менее жизнь подтвердила относительную правоту прогнозов сменовеховства. В рамках самой советской системы, которая первоначально возникла как абсолютный антипод консервативному проекту (достаточно вспомнить основные цели левого проекта: ликвидация частной собственности, государства, церкви и религии, права, семьи, отрицание патриотизма во имя интернационализма и т. д.), с начала 1930-х гг. постепенно произошел своего рода ползучий псевдоконсервативный переворот, осуществленный группой И. В. Сталина — А. А. Жданова. Основным оппонент и противник Сталина слева Л. Д. Троцкий называл этот переворот «сталинским термидором». Сложилась своего рода псевдоконсервативная «традиция» с элементами национал-большевизма в рамках тоталитарной идеологии и монополии коммунистического государства на любые решения в политической, экономической, идеологической, культурной и т. д. сферах. Важными элементами этого ситуативного псевдоконсерватизма стали советский патриотизм, выборочная апелляция в пропаганде к фактам исторического прошлого, обращение через призму партийной цензуры к образам великих князей и царей, полководцев: Александра Невского, Дмитрия Донского, Ивана Грозного, Петра I, А. В. Суворова и М. И. Кутузова. Разумеется, на верхушке иерархии в этом военно-патриотическом советском пантеоне стояли фигуры основоположников марксизма и Ленина со Сталиным.

С 1934 г. в школу было возвращено преподавание отечественной истории, разумеется, в марксистской интерпретации. Преподавание истории рассматривалось как мощное средство советско-патриотической пропаганды. «Нам нужен большевистский Иловайский»⁷⁶, — заявлял по этому поводу Сталин. Школа историка М. Н. Покровского, проникнутая духом коммунистической русофобии первых десятилетий советской власти, была разгромлена.

В начале 1930-х гг. была приторможена «коренизация» (процесс создания национальных элит и культур в рамках социалистической «федеративной модели») в союзных и автономных республиках, было принято решение об обязательном переводе всех нацио-

⁷⁶ Д. И. Иловайский — известный автор дореволюционных учебников по русской истории, проникнутых православно-монархическим духом.

нальных алфавитов на кириллицу (вопреки первоначальному проекту создания их на латинице), все школьники СССР в обязательном порядке начали изучать русский язык как «язык межнационального общения».

Иступленный национальный нигилизм, свойственный многим литераторам и публицистам, начал подвергаться критике с позиций «советского патриотизма», особенно наглядной в этом отношении была показательная расправа над культовым большевистским поэтом Демьяном Бедным за либретто оперы «Богатыри», написанной в духе традиционной революционной русофобии.

В 1934–1953 гг., когда произошло окончательное оформление жесткой номенклатурной иерархии, началось культивирование «государственничества» в рамках советского патриотизма, дозированное прагматичное (а скорее, циничное) использование в партийных интересах Православной церкви, постоянно перемежавшееся с репрессиями и ограничениями, на краткие периоды запрещались аборты, началась, разумеется, в пределах «коммунистической морали» защита семейных ценностей, произошел полный отказ от былых модернистских экспериментов в искусстве и была сделана ставка на «социалистический реализм». Очевидно, что такого рода «ослаблениями» попытались воспользоваться самые различные сегменты общества с остаточным русским национальным самосознанием.

Об этом свидетельствуют различные факты, значение которых, впрочем, не стоит преувеличивать. К примеру, в 1935 г. вышел 22–24-й том «Литературного наследства» с впервые опубликованным в СССР портретом К. Н. Леонтьева и его «Автобиографией», сопровождающийся обстоятельным комментарием выдающегося искусствоведа С. Н. Дурылина, начали издаваться массовыми тиражами труды дореволюционных историков, ранее объявлявшихся «буржуазными» — С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, в 1936 г. коммунистическим агитпропом было признано прогрессивное значение принятия христианства Русью от Византии в X в. (впрочем, вслед за этим в 1937 г. на Церковь обрушилась новая волна репрессий, унесшая жизни десятков тысяч служителей Церкви и православных мирян), в 1937 г. на государственном уровне было пышно отмечено

столетие гибели Пушкина (представляемого как безусловного противника самодержавия и предтечи «пламенных революционеров»). В 1943 г. было восстановлено патриаршее управление и ликвидирован обновленческий раскол, восстановлено несколько духовных академий, приостановлены репрессии против представителей церкви. В военном 1944 г. некоторые историки, принадлежавшие к школе академика Е. В. Тарле, осторожно поставили вопрос об исторической реабилитации К. П. Победоносцева и А. А. Аракчеева, что, впрочем, не могло быть в принципе принято в рамках социалистической идеологии. В том же 1944 г. значительной части центральных улиц в Ленинграде были возвращены дореволюционные названия.

Следует подчеркнуть, что подобного рода заигрывания с традиционными русскими ценностями носили ситуативный характер, а часть этнически русской партноменклатуры — группировка А. А. Жданова, в которую входила верхушка РСФСР (среди них А. А. Кузнецов — секретарь ЦК ВКП(б), Н. А. Вознесенский — председатель Госплана СССР, М. И. Родионов — председатель Совета министров РСФСР и др.) и у которой проявлялись легкие признаки русского национального сознания, была физически уничтожена в ходе так называемого «ленинградского дела» в конце 1940-х — начале 1950-х гг.

В дальнейшем, уже в 1950—80-е гг. советский псевдоконсерватизм, пусть в редуцированной, искаженной, порой в эстетически и интеллектуально вульгарной, плакатно-пропагандистской форме, объективно противостоял ценностям общества массового потребления, авангарда и постмодернизма, так называемой сексуальной революции второй половины XX в. Конечно, отрицание базовых классических консервативных ценностей в советский период преобладало: отрицалось право частной собственности, верховенства права, шла непрерывная борьба против религии, декларировался принцип «пролетарского интернационализма» и т. д. Феномен советского ситуативного псевдоконсерватизма продолжает свое существование в виде различных вариантов национал-большевизма, который совершенно сознательно и целенаправленно сочетает социалистическую идеологию с элементами консерватизма при абсолютном приоритете первой.

10. ЛЕГАЛЬНАЯ «РУССКАЯ ПАРТИЯ» 1960–80-х гг.

После XX съезда КПСС и частичной либерализации режима в СССР стали появляться альтернативные господствующей идеологии идейно-политические и литературные течения и группы, в том числе подпольные, породившие национально-патриотический «самиздат».

В 1960-е гг. возникла так называемая «русская партия», движение неоднородное по своему составу и программным положениям. Несмотря на известную пестроту и противоречия между его участниками, основные задачи были едины для всех: защита прав русского народа, его традиций, культуры; главенство национальных интересов над интернациональными; антизападническая пропаганда как эффективный инструмент в борьбе с чужеродными и космополитическими влияниями. Это было национально-патриотическое движение, которое сыграло большую роль в общественной борьбе 1970–90-х гг.

Национал-большевистская часть «русской партии», будучи легальной, рассматривала советский исторический опыт с близких официальным позиций, но делала особый упор не на классовое содержание политической борьбы тех лет, а на национальное. Ее представители сочетали советский псевдоконсерватизм с интересом к некоторым аспектам истории дореволюционной России, Православной церкви, идеям некоторых классиков консервативной мысли. Красный террор, внутрипартийная борьба, репрессии 1930-х гг. трактовались национал-большевиками как противостояние русского народа (под водительством «подлинных вождей» вроде Сталина) и «космополитических сил», представителем которых был Л. Троцкий и его сторонники. Им представлялось, что возможна русификация изнутри советской власти, которую они воспринимали как единственную защитницу интересов русского народа. Национал-большевики группировались в конце 1960-х гг. вокруг «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК), неформального общественно-культурного объединения «Русский клуб» и официального органа ЦК ВЛКСМ журнала «Молодая гвардия», затем журнала «Наш современник». Ее наиболее известными

представителями были литературные критики, писатели и историки С. Н. Семанов, П. В. Палиевский В. В. Кожинов, М. П. Лобанов, О. Н. Михайлов и др.

В 1965 г. в журнале «Молодая гвардия» была опубликована программная статья «Берегите святыню нашу!», подписанная скульптором С. Т. Коненковым, художником П. Д. Коринным и писателем Л. М. Леоновым.

Авторы этого манифеста в непривычно острой для советских изданий форме поставили вопрос о сохранении «памятников нашей национальной старины», массово подвергавшихся разгрому на всем протяжении советской истории (при этом особый упор делался на годы правления Н. С. Хрущева, незадолго до этого устраненного с поста генсека). Они ссылались на «многочисленные письма наших современников и патриотов с требованием остановить, пока еще не поздно, уничтожение вещественных реликвий былого народного величия и вековой славы нашего народа». Памятники зодчества, церкви, «древние камни и знаменитые могилы» — это то, вокруг чего «кристаллизуется все национальное самосознание»⁷⁷. В том же 1965 г. было создано ВООПИК, контроль над которым, разумеется, осуществляли партийные и советские органы. Общество боролось за сохранение памятников старины, спасая их от сноса, сотрудничало с реставраторами и вело историко-просветительскую работу.

При ВООПИКе была создана секция по изучению русской истории и культуры, получившая негласное название «Русский клуб». Это объединение возглавлял писатель Д. А. Жуков, его заместителями были историк С. Н. Семанов и литературовед П. В. Палиевский. Активистами клуба были в разное время писатели, литературоведы и критики О. В. Волков, В. В. Кожинов, О. Н. Михайлов и др. Клуб собирался в Высокопетровском монастыре в Москве. На его заседаниях делали доклады, посвященные проблемам русской истории и русского этноса, историк Б. А. Рыбаков, писатель и этнограф Д. М. Балашов и др. В «Русском клубе» для многих впервые прозвучали имена выдающихся русских консервативных мыслителей: Н. Я. Данилевского, М. Н. Каткова, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, В. В. Розанова.

⁷⁷ За алтари и очаги. М., 1989. С. 11–15.

Публицисты «Молодой гвардии», которая являлась органом ЦК ВЛКСМ, М. П. Лобанов, В. А. Чалмаев и С. Н. Семанов опубликовали ряд программных статей, в которых исторический процесс трактовался как борьба двух противоположных «духовных» начал: «нравственной самобытности» определенной нации и всемирного зла — «американизма духа». Россия, «русский дух» призваны победить буржуазный «американизм». Россия всегда выступала мировым лидером в этой борьбе, эту борьбу возглавляли русские святые, полководцы, самодержцы. Публицисты «Молодой гвардии» в позитивном тоне писали об Иване IV, Петре I, преп. Сергии Радонежском, патриархах Гермогене и Никоне, проводили тезис о преемственности между дореволюционным и советским периодом истории, говорили об определяющей роли русского народа в историческом процессе, при этом подчеркивалась особая значимость крестьянства и духовенства. Все это противоречило официальному «классовому подходу».

В серии «Жизнь замечательных людей» по инициативе участников «русской партии» издавались книги об А. В. Суворове, Г. Р. Державине, А. И. Куприне (О. Н. Михайлов), генерале А. А. Брусилове и адмирале С. О. Макарове (С. Н. Семанов), Дмитрие Донском (Ю. М. Лощиц) и Ф. М. Достоевском (Ю. И. Селезнев), театральных деятелях Н. Симонове и Ю. Завадском (М. Н. Любомудров). О. Н. Михайлов смог опубликовать урезанное собрание сочинений эмигранта И. А. Бунина, а уже в эпоху «перестройки» произведения В. Набокова, А. Аверченко, Тэффи и др.

С начала 1970-х гг. против деятельности ряда представителей «Русского клуба» и журнала «Молодая гвардия» была развернута идеологическая травля, организованная видным партийным функционером А. Н. Яковлевым (заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС). В 1972 г. А. Н. Яковлев опубликовал статью «Против антиисторизма», в которой нападал на «националистические и антисемитские» тенденции в советской культуре. Яковлев обвинял представителей «русской партии» в отходе от четких классовых позиций, проповеди «патриархальщины», идеализации исторического прошлого России, возвеличивании роли крестьянства в русской и советской истории, в национализме и шовинизме.

Однако эти обвинения не достигли цели, поскольку Л. И. Брежнев и значительная часть тогдашнего руководства КПСС не сочли нужным начинать гонения против достаточно влиятельного сегмента советской интеллигенции. Нападки А. Н. Яковлева на русское общественное движение в конечном счете не дали желаемого результата, а сам он был отправлен в почетную ссылку послом в Канаду, однако во второй половине 1980-х гг., став ближайшим соратником М. С. Горбачева, сделал чрезвычайно много для политической дискредитации «русской партии».

После этого главным легальным национально-консервативным центром стал журнал «Наш современник» (редактор — С. В. Викулов). Его ведущие авторы, писатели, поэты и публицисты В. И. Белов, В. П. Астафьев, В. Г. Распутин, Е. И. Носов, Н. М. Рубцов, Ю. П. Кузнецов, В. В. Кожин за частую стояли на позициях более свободных от советского псевдоконсерватизма. Так, писатели «деревенщики» с любовью описывали черты патриархального быта русской деревни (В. И. Белов «Лад»), нравственные и религиозные черты русского крестьянства, в их произведениях нашла отражение трагедия коллективизации и уничтожение деревни (В. И. Белов «Кануны») и русской природы (В. Г. Распутин «Прощание с Матерой») в последующие советские годы. Таким образом, в их мировоззрении ценности православия и приверженность к дореволюционной культурной традиции за частую преобладали над «советизмом».

Помимо «Нашего современника», представители легальной «русской партии» располагали журналом «Человек и закон» (редактор — С. Н. Семанов), который немало сделал для разоблачения коррупции, В. Н. Ганичев возглавил одну из самых многотиражных газет «Комсомольская правда», заместителем главного редактора журнала АН СССР «Вопросы истории» стал историк А. Г. Кузьмин. На страницах своих изданий они старались проводить идеологическую линию «русской партии».

Влияние «русской партии» на культурные процессы постепенно росло, особенно в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Однако часть высшей партноменклатуры и верхушки КГБ обеспокоило разрастание национально-консервативных умонастроений, пусть и в советской оболочке, поскольку это угрожало в конечном счете основам

официальной идеологии (теории классовой борьбы, интернационализму, атеизму и пр.). В конце 1970-х гг. глава КГБ Ю. А. Андропов возродил Секретный политический отдел, который занимался политической оппозицией, и создал «Пятку» — Пятое управление по борьбе с идеологической диверсией. В 1979 г. усилилось преследование русского издательства «Современник». В декабре 1980 г. с поста редактора «Комсомольской правды» был снят В. Н. Ганичев. 28 марта 1981 г. глава КГБ Ю. В. Андропов направил в Политбюро ЦК КПСС записку, в которой заявлял: «В последнее время в Москве и ряде других городов страны появилась новая тенденция в настроениях некоторой части научной и творческой интеллигенции, именующей себя “русистами”. Под лозунгом защиты русских национальных традиций они, по существу, занимаются активной антисоветской деятельностью. Изучение обстановки среди “русистов” показывает, что круг их сторонников расширяется и, несмотря на неоднородность, обретает организационную форму. Опасность прежде всего состоит в том, что “русизмом”, т. е. демагогией о необходимости борьбы за сохранение культуры, памятников старины, за “спасение русской нации”, прикрывают свою подрывную деятельность откровенные враги советского строя... В связи с изложенным представляется необходимым пресечь указанные враждебные проявления...»⁷⁸.

В апреле 1982 г. С. Н. Семанов был снят с должности главного редактора журнала «Человек и закон» и некоторое время находился под домашним арестом, был уволен с должности редактора саратовского журнала «Волга» Н. Е. Палькин за публикацию в октябре 1981 г. рецензии М. П. Лобанова на роман М. Н. Алексева «Драчуны», в котором относительно правдиво описывались события коллективизации начала 1930-х гг., редакция журнала «Наш современник» подверглась разгрому, а ряд его сотрудников были уволены. Сняли с должностей директора и главного редактора издательства «Современник» Ю. Л. Прокушева и В. В. Сорокина. Дважды произошло избиение писателя В. Г. Распутина. В 1982 г.

⁷⁸ «Пресечь враждебные проявления «русизма»: записка КГБ СССР в ЦК КПСС об антисоветской деятельности Иванова А. М. и Семанова С. Н., 28 марта 1981 г. // Источник. 1994. № 6. С. 108–109.

журнал «Коммунист» начал кампанию против журнала «Наш современник», обвиняя его в пропаганде «мистически-религиозных взглядов».

Степень оппозиционности коммунистическому режиму Ю. В. Андропов с присными явно преувеличивал. События всех последующих десятилетий, вплоть до настоящего времени, показали, что представители легальной «русской партии» за редкими исключениями спаяли себя с советизмом и сталинизмом, которые оказались неискоренимой, имманентной составной их идеологии и деятельности. Лишь немногие, вроде С. Н. Семанова, смогли в дальнейшем пересмотреть свои взгляды и отмежеваться от наследия национал-большевизма.

К легальным национал-большевикам примыкал Г. М. Шиманов, проявивший себя в нелегальной, самиздатской публицистике. Писать в самиздат он начал еще в 1962 г., работая лифтером. В 1969 г. произошло его знакомство с православным консерватором В. Н. Осиповым, который привлек его к участию в самиздатском журнале «Вече». Определенное влияние на становление его взглядов оказало общение со священником Дмитрием Дудко.

Особую роль в духовном выздоровлении он отводил Православной церкви, воцерковлению, возвращению к своим национальным и религиозным «корням». При этом он подчеркивал, что бороться надо не за «внешние», политические перемены, смену общественного строя и гражданские права и свободы, а за «внутренние», духовные и бытовые, т. е. православное возрождение должно начинаться с семьи, с правильного устройства быта людей. При этом Г. М. Шиманов занимал позиции принципиального лоялизма по отношению к коммунистическому режиму. Его рассуждения на этот счет сводились к тому, что в случае обрушения советской власти, при подавляющем превосходстве антирусских сил, при поддержке Запада к власти придут откровенные русофобы, неизмеримо худшие по сравнению с существующим режимом. Более того, победа либералов может привести к распаду СССР и геноциду русских: «Слепые вожди слепых, они (либералы. — А. М.) не знают и знать не хотят, к какому кровавейшему обвалу в России приведет их будто бы безобидный либеральный эксперимент, окажись он

успешным. Ибо совершенно очевидно, что следующей фазой за либерализацией в нашей стране была бы не тишь и гладь “со свободным выездом за границу”, как еще слишком многие представляют себе, но обнаружение и невиданно быстрый рост самых крайних болезненно-националистических движений, с которыми либеральное государство справиться не в состоянии. А в результате — массовые избиения русских на окраинах и ответные избиения иногородцев в коренной России, нарастающий кровавый хаос и окончательный развал... Но разве об этом думают наши безответные и летающие в облаках демократы?»⁷⁹.

Поэтому патриоты должны «твердо и недвусмысленно стать на сторону этого режима, как бы он ни был плох, и поддерживать его против западников». Только сохраняя коммунистический режим, русские патриоты смогут нарастить свои силы. В перспективе советский режим окажется перед выбором: либо опереться на национально-патриотические православные силы, либо — погибнуть под ударами Запада. Более того, Г. М. Шиманов был убежден в том (для этого, впрочем, не было никаких оснований), что если коммунистическая партия трансформируется в «православную партию Советского Союза, мы получили бы действительно идеальное государство». В итоге Г. М. Шиманов убеждал сотрудничать с коммунистическим режимом, призывал родителей «воспитывать детей в духе высокой нравственности, советского патриотизма... прививать своим детям чувство глубокой преданности своему народу и его культуре, а также чувство подлинного уважения ко всем другим народам нашей планеты... Воспитание в семье должно, по возможности, насколько это не противоречит религиозным и нравственным убеждениям родителей, сочетаться с общественным воспитанием в учебно-воспитательных учреждениях, а также с воспитательной работой пионерских, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций»⁸⁰. В конце-концов подобная стратегия признания «духовной законности» советской власти, верноподданное отношение к ней привели бы, считал Г. М. Шиманов, к «трансфор-

⁷⁹ Цит. по: *Кожевников А. Ю.* Русский патриотизм и советский социализм. М., 2017. С. 620–621.

⁸⁰ Цит. по: *Кожевников А. Ю.* Указ. соч. С. 613.

мации» СССР в «русское православное государство». А подлинно «русской» по духу является лишь «православная просоветская ориентация» в патриотическом движении. Идеи Г. М. Шиманова, несомненно, подкрепляли идейный арсенал национал-большевизма.

11. НЕЛЕГАЛЬНОЕ КРЫЛО «РУССКОЙ ПАРТИИ»

Помимо легальной части «русской партии», в те же годы существовала и ее нелегальная часть, свободная от советизма и действовавшая в традициях классического русского консерватизма.

В феврале 1964 г. возникла первая крупная конспиративная подпольная организация численностью около шестидесяти человек — Всероссийский Социал-Христианский Союз Освобождения Народа (ВСХСОН). Ядро организации состояло из четырех студентов Ленинградского университета (будущих руководителей и одновременно главных обвиняемых по делу ВСХСОНа). Главой организации был японист по образованию И. В. Огурцов. Организация просуществовала три года и была раскрыта благодаря предательству одного из членов.

Своими духовными учителями члены ВСХСОН считали преимущественно русских консервативных мыслителей XIX—XX столетий. Они собрали уникальную по тем временам библиотеку, в которой были труды славянофилов, К. Н. Леонтьева, К. П. Победоносцева, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, И. Л. Солоневича, И. А. Ильина — мыслителей, отстаивавших ценности православия и национальную самобытность России.

В программных положениях ВСХСОНа православие провозглашалось религией, способной спасти Россию и весь мир от духовного рабства материализма, защитить общество от нравственного вырождения, упадка духовной силы, социального и военного самоубийства, восстановить «равновесие» между личностью, обществом и государством. Кроме того, идеологи организации остро реагировали на официальную пропаганду об «ускоренном слиянии наций» и образовании «единой социалистической нации» по мере «продвижения к коммунизму» на фоне почти всеобщей нищеты, бесхозяйственности, хищений, взяточничества, гибели природы в результате «великих строек», авантур с повышением цен на продукты, с конфискационной «денежной реформой» и закупками пшеницы за границей, беспощадным подавлением народных волнений (подобных тем, которые произошли в Новочеркасске летом 1962 г.).

Группа расценивала революцию 1917 г. и советский строй как явления антинациональные, антихристианские, чуждые исконным народным традициям и приведшие страну в исторический тупик. Коммунизм, считали всхсоновцы, был привнесен извне, его основой является класс советской бюрократии, не связанный с народом и не имеющий никакой социальной базы, на которую бы мог опереться для организации сопротивления восставшему народу. Однако отрицание коммунистической системы не носило традиционных для революционного движения нигилистических черт, оно базировалось на положительных религиозных и идейных ценностях, сформулированных русской мыслью до 1917 г. и в эмиграции.

Определяющим идеологическим постулатом консерваторов-всхсоновцев было учение о примате духовных и культурных проблем над социально-экономическими и политическими в иерархии ценностей. ВСХСОН рассматривал в качестве программных произведений некоторые работы Н. А. Бердяева вроде «Нового средневековья» и «Философии неравенства» (эти работы Н. А. Бердяева оказали, пожалуй, наибольшее влияние на всхсоновцев, не случайно В. Н. Осипов называл их «Бердяевским кружком»). Идеал будущей государственной и социальной организации всхсоновцы именовали «свободной теократией», «теократическим государством», («социальным, представительным и народным»). Под ним имелась в виду такая форма правления, при которой политическая власть принадлежит церкви и ее представителям. При этом декларировалось право беспрепятственной проповеди и свобода публичного отправления культа всеми известными религиями.

У Н. А. Бердяева всхсоновцы заимствовали идею корпоративного государства, согласно которой «партийную организацию власти» необходимо было заменить «представительством корпораций», которые в идеале будут бороться не за политическую власть, а решать реальные вопросы функционирования различных государственных институтов: сельского хозяйства, народного образования и т. п. Согласно программе ВСХСОНа, корпоративный характер нового государства должен был быть воплощен в специальном «блюстителем органе — Верховном Собрании, состоящем на одну

треть из лиц высшей православной иерархии и на две трети — из пожизненно избираемых “выдающихся представителей народа”».

Социал-христианское государство должно было обеспечить соблюдение «основных прав человека и гражданина» (всеобщее избирательное право, свобода совести, слова, собраний, организаций, творчества, экономической деятельности, передвижения, обмена информацией, неприкосновенность личности и т. д.). Основой экономики будущего государства должны стать самоуправляющиеся национальные корпорации и индивидуальные сельские хозяйства. Земля, являющаяся общенациональной собственностью, могла бы лишь выделяться в индивидуальное пользование, но также могла бы переходить в вечное пользование с правом наследования. Госсобственностью являлись бы также и главные отрасли промышленности.

Главной целью ВСХСОН была подготовка «народной освободительной революции, направленной на свержение диктатуры коммунистической бюрократии», на ликвидацию разлагающейся тоталитарной советской системы. На подготовку бескровного переворота отводилось 10—15 лет. Впрочем, вся деятельность ВСХСОН ограничивалась распространением среди членов организации и ее потенциальных кандидатов самиздата, преимущественно религиозного содержания. В 1967 г. ВСХСОН был разгромлен, над его участниками был проведен закрытый судебный процесс. Руководители и активисты получили огромные по тем временам сроки. Им инкриминировалось обвинение в заговоре с целью «вооруженного свержения советского государственного и общественного строя и установления в СССР буржуазного режима».

После разгрома ВСХСОН главным центром нелегального крыла «русской партии» стал журнал «Вече» (1971—74 гг.), редактировавшийся В. Н. Осиповым. Основные программные установки журнала были сформулированы в передовой статье (1971. № 1):

«Двадцатый век — век прогресса, науки и техники, и в то же время век небывалого развития корыстолюбия и преступности. В погоне за личным материальным благополучием люди стали равнодушными к духовным сокровищам прежних столетий. Это наблюдается в равной степени и у нас, и на Западе. Но нас, естественно, прежде всего заботит Россия — наша мать, боль и надежда.

Наше нравственное состояние оставляет желать много лучшего. Эпидемия пьянства. Распад семьи. Поразительный разгул хамства и пошлости. Потеря элементарных представлений о красоте. Разгул матерщины — символ братства и равенства во хлеву. Зависть и доносительство. Наплевательское отношение к работе. Воровство и культ взятки. Двуручничество как метод социального поведения. Неужели все это мы? Неужели это — великая нация, давшая безмерное обилие святых, подвижников и героев?

Да имеем ли мы право называться русскими? Словно зараженные бешенством, мы отреклись от своих прадедов, своей великой культуры, героической истории, славного имени. Мы отреклись от национальности. А когда мы пытаемся теперешнюю пустоту и убожество назвать тысячелетним словом, мы только оскорбляем святое имя.

И все же есть еще русские! Еще не поздно повернуться лицом к Родине. Обратимся же к материнской земле и к наследию праотцев.

Нравственное всегда национально. Аморализм не имеет нации. Возродить, сберечь культуру, моральный и умственный капитал предков. Продолжить путеводную линию славянофилов и Достоевского. Предстоит большая и тяжелая работа. Мы изолированы друг от друга. Мы выварили мысли в своем соку, не обмениваясь, не споря. Вынесем их теперь на русское вече. Пусть мнения противоречат, пусть один отвергает другого. Все наши споры должны иметь одну цель — благо России»⁸¹.

Всего вышло десять выпусков журнала, в котором освещались различные проблемы русской национальной жизни, религии, культуры, охраны памятников русской истории, проблемы образования, экологии.

Владимир Осипов во второй половине 1950-х гг. был студентом исторического факультета МГУ. С конца 1950-х гг. неоднократно подвергался преследованиям за взгляды и поступки и в 1961 г. был осужден на семь лет лагерей за «антисоветскую пропаганду». В концлагере В. Осипов сблизился с членами ВСХСОН и под их

⁸¹ *Осипов В.* Сколько нам осталось жить // Наш современник. 1993. № 1. С. 153–154.

влиянием стал убежденным православным консерватором-патриотом. После освобождения в 1969 г. В. Осипов принял решение издавать православно-патриотический журнал «Вече». Свои взгляды он характеризует следующим образом: «Мое мировоззрение, определившись в 1963–64 гг., остается таковым и по сей день. Уточняются лишь какие-то детали. Православие. Самодержавие. Народность. Как у любого русского в доброе старое время. Я не принимаю ни Октябрь, ни Февраль в равной степени. Более того, считаю, что с 1789 г. человечество пошло по ложному пути. Родилась качественно иная – потребительская – цивилизация. Дух, честь, совесть, милосердие – все, что идет от Бога, брошено в жертву мамоне, культуре денег и вещей...»⁸²

В качестве идейных предшественников В. Осипов называл М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, славянофилов А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, братьев Аксаковых, К. Н. Леонтьева К. П. Победоносцева, Н. Я. Данилевского, особо подчеркивал значение Ф. М. Достоевского. Из философов XX в. В. Осипов называл имена П. Флоренского, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, С. Л. Франка, В. В. Розанова, А. Ф. Лосева, из западных мыслителей – М. Хайдеггера.

Революция 1917 г. стала торжеством национального нигилизма и русофобии, однако во время войны государственная идеология стала использовать элементы русского национализма, ослабла борьба с православием. После смерти Сталина власть заняла, по мнению В. Осипова, «нейтральную позицию в национальном вопросе». Он особо подчеркивал значимость в современных условиях разработки национально-консервативной идеологии, которая была бы ответом на угрозу со стороны маоистского Китая и космополитического западного капитала. Главной задачей В. Осипов считал проведение самобытной русской национальной политики, защиту национальных интересов русского народа, его традиций и культуры, объединение всех сил, выступавших за национальное возрождение России. Для этого необходимо было защищать от гибели памятники материального и духовного творчества, воспитывать уважение к своим национальным святыням, к своему национальному досто-

⁸² *Осипов В.* Указ. соч. С. 152.

инству, способствовать восстановлению преемственности русской культуры, что является залогом дальнейшего культурного развития, поддерживать любовь к Родине и Православной церкви, выяснять и обсуждать животрепещущие проблемы современной русской культуры. При этом без гарантий прав человека, без конституционных свобод невозможно никакое культурное возрождение.

Отношение В. Осипова к советскому режиму носило лояльный характер, в отличие от его предшественников из ВСХСОН, допускавших методы вооруженной борьбы с тоталитарным режимом. Впрочем, в заключении они изменили свои взгляды, признав, что только мирным ненасильственным путем можно добиться трансформации режима.

Несмотря на подчеркнутый лоялизм и открытый характер своей деятельности, в 1974 г. В. Осипов был вновь арестован и приговорен к восьми годам заключения.

12. А. И. СОЛЖЕНИЦЫН И И. Р. ШАФАРЕВИЧ КАК ИДЕОЛОГИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА КОНЦА XX в.

Однако в том же 1974 г. происходит чрезвычайно значимое событие, показывающее, что русская консервативная мысль и социально-христианское движение вышли на новый качественный уровень. «Прорыв» был связан с именами писателя А. И. Солженицына и математика И. Р. Шафаревича.

В русском консерватизме 1970-х и последующих годов фигура А. И. Солженицына была, пожалуй, самой крупной и стояла особняком. Судьба провела его через невероятные испытания: войну, арест, ГУЛАГ, ссылку, заболевание раком и излечение от него, все-союзную и мировую известность — после публикации «Одного дня Ивана Денисовича» (1962) и «Архипелага ГУЛАГа» (1973—1975), получение Нобелевской премии (1970), противостояние советской системе, высылку за границу, гигантскую ежедневную работу по созданию трудов, богатство которых нам еще долго предстоит усваивать, триумфальное возвращение на Родину, противостояние олигархическому режиму. Он серьезно изменил сознание наиболее активной части общества, как в СССР, так и на Западе, подвергнув беспрецедентной по остроте и убедительности критике советский эксперимент 1917—1953 гг.

Русский вопрос составлял стержень всей его деятельности. Он невероятно остро чувствовал стихию изуродованной русской жизни и русской истории XX в. Собственно, именно она отражена и осмыслена в его великих литературных произведениях: «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Архипелаг ГУЛАГ», «Красное колесо». Сочетание художественного дара с талантом проповедника-публициста, постановка острейших социально-политических, нравственных, религиозных и культурных проблем своего времени роднят его с великими гениями русской литературы и общественной мысли — Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым.

Публицистика А. И. Солженицына органично дополняет его собственно литературные произведения, подобно тому как «Бесы» и «Братья Карамазовы» дополняются «Дневником писателя», «Война и мир» и «Анна Каренина» становятся яснее вместе с «Исповедью» и «В чем моя вера?».

Его статьи исключительно важны. Большинство из них отнюдь не устарели и не потеряли общественной значимости. Главная тема А. И. Солженицына — русский народ, его проблемы и пути их решения, сохранение и приумножение русского народа.

Следует признать, что взгляд А. И. Солженицына видел через десятилетия. Уже в «Письме к вождям Советского Союза» (1973) он призывал к национальному сохранению и самоограничению через авторитаризм, чтобы спастись от неизбежной трагедии, к которой вел страну коммунистический режим (он уже тогда понимал неотвратимость геополитической катастрофы 1991 г.). Писатель предлагал отказаться от смертоубийственной идеологии, от внешнеполитической экспансии, от красно-глобалистских амбиций, ведущих к безумной растрате народных сил и ресурсов, сосредоточиться на решении внутренних проблем русского народа, бросить освободившиеся средства на освоение собственного Северо-Востока, исконного русского Центра, сдвинуться не к Индийскому, а к Ледовитому океану. При этом национальный вопрос в СССР рассматривался им как главный, а тогда еще подпольные национал-сепаратистские движения — как самая большая опасность для СССР.

Разумеется, предложенная А. И. Солженицыным программа не могла быть реализована в условиях сохранения социалистической системы, которая была подвергнута острейшей критике в «Архипелаге ГУЛАГ». Эта система возникла в результате реализации проекта, первоначально предусматривающего уничтожение частной собственности, государства, религии, нации, семьи, «буржуазного» права, т. е. тех институтов, без которых в принципе не может существовать человеческое общество. Проект неизбежно вел к беспрецедентному насилию над самой человеческой природой и ГУЛАГу. Лишь народное сопротивление утопии постепенно смягчило античеловеческие черты «красного проекта». После «Архипелага...» отстаивать сколько-нибудь эффективно наследие Ленина-Сталина стало невозможно по интеллектуальным, моральным и эстетическим причинам.

После публикации «Архипелага...» писатель был насильственно выслан за границу в феврале 1974 г.

В 1974 г. в Париже вышел сборник статей «Из-под глыб», задуманный как своего рода продолжение знаменитых сборников «Веги» и «Из глубины». Основные статьи в сборнике были написаны А. И. Солженицыным и И. Р. Шафаревичем.

А. И. Солженицын подверг резкой критике интернациональный марксизм и западнический космополитизм. В частности, по мнению А. И. Солженицына «явил нам XX век неистощимую силу и жизненность национальных чувств и склоняет нас глубже задуматься над загадкой: почему человечество так отчетливо квантуется нациями не в меньшей степени, чем личностями?»⁸³. Игнорируя национальный дух, коммунисты и либералы враждебно относятся к самой возможности существования в России «живых национальных сил».

Либеральное понимание свободы неприемлемо для А. И. Солженицына: «Уж Запад-то захлебнулся от всех видов свобод... И что же, спасло это его? Вот мы видим его сегодня: на оползнях в немощи воли в темноте о будущем, с раздерганной и униженной душой»⁸⁴. Для него очевидно: «Сама по себе безграничная внешняя свобода (т. е. политическая. — А. М.) далеко не спасает нас... всякая свобода — дар не самоценный, а — проходной, лишь разумные условия, лишь средства, чтобы мы с его помощью могли бы достичь какой-то другой цели — высшей»⁸⁵. Для России не подходит западная многопартийная парламентская система, которую добиваются либералы. Опыт Запада в принципе не может быть заимствован русскими патриотами, поскольку явственно продемонстрировал в последнее время свои отрицательные черты: «проступили ее (западной парламентской системы. — А. М.) опасные, если не смертельные пороки: когда отсутствие этической основы для партийной борьбы сотрясает сверхдержавы; когда ничтожный перевес крохотной партии между двух больших определяет надолго судьбу народа... когда безграничная свобода дискуссий приводит к разрушению страны... когда исторические демократии оказываются бессильны перед кучкою сопливых террористов. Сегодня западные демократии — в полити-

⁸³ Из-под глыб : сб. ст. Париж, 1974. С. 19.

⁸⁴ Там же. С. 21.

⁸⁵ Там же. С. 21—22.

ческом кризисе и в духовной растерянности. И сегодня меньше, чем все минувшее столетие приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны. Тем более что готовность России к такой системе, весьма низкая в 1917 г., могла за эти полвека только снизиться»⁸⁶. И далее А. И. Солженицын утверждает, вполне в духе И. А. Ильина, что авторитаризм является наиболее оптимальной для России формой государственного устройства, хотя и у него «есть свои большие опасности и пороки: опасность ложных авторитетов, насильственное поддержание их, опасность произвольных решений, трудность поправить такие решения, опасность сползания в тиранию. Страшны не авторитарные режимы, но режимы, не отвечающие ни перед кем, ни перед чем. Самодержцы прошлых, религиозных веков при видимой неограниченности власти ощущали свою ответственность перед богом и собственной совестью. Самодержцы нашего времени опасны тем, что трудно найти обязательные для них высшие ценности»⁸⁷.

В качестве главных принципов здорового развития национальной жизни А. И. Солженицын провозглашал раскаяние и самоограничение. Нация, как коллективная личность, доступна нравственным чувствам. Негативный груз прошлого духовно преодолевается через раскаяние, оно происходит не коллективно, а индивидуально. Вслед за раскаянием наступает самоограничение, в данном случае речь шла об отказе навязывать ценности и идеалы своей страны другим, для того чтобы сосредоточиться на своих внутренних делах. Самоограничение необходимо и в частной жизни, и в государственной политике. Он писал: «Может быть, как никакая страна в мире, наша Родина... нуждается во всестороннем развитии: и духовно, и как следствие — географически, экономически и социально... Наша внешняя политика последних десятилетий представляется как бы нарочито составленной вопреки истинным потребностям своего народа... Мы — устали от этих всемирных, нам не нужных задач! Мы неутомимо вмешиваемся в конфликты всех материков, судим и рядим, подталкиваем к ссорам и бесстыдно гоним оружие первым товаром нашего экспорта... В погоне за всеми этими искус-

⁸⁶ Из-под глыб... С. 25.

⁸⁷ Там же. С. 26–27.

ственными целями, никак не нужными нашей нации, мы истощили свои силы, мы подорвали свои поколения...»⁸⁸. Необходимо сосредоточиться на главном для народа — внутреннем развитии: «Надо перестать выбегать на улицу на всякую драку, но целомудренно уйти в свой дом... К счастью, дом такой у нас есть... — русский Северо-Восток. И отказавшись наводить порядки за океанами, и перестав пригребать державною рукой соседей, желающих жить вольно и сами по себе — обратим свое национальное государственное усердие на неосвоенные пространства Северо-Востока»⁸⁹.

В статье «Образованщина» А. И. Солженицын проанализировал основные черты «малого народа» — части либеральной советской полуинтеллигенции, ее сервильность, внешнюю лояльность, невежество. А. И. Солженицын фактически доказал, что этот слой является подлинным наследником революционной интеллигенции, стремящейся к интернационализму и космополитизму, несущей полноту ответственности за катастрофу 1917 г. Благодаря пособничеству или молчанию интеллигенции, оторванной от народа, произошло уничтожение значительной части этого самого народа. Родовые меты «образованщины» те же, что были зафиксированы еще в сборнике «Вехи»: антипатриотизм, отвержение религиозной нравственности, нетерпимость, презрение к реальному народу, неприятие традиции, орденские черты. «Образованщине» противостоит «жертвенная элита», сохранившая в сердце Бога, именно она может послужить источником национального возрождения.

Оказавшись за рубежом в результате насильственной высылки, А. И. Солженицын сохранил максимальную самостоятельность в действиях и суждениях, подвергнув резкой критике Запад, выступив против тупиков либерального глобализма и гегемонии европейской цивилизации (особенно в Гарвардской (1978) и Темплтоновской (1983) речах). Корни жестокого кризиса Западной цивилизации он в духе А. Ф. Лосева и о. Павла Флоренского возводил к антропоцентризму философии Возрождения и Просвещения, провозгласивших культ автономного человека, свободного от всякой высшей над ним силы. Основными чертами кризиса Запада для него

⁸⁸ Из-под глыб... С. 146–147.

⁸⁹ Там же. С. 148.

выступали бескрайний материализм, свобода от религии и религиозной ответственности, сосредоточенность на социальном построении и наукообразность в этом, расслабляющий комфорт, юридизм, беззащитность общества от безбрежных свобод, аморализм, манипулятивная стадность.

При этом он настаивал на прекращении разрядки и конвергенции, на экономическом бойкоте СССР, для того чтобы вызвать кризис коммунистического режима. Одновременно он выступил против русофобской позиции Запада и «третьей» эмиграции, всегда занимавших не столько антисоветскую, сколько антирусскую позицию. Именно тогда он вводит в широкий оборот термин «образованщина» для характеристики русофобствующей интеллигенции. Патриотическая позиция А. И. Солженицына обусловила нежелание писателя принимать американское гражданство и заставила отказаться от встречи с американским президентом Р. Рейганом в кругу диссидентов «третьей волны» (1982). Свой отказ, шокировавший американский истеблишмент, писатель мотивировал тем, что некоторые американские генералы предлагали избирательно уничтожить русское население СССР ядерными ударами. К началу 1980-х гг. А. И. Солженицын окончательно становится объектом неприятия и ненависти со стороны либералов, для которых он превратился в «черносотенца».

Главным делом жизни А. И. Солженицына, вплоть до начала 1990-х гг. и возвращения в Россию, стало создание грандиозного исторического повествования «Красное колесо», в котором осмысливался феномен революции, приведший к русской трагедии XX в. А. И. Солженицын оригинально и глубоко раскрыл значение в русской истории таких фигур, как П. А. Столыпин, А. Л. Парвус, В. И. Ленин, показал разрушительную безответственность русского либерализма в Феврале 1917 г. Однако «прививка» против нового «феврализма» не сработала, до сих пор именно это произведение А. И. Солженицына усвоено и понято в наименьшей степени из всех им написанных.

Вторым по значимости автором сборника «Из-под глыб» был И. Р. Шафаревич, один из наиболее известных математиков современности — член-корреспондент Академии наук СССР с 1958 г., по-

четный член Американской академии наук, лауреат математической премии Геттингенской академии наук, лауреат Ленинской премии. И. Р. Шафаревич в 1970—80-х гг. был одной из ключевых фигур жизни общества конца 1960-х — начала 1970-х гг., членом Комитета защиты прав человека в СССР, вторым после А. И. Солженицына на ведущим идеологом национально-патриотического лагеря.

В 1955 г. он подписал так называемое «Письмо трехсот» в ЦК КПСС, солидаризировавшись с протестом ученых-биологов против лысенковщины. В 1968 г. он подписал коллективное письмо в защиту диссидента-правозащитника А. С. Есенина-Вольпина, помещенного в психиатрическую больницу. А с конца 1960-х гг. И. Р. Шафаревич стал одним из лидеров диссидентского движения, войдя в организованный А. Д. Сахаровым «Комитет прав человека в СССР», созданный в конце 1970 г., одной из главных целей которого была защита прав верующих. Деятельность в сахаровском Комитете сблизила его с А. И. Солженицыным.

В сборнике «Из-под глыб» И. Р. Шафаревич опубликовал несколько статей, из которых ключевой была «Социализм». И. Р. Шафаревич представлял социализм как следствие грандиозных кризисов, неоднократно переживаемых человечеством. Социализм как теория и практика — это проявление стремления человечества к самоуничтожению, к Ничто, он низводит человека на уровень детали государственного организма и стремится уничтожить те силы, которые поддерживают, укрепляют человеческую личность: религию, культуру, семью, индивидуальную собственность, саму человеческую индивидуальность во всех наиболее существенных проявлениях, высшие способности человека. Доведенная до логического конца реализация социалистической идеи ведет к полному разрушению базовых основ человеческого общества, традиции и жизненного уклада, которые придают смысл человеческому существованию. Согласно И. Р. Шафаревичу, подобные процессы протекали в меньших масштабах при столкновении примитивных народов с европейской цивилизацией: «...главной причиной вымирания многих первобытных народов было не истребление их европейцами, не занесенные белыми болезни или алкоголизм, но — разрушение их религиозных представлений, ритуалов и всего того жизненного укла-

да, который придавал смысл их существованию. Даже в тех случаях, когда европейцы, казалось, способствовали улучшению условий их жизни, организуя медицинскую помощь, распространяя новые виды домашних растений и животных или препятствуя межплеменным войнам, это не меняло положения. Среди туземцев распространялась апатия, они преждевременно старели, переставали держаться за жизнь, гибли от болезней, которые раньше легко переносили. Рождаемость быстро падала, и население сокращалось... жизнь, полностью воплотившая социалистические идеалы, должна привести к тому же итогу, с той лишь разницей, что гораздо более радикальные изменения приведут и к более универсальному результату: вымиранию всего человечества, его смерти»⁹⁰.

Крайне негативная трактовка социализма, безусловно, сближала И. Р. Шафаревича с автором «Архипелага ГУЛАГа». Более того, следует признать, что И. Р. Шафаревич являлся более радикальным критиком социализма, нежели А. И. Солженицын. Спустя несколько лет на основе этой статьи И. Р. Шафаревичем была за рубежом опубликована книга «Социализм как явление мировой истории».

Другие статьи И. Р. Шафаревича в сборнике «Из-под глыб» были посвящены национальному вопросу в СССР, и в особенности русскому вопросу. Вопреки официальной коммунистической пропаганде, утверждавшей, что в СССР успешно решены все национальные противоречия и создана «новая историческая общность — советский народ», И. Р. Шафаревич утверждал, что именно национальные противоречия угрожают существованию СССР, что под социалистической оболочкой вызревают национал-сепаратистские силы, готовые уничтожить государство. И. Р. Шафаревич подчеркивал, что в СССР, наряду с фактическим поощрением местных национализмов происходит самое страшное: подавление русского национального самосознания, русской культуры в условиях вскипающих антирусских настроений. Национальная ненависть может поджечь общий дом. Причем тогдашние либералы рассматривают русский патриотизм как реакционный, позорный и опасный.

⁹⁰ Из-под глыб... С. 66.

И. Р. Шафаревич утверждал, что только сближение народов в рамках одного государства может привести к созданию культуры более высокого уровня, а процессы дезинтеграции и сепаратизма приведут к обратному результату.

В 1982 г. И. Р. Шафаревич пустил в самиздат рукопись своего эссе «Русофобия», написанного еще в 1980 г. Главное, что он сделал в этом эссе, — генерализовал понятие «малый народ», которое было впервые введено в оборот французским историком Огюстеном Кошеном, проанализировавшим ситуацию, сложившуюся в интеллектуальных кружках во Франции перед революцией 1789 г.: «Кошен описывал, как французские “салоны” подготовили революцию. Это делали люди, объединенные одним общим настроением, а именно: презрением и ненавистью к собственной стране и своей культуре. Они отрицали все ее достижения, считали Францию и французов чем-то малоценным по сравнению с другими государствами, которые, по их мнению, добились больших успехов, и настаивали на том, что только коренной переворот во всех областях жизни сделает Францию “частью просвещенного человечества”. Последствия их деятельности были ужасны»⁹¹.

И. Р. Шафаревич предположил, что подобный феномен — «малый народ» — появляется в период масштабных кризисов в любой стране, что это своего рода всемирный феномен. В качестве «малого народа» И. Р. Шафаревич усматривал протестантские кальвинистские секты в Англии времен английской революции XVII в., «просветителей» и «энциклопедистов» во Франции в канун 1879 г., «левых гегельянцев» в Германии, подготовивших появление марксизма и анархизма, русских нигилистов 1860–70-х гг. Именно эти религиозные и идеологические меньшинства составляли ядро «контрэлиты» и явились причиной и движущей силой всех масштабных социальных катаклизмов, постигавших вышеперечисленные государства.

«Малый народ» в трактовке И. Р. Шафаревича не является собственно национальным течением, поскольку в него могли входить представители разных этносов и национальностей (как и соци-

⁹¹ «Я всю жизнь, сколько себя помню, думал о судьбе русского народа»: интервью Игоря Шафаревича. URL: <https://www.apn.ru/index.php?newsid=36018>

альных слоев). А в работе «Русофобия: десять лет спустя» (1991) И. Р. Шафаревич, к примеру, писал, что «современный “малый народ” родился из партии и связан с ней общностью многих основных черт. Их роднит отчуждение от народа и отношение к нему как к “средству” и “материалу”». В СССР «малым народом» выступили представители части либеральной интеллигенции. И. Р. Шафаревич проанализировал характерную для этого слоя концепцию неполноценности и ущербности русской истории, культуры, народной психики, т. е. русофобию. Она по сути превратилась в идеологию активного либерального меньшинства, противопоставляющего себя остальному обществу, и при этом убежденного в своем праве творить судьбу всего народа. «Малый народ» убежден в своем праве полностью игнорировать и враждебно относиться к исторической традиции и национальной точке зрения. Его идеалом является миф о «цивилизованном Западе», всякая постановка вопроса о какой бы то ни было русской цивилизационной самобытности категорически отвергается «малым народом».

В сущности, «Русофобия» продолжала традиции сборника «Вехи», анализирующего характерные черты антинационального слоя начала XX в., его отношение к православию, русской культурной традиции и истории.

13. КОНСЕРВАТИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Оба крыла «русской партии» подверглись в конце 1970-х — начале 1980 гг. репрессиям стороны КГБ и, в конечном итоге, не смогли породить сколько-нибудь внятный политический проект. В условиях ветшавшего СССР несопоставимо большими возможностями располагали либеральные западники.

Во время перестройки и в 1990-е гг., фантастически насыщенную событиями эпоху, когда в течение десятка лет произошел окончательный крах социалистического проекта, начался и потерпел неудачу по многим показателям либерально-западнический эксперимент, возник определенный общественный запрос на консервативную идеологию. Именно тогда были опубликованы основные произведения классиков западной и русской консервативной мысли, появились первые организации, позиционирующие себя как консервативные.

Впрочем, среди называвших себя консерваторами зачастую оказывались идеологи и организации, которых невозможно даже теоретически представить на одном политическом поле. Среди них были откровенные маргиналы и одновременно вполне уважаемые, связанные с политическим истеблишментом фигуры: общество «Память», национал-большевики в стиле А. А. Проханова, неоевразийское движение А. Дугина, церковный «Всемирный русский народный собор» во главе с тогда еще митрополитом Калининградским и Смоленским Кириллом (Гундяевым), Российское христианско-демократическое движение (В. Аксютин, Г. Анищенко, В. Полосин, И. Константинов), «Конгресс русских общин» (Ю. В. Скоков, А. И. Лебедь, С. Ю. Глазьев), «Родина» (Д. Рогозин, С. Ю. Глазьев, С. Н. Бабурин), проправительственные «Партия Российского единства и согласия» (С. М. Шахрай, В. А. Никонов) и т. д. Это был своего рода «соляной раствор», из которого уже в XXI столетии стали «откристаллизовываться» контуры современного русского консерватизма. В «нулевые» годы благодаря Интернету распространение консервативно-националистических идей резко усилилось, захватив молодежную аудиторию.

Исторически первым и, пожалуй, наиболее известным в массовом сознании стал консерватизм-симулякр монархического толка, ассоциируемый с такими организациями, как «Память» Д. Д. Васильева, «Черная сотня» А. Р. Штильмарка и некоторыми другими. Эти организации представляли собой по сути дела кальки с дореволюционных черносотенных организаций, копируя как политические программы, включающие воссоздание самодержавной монархии и Российской империи, так и символику, вплоть до использования дореволюционной орфографии. В силу колоссального разрыва между политической культурой элиты и ценностями массового сознания эти организации изначально были обречены на маргинальное существование. Их использовали для компрометации консервативно-патриотической идеи действующая власть, спецслужбы и либеральные массмедиа, создающие миф о «русском фашизме», тем более что в ряде случаев экзотичность, экстравагантность и «просто» политический идиотизм в этих маргинальных группах буквально «зашкаливали».

У истоков этих организаций зачастую стояли представители литературной «русской партии» 1960–1980-х гг. (показательно, что «Память» получила свое название от одноименной книги В. А. Чивилихина), но, столкнувшись с конкретной политической практикой своих «питомцев», они обычно предпочитали отойти в сторону. К настоящему времени осталось несколько организаций, именующих себя черносотенными, однако их влияние ничтожно.

После 1991 г. не менее деструктивную роль сыграл псевдоконсерватизм национал-большевистского толка. Его истоки восходят к сменовеховству 1920-х гг. и некоторым элементам политической практики сталинского руководства в 1930–1940-е гг. Национал-большевистская идеология в целом преобладала в среде легальной литературной «русской партии». Ее ведущий идеолог А. А. Проханов постоянно утверждает, что в 1930-е гг. произошло своего рода «традиционалистское перерождение» большевистского режима в новую империю, а сам Сталин выступил в роли «консервативного» лидера, сознательно уничтожившего левацкую ленинско-троцкистскую элиту. А. А. Проханов и его единомышленники полагали, что сохранение основных черт советского строя, и

в особенности КПСС, которая, по их мнению, должна была окончательно отказаться от марксизма-ленинизма, могли бы привести к образованию империи нового типа, сохранившей динамизм и достижения советского строя. Представители национал-большевистской версии псевдоконсерватизма, опираясь на часть аппарата ЦК КПСС и Союз писателей России, обеспечили идеологическую подготовку событий августа 1991 г. Они во многом справедливо критиковали антигосударственные тенденции и деяния либеральной западнической «партии», полагая, что на практике будет нанесен колоссальный удар по традициям государственности как таковой и остаткам русской национальной традиции, но при этом настаивали, что необходимо сохранить основы советского строя, в особенности «стержень» государственной системы — КПСС. Не случайно в создании манифеста ГКЧП активную роль сыграл А. А. Проханов, а в числе подписантов оказался талантливый писатель-«деревенщик» В. Г. Распутин.

После августа 1991 г. А. А. Проханову удалось создать авторитетную в оппозиционных антиельцинских кругах газету «День», которая выступила своего рода организующим центром право-левой, или, как ее называли либеральные публицисты, «красно-коричневой оппозиции». По сути дела, А. А. Проханов попытался объединить идейных и политических антагонистов: национал-консерваторов, чьи идеалы лежали в православии и русском дореволюционном прошлом (их категорически не устраивал прозападный, отрицающий национальные традиции курс Б. Н. Ельцина), и коммунистов, отнюдь не собирающихся изменять идеалам ленинско-сталинского социализма и пролетарского интернационализма и видевших в Б. Н. Ельцине разрушителя социалистической системы. А. А. Проханов приложил огромные усилия для того, чтобы удалось на короткое время сформировать тогдашний псевдоконсервативный мейнстрим, с отчетливо «розовой» окраской, странный политический кентавр, неминуемо обреченный на расколы, недееспособность и поражения. Не случайно «правые» крайне неохотно шли на сотрудничество, осознавая, что ведущую роль в объединении, которое было создано в октябре 1992 г. и получило название Фронт национального спасения (ФНС), неизбежно будут играть левые. Ника-

кие велеречивые декларации о преодолении исторического раскола между «красными» и «белыми» не могли помешать необратимому процессу выхода правых консерваторов из ФНС.

События октября 1993 г. поставили крест на попытках создать дееспособный альянс между национал-большевиками и консерваторами-традиционалистами. В настоящее время основные идеологи консерватизма в национал-большевистском изводе («левые консерваторы») концентрируются в Изборском клубе. Впрочем, среди его членов есть идеологи с более «традиционалистской» окраской. Основными печатными органами, отражающими позицию клуба, является газета «Завтра», главным редактором которой является А. А. Проханов. Сходные позиции занимает и журнал «Наш современник». Пожалуй, наиболее плодотворным проектом, осуществленным представителем легальной русской «партии» О. А. Платоновым, стало беспрецедентное по масштабам издание в рамках исследовательской программы Института русской цивилизации сотен работ представителей русской консервативной мысли.

Серьезным явлением в идейной жизни современной России стал церковный консерватизм, представленный в 1990-е гг. прежде всего статьями и проповедями Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) и деятельностью Всемирного русского народного собора, возглавляемого в эти годы тогда еще Митрополитом Калининградским и Смоленским Кириллом (Гундяевым) и председателем Союза писателей России В. Н. Ганичевым.

В своих трудах, среди которых особо выделяются «Самодержавие духа» и «Одоление смуты», митрополит Иоанн развил своего рода консервативную политическую доктрину, в которой с православных позиций обосновывал необходимость возрождения самодержавия и установление симфонии церковной и светской власти. Принципами будущей русской государственности митрополит Иоанн называл соборность и державность. В его трудах была также сформулирована православно-консервативная историософия русской истории, в которой особую роль играли самодержавие и церковь. Митрополит Иоанн подверг беспрецедентной критике либеральную политику, проводимую при Б. Н. Ельцине. Однако его идеи и труды не были приняты и официально одобрены Патриар-

хом и Синодом, которые неоднократно подчеркивали, что митрополит Иоанн выражает частное мнение. На политическом уровне идеи (речь идет о Послании «Творением правды и добра») митрополита Иоанна получили признание в деятельности Русского национального собора, созданного в феврале 1992 г. Лидером Собора стал генерал-майор КГБ А. Н. Стерлигов, а в его состав вошли академик И. Р. Шафаревич, писатели В. И. Белов, В. Г. Распутин, режиссер С. С. Говорухин. Организация эта оказалась мертворожденной, как, впрочем, почти все организации консервативно-патриотического толка того времени.

Если митрополит Иоанн обращался прежде всего к оппозиционно настроенным политикам и массам, то Всемирный русский народный собор (ВРНС), созданный в 1993 г., изначально адресовал свои решения правящему слою. ВРНС традиционно возглавляется Патриархом, что придает ему особый статус и авторитет.

В заседаниях ВРНС неоднократно принимали участие представители верховной власти и интеллектуальной элиты, близкой к властным кругам. Организаторам ВРНС удалось привлечь в качестве экспертов консерваторов-интеллектуалов (особенно показательно создание обширной политической программы «Русская доктрина») и в течение ряда лет внедрить в сознание политической элиты осознание целого ряда важных проблем, таких как разделенное положение русского народа — «русского мира» и необходимость его ненасильственного воссоединения; «русский вопрос», решение которого предполагает снятие отчуждения основной массы русских от власти и собственности, защиту их политических, гражданских и этнокультурных прав, создание национальной русской школы, призванной сформировать здоровое национальное самосознание. С подачи ВРНС в политическую лексику прочно вошел термин «русская цивилизация» и т. д. Показательно было сотрудничество с ВРНС таких представителей литературной «русской партии», как В. Н. Ганичев, В. Г. Распутин и др. В целом, для церковных консерваторов характерны борьба за традиционные христианские ценности, и основанные на них нравственность, культуру, систему просвещения. В наиболее концентрированном виде положения церковного консерватизма нашли свое отражение в принятых Архиерейским

собором 2000 г. «Основах социальной концепции РПЦ». Следует подчеркнуть, что РПЦ категорически предписывает своим клирикам полное неучастие в формальной политической борьбе. В настоящее время одним из идеологов ВРНС является философ и публицист А. В. Щипков, разработавший идеологию социал-традиционализма, в которой традиционные консервативные ценности в сфере религии, культуры, общественной нравственности органично сочетаются с солидаристской экономической программой, основанной на идее христианской социальной справедливости⁹².

В наибольшей степени с дореволюционной консервативной традицией оказался связан консерватизм наследников нелегальной «русской партии». Наиболее яркими его фигурами в то время являлись А. И. Солженицын, И. Р. Шафаревич, Л. В. Бородин, В. В. Аксюхиц и др.

Крупнейший консервативный идеолог А. И. Солженицын смог в определенной степени повлиять на идеологические процессы в позднем СССР — РФ своей публицистикой, например, статьей «Как нам обустроить Россию» (1990), представляющей развернутую политическую программу писателя. Она строилась на двух основных идеях. Первая — создание в условиях неизбежного развала СССР «Российского союза» из РСФСР, Украины, Белоруссии и Казахстана, который бы позволил смягчить надвигающуюся катастрофу и сохранить нерасколотым подавляющее большинство русского народа. Вторая идея — создание повсеместного земского самоуправления, опирающегося на местную общественную инициативу и позволяющего сформировать эффективную систему власти, сочетающую сильную центральную вертикаль с горизонталью «земщины». Однако время, когда к писателю прислушивалась активная и патриотически настроенная часть общества, было безнадежно упущено. Инициатива к тому моменту была прочно перехвачена либеральными и национал-сепаратистскими силами. Распад СССР пошел по наихудшему сценарию, когда за пределами РСФСР оказалось около 30 миллионов русских.

⁹² См.: *Щипков А. В.* Социал-традиция. М., 2017.

По сути дела, А. И. Солженицын очень остро поставил вопрос, традиционный для русской консервативной мысли, — о создании русского национального государства.

В 1994 г. А. И. Солженицын переехал из эмиграции в Российскую Федерацию. К этому моменту ельцинский режим стабилизировался. Триумфального возвращения не получилось, писатель к тому времени совершил ряд несомненных ошибок, которые сильно подорвали его влияние на русское общественное мнение. Он слишком долго молчал, слишком долго «выдерживал паузу» с возвращением на Родину, слишком безоговорочно поддержал Б. И. Ельцина в августе 1991-го и в октябре 1993 г., ошибочно видя в этих событиях только лишь подавление рудиментов коммунистического режима, сыграло свою негативную роль и нежелание А. И. Солженицына консолидировать вокруг себя консервативную элиту.

Новой номенклатуре не составляло особого труда во второй половине 1990-х гг. «нейтрализовать» идейное воздействие на русское общество быстро прозревающего от «антикоммунистических» иллюзий писателя. Началась травля А. И. Солженицына со стороны либералов и коммунистов. Ему перекрыли возможность выступлений на российском телевидении, его выступление в Госдуме (1994) сопровождалось тихой обструкцией. В итоге А. И. Солженицын перешел в оппозицию олигархическому режиму. В 1998 г. он демонстративно отказался принять орден Андрея Первозванного от Б. Н. Ельцина и выпустил резко обличительную книгу «Россия в обвале», в которой подверг сокрушительной критике все основные аспекты политики системных либералов, видя в них выразителей интересов новой олигархии: «Из ловких представителей все тех же бывших верхнего и среднего эшелонов коммунистической власти и из молниеносно обогатившихся мошенническими путями скоробогаатов создалась устойчивая и замкнутая олигархия из 150–200 человек, управляющая судьбами страны... Это — не выросшее из корней государственное дерево, а насильственно воткнутая сухая палка или, теперь уже, железный стержень. Членов этой олигархии объединяет жажда власти и корыстные расчеты — никаких высоких целей служения Отечеству и народу они не проявляют. Весь процесс выглядит так, как если бы был включен гигантский насос, непопра-

вимо отсасывающий из России ее природные богатства, капиталы и мозги»⁹³. Такая политика, естественно, привела к грандиозной моральной, социальной и демографической катастрофе.

В 2001–2002 гг. вышла книга А. И. Солженицына «200 лет вместе», посвященная русско-еврейским отношениям. Это произведение органично вписывается в многотомье «Архипелага...» и «Красного колеса», являясь в какой-то мере историческим комментарием к этим его основным произведениям. В целом же в нулевые годы литературная и общественно-политическая активность писателя постепенно снижалась. 3 августа 2008 г. А. И. Солженицын скончался. Свои главные жизненные задачи Солженицын выполнил и выполнил успешно. Он внес огромный вклад в избавление страны от коммунистического режима и, главное, сделал чрезвычайно многое для превращения советских людей в русских. Его основные произведения стали частью национального культурно-исторического канона, необходимого для возрождения русского самосознания и укрепления нашего цивилизационного суверенитета.

Его друг и единомышленник И. Р. Шафаревич с конца 1980-х гг. принимал эпизодическое участие в политических и культурных инициативах начинающего тогда активно складываться национал-патриотического движения: известно его символическое участие в таких организациях, как Российский общенародный союз, Российское народное собрание, Фронт национального спасения, Конституционно-демократическая партия — Партия народной свободы, Всероссийский национальный правый центр. Кроме того, он некоторое время сотрудничал в таких изданиях, как газета «День» и журнал «Наш современник».

В 1990-е гг. и в первое десятилетие «нулевых» главную свою общественную роль И. Р. Шафаревич сыграл не как политик — таковым он не был, а как автор интервью, статей и книг, без которых невозможно было идейное самоопределение части современного национально-консервативного движения. Из них особо стоит выделить статью «Две дороги к одному обрыву», в которой социализм и капитализм рассматривались как ипостаси единой цивилизации,

⁹³ Цит. по: *Кублановский Ю. М.* На обратном пути. Стихи и статьи. М., 2006. С. 391.

которой чуждо все органичное и естественно выросшее, все заменяется совершенно искусственным механизмом, единой машиной, управляемой из одного центра, где ритм труда и стиль жизни подчиняются технике, где все стандартизируется и унифицируется: язык, одежда, здания. Подобная цивилизация исключительно продуктивна в некоторых отношениях, например, в способности прокормить население, в выработке энергии, в производстве оружия массового уничтожения, в управлении и манипуляции массовым сознанием и пр. Однако эта цивилизация, активно уничтожающая природу, подавляющая все органические и традиционные стороны жизни, несет в себе семена своей гибели, сводя человека к низшему уровню его животной сущности. Это неизбежно должно привести к глобальному духовному, демографическому и экологическому кризису. Разница между западным путем «прогресса» и социализмом в том, что первый более «мягкий» и основан в большей степени на манипулировании массовым сознанием, а второй в несопоставимо большей степени опирается на прямое насилие и принуждение. И. Р. Шафаревич по сути призывал к поиску «третьего пути», который мобилизовал бы опыт всех более органичных форм жизни для преодоления кризиса, ведущего человечество к гибели⁹⁴.

Последней крупной работой И. Р. Шафаревича стал трактат «Трехтысячелетняя загадка», посвященный еврейскому вопросу, который он писал в течение двадцати пяти лет (т. е. с 1977 г.) и который вышел практически одновременно с известным произведением А. И. Солженицына «200 лет вместе». Многие положения этих двух работ взаимно пересекаются и дополняют друг друга. Авторы утверждали, что их труды являются своего рода дополнением и комментарием к таким произведениям, как «Красное колесо» и «Русофобия». Трудно избавиться от впечатления, что синхронный выход этих двух работ, вызвавших огромный резонанс, не был случайным.

Несомненно, И. Р. Шафаревич оказал сильное влияние на А. И. Солженицына. Впрочем, влияние часто было взаимным. «Архипелаг ГУЛАГ» отразился на представлениях И. Р. Шафаревича о социализме, критика русофобии мощно прозвучала в «Об-

⁹⁴ Шафаревич И. Р. Две дороги к одному обрыву // Шафаревич И. Р. Полн. собр. соч. : в 6 т. Т. 2 / отв. ред. О. А. Платонов. М., 2014.

разованщине» (1974) и «Наших плюралистах» (1982), критика западного мира — в Темплтонской и Гарвардской речах (1983) А. И. Солженицына. Идеология «третьего пути», разделяемая почти всеми консервативными течениями в России, в своей основе была разработана в трудах И. Р. Шафаревича, начиная с программной статьи «Две дороги к одному обрыву» (1989). Термин «русофобия», который когда-то одним из первых начал использовать Ф. И. Тютчев, благодаря И. Р. Шафаревичу укоренился вначале в национально-патриотическом дискурсе, а примерно с 2014 г. прочно вошел в официальную риторику.

Значительную роль в становлении консервативного дискурса сыграл литературный журнал «Москва», который в течение 1992—2011 гг. возглавлял Л. И. Бородин, талантливый писатель, прошедший в советских тюрьмах и лагерях более 11 лет. Несмотря на то, что журнал издавался под эгидой Союза писателей России, в целом занимавшего национал-большевистскую позицию, Л. И. Бородин смог сделать «Москву» печатным органом православно-патриотического «солженицынского» направления, свободным от неосоветизма и либерализма, одним из центров идейной консолидации современных русских консерваторов.

Немалый вклад в становление современного русского консерватизма внес философ и богослов В. Н. Тростников, много сделавший для актуализации религиозного мировосприятия для современных русских людей, чье сознание подверглось многодесятилетнему воздействию атеизма (этому посвящена его работа «Научна ли научная картина мира») и разработавший свою концепцию «Православной цивилизации»⁹⁵.

На политическом уровне идейные наследники нелегальной «русской партии», традиции А. И. Солженицына и И. Р. Шафаревича, осуществили несколько попыток создать дееспособные организации. Так, в феврале 1992 г. по инициативе лидера Российского христианско-демократического движения В. В. Аксючица был созван Конгресс гражданских и патриотических сил, который должен был собрать вокруг себя все патриотические движения, сво-

⁹⁵ См.: Тростников В. Н. Православная цивилизация. Исторические корни и отличительные черты. М., 2004.

бодные от коммунистического и либерального влияния, а затем создано Российское народное собрание (РНС), костяк которого составили так называемые «демопатриоты», покинувшие осенью 1991 г. проправительственную и ультралиберальную «Демократическую Россию» и перешедшие в оппозицию режиму Б. Н. Ельцина. Среди лидеров РНС выделялись христианские демократы В. В. Аксючиц, И. В. Константинов и Г. А. Анищенко, Д. О. Рогозин, возглавлявший «Союз возрождения России», руководители Конституционно-демократической партии М. Г. Астафьев и Н. А. Нарочницкая. РНС поддержал вице-президент А. В. Руцкой. Указанная выше группа идеологов и политиков смогла оказать существенное влияние на политическую линию Верховного Совета РФ. К сожалению, политическая линия В. В. Аксючица, который проводил политику «третьей силы» — максимального дистанцирования как от либералов, так и от коммунистов, не смогла получить развития. По причинам, главным образом, субъективного характера лидерство в консервативно-патриотическом движении перешло к И. В. Константинову. Последний взял курс на сближение с коммунистической оппозицией, что привело к созданию по сути национал-большевистского Фронта национального спасения, в котором основную массу участников составили члены коммунистических организаций. Это вызвало кризис в стане консерваторов, большинство из них дистанцировалось от этой организации. Трагические события октября 1993 г. пресекли деятельность ФНС и других подобных организаций, сильно ударили по национал-консерваторам.

В 1995 г. группа умеренно-консервативных идеологов и политиков попыталась на практике осуществить политический проект «Конгресса русских общин» (КРО). КРО был создан в 1993 г. для решения «русского вопроса», т. е. для защиты интересов русских, оказавшихся за границами РФ. Основным документом КРО, который возглавлял Д. О. Рогозин, был «Манифест возрождения России», построенный на основе идей, традиционных для русской либерально-консервативной традиции.

На выборах в Государственную Думу (ГД) в 1995 г. во главе федерального списка КРО шли генерал А. И. Лебедь, бывший вице-премьер и секретарь Совета безопасности Ю. В. Скоков, бывший

министр гайдаровского правительства, экономист С. Ю. Глазьев и Д. О. Рогозин. КРО набрал на парламентских выборах достаточное для прохождения в ГД количество голосов, однако под нажимом Б. Н. Ельцина Ю. В. Скоков отказался от борьбы против фальсификации выборов, удовлетвоваввшись теми материальными и политическими преференциями, которые предложила ему действовавшая власть (эта сцена ярко описана в мемуарах М. Полторанина «Власть в тротиловом эквиваленте»). А. И. Лебедь же был назначен секретарем Совета безопасности. Таким образом была сорвана первая серьезная попытка прохождения в законодательную власть движения, имевшего, наряду с прочим, ярко выраженную национал-консервативную окраску и достаточно реалистичную и разработанную программу.

В 2003 г. основные лидеры умеренных национал-консерваторов вновь совершили, на сей раз успешную, попытку пройти в ГД, создав избирательный блок «Народно-патриотический союз «Родина», однако к 2005 г. он фактически распался. Тем не менее он выполнил свою миссию, доказав, что конструктивные национал-патриотические силы в состоянии играть серьезную политическую роль. Ведущие лидеры блока впоследствии получили достаточно важные посты, в частности, Д. О. Рогозин являлся заместителем председателя правительства Российской Федерации, курирующим ВПК, ныне он глава «Роскосмоса», С. Ю. Глазьев занимал пост советника Президента РФ по вопросам региональной экономической интеграции, сейчас — член коллегии (министр) по основным направлениям интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии.

В принципиально новых исторических условиях в 1990-е гг. произошло возрождение евразийства, которое правильнее было бы называть «неоевразийством». Политический смысл его сводится к тому, что только в союзе со стремительно развивающимся Востоком Россия может противостоять глобализированному Западу. Как и в 1920-е гг., евразийство стало выражением крайнего антизападничества и антилиберализма. Его наиболее яркими выразителями стали Л. Н. Гумилев, А. С. Панарин и А. Г. Дугин. В. В. Кожин выступил талантливым популяризатором этого течения. Л. Н. Гуми-

лев дал историософскую версию евразийства на материале русской истории, где доказывал и показывал исключительную роль восточных народов в образовании великой Евразийской империи с русским национальным ядром. А. С. Панарин в своих работах развивал учение об особой роли православия в складывании самобытной Евразийской цивилизации, которая может в современных условиях противостоять глобализму.

Пожалуй, самым крупным, ярким и спорным идеологом неоевразийства в наши дни является А. Г. Дугин, который не только немало сделал для популяризации взглядов евразийцев, но и создал на страницах издаваемого им журнала «Элементы. Евразийское обозрение», а затем множества книг, оригинальную, иногда до экстравагантности, версию евразийства. Его идейной основой выступает западноевропейский эзотерический «традиционализм» Р. Генона и Ю. Эволя и теория «консервативной революции», а в основе теоретических схем лежат постулаты о «Великой борьбе континентов», об извечной борьбе «цивилизации суши» с «цивилизацией моря». Основным врагом «цивилизации суши» является «атлантизм», оплотом коего выступают прежде всего США. Рациональное ядро неоевразийства было использовано в политических целях Н. А. Назарбаевым — В. В. Путиным. В 2001 г. А. Г. Дугин создал политическое общественное движение «Евразия», вскоре реорганизованное в одноименную партию. При этом он неоднократно заявлял, что В. В. Путин по сути реализует евразийский проект. В последние годы А. Г. Дугин предпринял издание многотомного теоретического труда «Ноомахия», описывающего характеристики различных цивилизаций, включая русский «историал».

С конца XX в. в консервативном движении резко усиливаются антилиберализм и националистические настроения и соответствующие идеи. Их распространение и развитие совпало с начавшейся эпохой триумфального развития Интернета, что резко увеличило возможности по распространению идей и организации различных сетевых, а затем и реальных структур. В движение пришли сравнительно молодые люди, обладающие философским, политологическим и историческим образованием, что резко отличало их от большинства идеологов старой «русской партии». «Младоконсервато-

ры» создали идеологический «Консервативный пресс-клуб». Ядро клуба составили В. Л. Цымбурский, Б. В. Межуев, К. А. Крылов, Е. С. Холмогоров, М. В. Ремизов и др. С 2002 по 2003 г. «младоконсерваторами» издавался еженедельник «Консерватор» под редакцией Д. В. Ольшанского. Немалую роль в консолидации «младоконсерваторов» на начальном этапе сыграл либеральный политтехнолог С. А. Белковский. Благодаря его поддержке часть «младоконсерваторов» стали сотрудниками «Института национальной стратегии», директором и учредителем которого он являлся, а их статьи стали обильно публиковаться на созданном им сайте АПН.ру.

К 2006 г. «младоконсерватизм» как явление перестал существовать, а ряд его наиболее ярких авторов перешли на позиции консервативного русского национализма, предполагающего создание национального русского государства. Ведущий орган этой группы — журнал «Вопросы национализма». Благодаря их деятельности сам термин «национализм» оказался легализован в публичном пространстве, достаточно вспомнить реплику В. В. Путина: «Самый главный националист в России я!» (сделанную, разумеется, со всеми необходимыми политкорректными оговорками).

Комплекс сложных и противоречивых политических и идеологических процессов привел к созданию официального правительственного консерватизма, причем процесс его зарождения пришелся уже на 1990-е гг., когда монополия либерально-западнической идеологии в сознании элиты никем не оспаривалась и представлялась незыблемой на весьма долгий исторический период.

Разгром консервативно-патриотической оппозиции заставил верховную власть начать процесс «перехвата» ее идей и лозунгов (хотя бы во имя избежания кровавых эксцессов октября 1993 г.). С 1993 г. можно говорить о том, что в лексике «политического класса» появляются элементы державно-патриотической риторики, начинают вестись разговоры о «единой и неделимой России», о поиске «национальной идеи», об опоре на национальные традиции и пр. Тогда же Кремль инициировал создание Партии российского единства и согласия (ПРЕС), вторым названием которой было — Консервативная партия России. Ей удалось пройти в декабре 1993 г. в ГД и создать собственную фракцию, лидерами которой стали С. М. Шах-

рай и В. А. Никонов. Консервативный характер партии нашел отражение в ее официальных документах, в частности в «Консервативном манифесте» (октябрь 1994 г.). Однако консерватизм ПРЕС носил тогда ярко выраженный западнический, вторичный характер, либеральная составляющая в нем абсолютно преобладала. Составители манифеста заявляли о том, что русская консервативная традиция «по идее, ничем не должна отличаться от существующей на Западе».

К предвыборной кампании 1995 г. партия «Наш дом — Россия» стала активно использовать клипы, сделанные известным кинорежиссером Н. С. Михалковым, никогда не скрывавшим своих традиционалистских и монархических убеждений. В какой мере эти убеждения корреспондировались с убеждениями лидеров основной массы членов НДР неизвестно, однако тенденция, что называется, наметилась.

Резкое усиление консервативных тенденций и процесс использования консервативных ценностей «партией власти» были обусловлены несколькими факторами. В частности, дефолт 1998 г. в значительной степени скомпрометировал либеральный подход не только в экономической сфере, а короткое премьерство Е. М. Примакова заставило актуализировать традиции сильной государственности и концепцию национальных интересов (последнее ярко проявилось во время натовских бомбардировок Белграда, а также в беспрецедентном всплеске антизападничества и антиамериканизма в России). В речах Б. Н. Ельцина все больше находила отражение лексика русских консерваторов, апеллирующая к великодержавию, обретению национального достоинства, обращению к собственным духовным истокам и т. д.

О необходимости «русского консерватизма» как идеологии НДР в этот период заявлял В. А. Рыжков — тогдашний руководитель ее фракции. Как «патриотов» и «консерваторов» начинают себя позиционировать самые разные политические силы, в частности, движение «Отечество» Ю. М. Лужкова, особенно в тот краткий период, когда в него вошло КРО во главе с Д. О. Рогозиным. Чрезвычайно показательна была метаморфоза, произошедшая с ультралибералами гайдаровско-чубайсовского лагеря, кото-

рые именно тогда начали называть себя «консерваторами», развивать концепцию «либеральной империи». В конечном итоге ими был создан «Союз правых сил» на идейной основе западного варианта «неоконсерватизма», зиждущегося на либеральной традиции, восходящей к эпохе Просвещения. В сущности говоря, подобного рода консерватизм был призван «законсервировать» выгодную им социально-экономическую систему.

С приходом к власти В. В. Путина начался своего рода «бум» государственного консерватизма, причем можно констатировать, что на вербальном уровне уже полтора десятилетия он идет по нарастающей. Еще в 1999 г. В. В. Путин высказался о необходимости для России идеологии, в основе которой лежали бы патриотизм, державность, государственничество и социальная справедливость в сочетании с «исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем, в том числе и бурным двадцатым столетием» (статья «Россия на рубеже тысячелетий»⁹⁶). При этом консервативные ценности в политической и культурной сфере должны были сочетаться с экономическим либерализмом. Эти заявления после избрания В. В. Путина Президентом в марте 2000 г. сочетались с наступлением на олигархов, «замирением» Чечни, модернизацией армии, созданием Федеральных округов и т. д. Словом, в начале «нулевых» В. В. Путин периодически позиционировал себя как классического либерального консерватора.

Разумеется, подобная позиция Президента не могла не способствовать возникновению определенного запроса на консервативную идеологию. На этот запрос попытались ответить идеологи так называемого «Серафимовского клуба» (М. В. Леонтьев, М. Ю. Соколов), возникшего в 2003 г., главным рупором которого стал журнал «Эксперт». Клуб выполнил роль своего рода интеллектуального штаба при «Единой России». «Единая Россия», возникшая в конце 2001 г. как конгломерат разнородных фракций, неоднократно позиционировала себя в качестве «консервативной» партии. Впрочем, официальный консерватизм как таковой до сих пор не сложился. Не случайно В. Ю. Сурков, долгое время игравший весьма значимую роль в формировании политического курса нулевых и десятых го-

⁹⁶ URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

дов, заявлял в свойственной ему парадоксальной манере: «мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем, что это такое»⁹⁷. Всякая идеологическая работа в официальном поле затруднена тем обстоятельством, что в современной Российской Федерации укоренилась традиция «деидеологизации», закреплённая конституционно.

В ещё большей степени движению к усилению в политической элите и обществе понимания консервативных ценностей способствовали ситуация президентских выборов и событий на Болотной площади в 2011—2012 гг., а затем события на Украине в конце 2013-го — начале 2014 г., воссоединение с Крымом, события в Новороссии, попытки санкционного и иного давления объединённого Запада на Россию.

В посланиях и заявлениях В. В. Путина после 2014 г. время от времени прослеживаются следующие постулаты и понятия, которые несомненно несут на себе отпечаток консервативной и националистической идеологии: ставка на многополярность мира, характеристика России как особой цивилизации, умеренные антизападничество и антиамериканизм, евразийство, защита традиционных христианских ценностей, апология традиционной семьи, признание русских крупнейшим разделённым народом мира, критика ленинско-сталинской национально-государственной модели, необходимость консолидации и поддержки «русского мира» и т. д. Впрочем, высказывания Президента, как правило, «многовекторны», что позволяет различным фракциям политического класса видеть в нём и сторонника либеральных ценностей, и едва ли не умеренного социалиста и т. д.

Впервые со времен С. С. Уварова государственная власть системно формирует консервативные идеологические представления и ценности, структурирует и поддерживает тех акторов, которые могли бы «обеспечить» этот процесс. Среди тех политиков и идеологов, кто в той или иной степени отождествляет себя с консервативными ценностями, выделяются Д. О. Рогозин, С. Ю. Глазьев, Н. С. Михалков, В. В. Аксютин, А. В. Щипков, А. Г. Дугин, К. А. Крылов,

⁹⁷ Багдасарян В. «Мы, безусловно, консерваторы, но пока не знаем, что это такое». О необходимости синергичного консерватизма. URL: <http://russskie.org/articles/my-bezuslovno-konservatory-no-poka-ne-znaem-chto-eto-takoe/>

Б. В. Межуев, М. В. Ремизов, Е. С. Холмогоров и др. Очевидно, что консерватизм, который ранее был в основном достоянием маргинальных оппозиционных течений или представлял собой прежде всего идеологические экспромты «партии власти» по закреплению своего статуса, стал значимой политической идеологией. Основными идеологическими центрами, формирующими современный русский консерватизм, являются Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ), телеканалы «Царьград» и «Спас», общество «Двуглавый орел» и некоторые другие. Стоит также отметить научную и издательскую деятельность ряда историков русской философии, работающих в МГУ, чьиими трудами была создана уникальная энциклопедия «Русская философия», в которой дана справочная информация о многих фигурах и течениях, непосредственно или косвенно связанных с русским консерватизмом (М. А. Маслин, А. П. Козырев, В. В. Ванчугов и др.).

Особую роль среди этих центров играет ИСЭПИ (директор Д. В. Бадковский), который регулярно в 2014–2016 гг. проводил так называемые Бердяевские чтения, в ходе которых возникло сообщество философов, политологов, историков, чьи воззрения и разработки носят отчетливо консервативный характер. К настоящему моменту главным теоретическим органом официального консерватизма являются «Тетради по консерватизму» (главный редактор с 2014 г. — А. Л. Чечевишников, с 2017 г. — Р. В. Михайлов), кроме того, ИСЭПИ долгое время поддерживал сайт «Русская Idea», журнал «Историк» и др.

Большую роль в становлении русской консервативной мысли и публицистики в 2014–2015 гг. сыграла газета «Известия», в которой заместителю главного редактора Б. В. Межуеву удалось собрать коллектив блестящих авторов, активно поддерживавших «Русскую весну».

В настоящее время деятельность консерваторов сводится преимущественно к публицистической и издательской деятельности. Можно выделить публикации итоговых трудов В. В. Аксюцица («Миссия России», «Русский маятник», «Под сенью креста»), цикл статей Е. С. Холмогорова, посвященных русским консерваторам (особенно выделяются его статьи, посвященные А. И. Солже-

нищину, по нашему мнению, это лучшее, что до сих пор написано о великом русском писателе и мыслителе), книгу А. В. Щипкова «Социал-традиция», сборник статей М. В. Ремизова «Русские и государство».

Очевидно, что консерватизм, который ранее был в основном достоянием маргинальных оппозиционных течений или представлял собой прежде всего идеологические экспромты «партии власти» по закреплению своего статуса, стал достаточно значимой политической идеологией.

Следует подчеркнуть, что современный русский консерватизм во многом воспроизвел черты дореволюционного, что свидетельствует о чрезвычайной устойчивости русской цивилизационной «матрицы». В какой-то мере триединая формула С. С. Уварова продолжает сохранять свою значимость. Православие играет по-прежнему серьезную роль в определении нравственной и культурной атмосферы в обществе, задает ценностные ориентиры. Вопрос о сильной централизованной власти не сходит с повестки дня, а пожалуй, во все большей степени усиливается. Наконец, «русский вопрос» не может игнорировать ни один серьезный политик. К нему примыкает проблема места и роли России в современном мире. В современном русском консерватизме, несмотря на национал-большевистскую и либеральную «затравки», очень сильны государственнические, имперские и русско-националистические тенденции, западнические и либеральные ценности, напротив, выражены гораздо слабее. Сейчас трудно прогнозировать дальнейшее развитие этого идеологического течения, но очевидно, что только цивилизационная катастрофа, сродни событиям февраля—октября 1917 г., или большая война сможет остановить все возрастающее влияние консервативного проекта на государственную политику и общественно-политические процессы.

Со времени радикально-западнических реформ Петра I российская государственность была отнюдь не консервативной по своей природе. Ее космополитические и западно-ориентированные верхи часто ограничивали и сводили на нет творческий потенциал консерваторов. Они оказывали лишь эпизодическое, «точечное» воздействие на государственную власть, его ни в коем случае не

стоит преувеличивать. Системного, постоянного влияния в отличие от западноевропейских консерваторов в России не было.

Абсолютное большинство в русской печати второй половины XIX в. представляли газеты и журналы леворадикального и либерального направлений. Консервативные издания владели жалким существованием, подвергались диффамации, моральному террору и травле, в том числе на высшем уровне и, по сути, были маргинализованы. Это сейчас мы изучаем их авторов как великих мыслителей, но в реалиях тогдашней жизни им приходилось крайне тяжело.

Дореволюционная власть апеллировала к русской идентичности, консервативным ценностям лишь тогда, когда имел место цивилизационный вызов, угрожающий самому существованию государства, например в 1812 г. Русские консерваторы спасли власть в 1905–1907 гг. Но после того как произошла частичная стабилизация, либеральная бюрократия, при пассивном отношении монарха, расколола консервативное движение и сделала многое для его компрометации. В феврале 1917 г. государство защищать было уже некому. Нечто похожее, разумеется, со всеми необходимыми оговорками, произошло с «советскими консерваторами» в 1991 г. Строить прогнозы относительно роли современных русских консерваторов в текущих политических процессах пока еще преждевременно.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Аксаков И. С. Наше знамя — русская народность / И. С. Аксаков. — М., 2008.
2. Аксаков К. С. Избранные труды / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. — М., 2010.
3. Аксютин В. В. Идеократия в России / В. В. Аксютин. — М. ; Берлин, 2019.
4. Аксютин В. В. От великих потрясений к Великой России / В. В. Аксютин. — М. ; Берлин, 2018.
5. Аксютин В. В. Русский маятник. От коммунистического тупика через либеральный обвал. Заметки очевидца / В. В. Аксютин. — М. ; Берлин, 2017.
6. Аксютин В. В. Русский характер и коллизии русской истории / В. В. Аксютин. — М. ; Берлин, 2019.
7. А. С. Пушкин : путь к православию. — М., 1996.
8. Алексей Хомяков в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. — М., 2015.
9. Анищенко Г. Выбор и Путь : публицистические и литературные очерки, воспоминания / Г. Анищенко. — М. ; Берлин, 2017.
10. Аракчеев : свидетельства современников. — М. : Новое литературное обозрение, 2000. — 488 с.
11. Аскоченский В. И. За Русь Святую / В. И. Аскоченский. — М., 2014.
12. Бердяев Н. А. Алексей Степанович Хомяков / Н. А. Бердяев. — М., 2005.
13. Бердяев Н. А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) / Н. А. Бердяев // К. Н. Леонтьев : pro et contra. — СПб., 1995. — Т. 2.
14. Бердяев Н. А. Миросозерцание Достоевского / Н. А. Бердяев // Н. Бердяев о русской философии. — Ч. 1. — Свердловск, 1991.
15. Бердяев Н. А. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы / Н. А. Бердяев. — М., 1991.

16. *Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990.

17. *Бердяев Н. А.* Философия неравенства / Н. А. Бердяев. — М., 1990.

18. *Бородин Л. И.* Без выбора. Автобиографическое повествование / Л. И. Бородин. — М., 2003.

19. *Бородин Л. И.* Собр. соч. / Л. И. Бородин. — Т. 7. — М., 2013. — [Публицистика].

20. *Булгаков С. Н.* Победитель — побежденный : (судьба К. Н. Леонтьева) / С. Н. Булгаков // *Булгаков С. Н.* Соч. : в 2 т. / С. Н. Булгаков. — М., 1993. — Т. 2: Избранные статьи.

21. Вехи. Из глубины. — М., 2010.

22. Вехи: pro et contra. — СПб., 1998.

23. Вадим Кожин. Сто рассказов о великом русском. — М., 2012.

24. Воспоминания о Михаиле Каткове. — М., 2014.

25. ВСХСОН : Всероссийский социал-христианский союз освобождения народа. Программа. Суд. В тюрьмах и лагерях. — Париж, 1975.

26. *Гиляров-Платонов Н. П.* «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...» / Н. П. Гиляров-Платонов. — М., 2008.

27. *Глинка С. Н.* Записки / С. Н. Глинка. — М., 2004.

28. *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями / Н. В. Гоголь // Критика. Публицистика. Духовная проза. — М., 2010.

29. *Григорьев А. А.* Апология почвенничества / А. А. Григорьев. — М., 2008.

30. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. — М., 1997.

31. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа : взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М., 2011.

32. *Державин Г. Р.* Записки, 1743—1812 / Г. Р. Державин. — М., 2000.

33. *Державин Г. Р.* Мнение сенатора Державина об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев / Г. Р. Державин // Антисемитизм. — М., 2002.

34. *Дневник Л. А. Тихомирова.* 1905—1907 гг. — М., 2015.

35. *Дневник Л. А. Тихомирова.* 1915—1917 гг. — М., 2008.

36. *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя : в 2 т. / Ф. М. Достоевский. — М., 2011. — Т. 1—2.

37. *Дурново П. Н.* «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию...» : записка государю, 1914 год / П. Н. Дурново // Свободная мысль — XXI : теоретический и политический журнал. — 2006. — № 11/12. — С. 155—172.

38. Доклады министра народного просвещения С. С. Уварова императору Николаю I / публ. М. М. Шевченко // Река времен. — М., 1995. — Т. 1.

39. *Дугин А. Г.* Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности / А. Г. Дугин. — М., 2019.

40. *Дугин А. Г.* Ноомахия : войны ума. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта / А. Г. Дугин. — М., 2019.

41. За алтари и очаги. — М., 1989.

42. *Зеньковский В. В.* История русской философии / В. В. Зеньковский. — М., 2001.

43. *Зеньковский В. В.* «Почвенники» : Аполлон Григорьев. Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский / В. В. Зеньковский // Христианская философия. — М., 2010.

44. *Зеньковский В. В.* Русские мыслители и Европа / В. В. Зеньковский. — М., 1997.

45. *Зызыкин М. В.* Царская власть в России / М. В. Зызыкин. — М., 2004.

46. Из записок министра народного просвещения Д. А. Толстого 1870—1880 годов // Вопросы образования. — 2005. — № 1. — С. 323—330.

47. Из-под глыб : сб. ст. — Paris, 1974.

48. *Ильин И. А.* О монархии и республике / И. А. Ильин // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — Т. 4. — М., 1994.

49. *Ильин И. А.* Наши задачи / И. А. Ильин // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — Т. 2, кн. 1–2. — М., 1993.
50. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — Т. 5. — М., 1995.
51. *Ильин И. А.* Равенство / И. А. Ильин // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. Новая национальная Россия. Публицистика. 1924–1952. — М., 2019.
52. *Ильин И. А.* Советский Союз — не Россия. Памятные тезисы / И. А. Ильин // *Ильин И. А.* Собр. соч. : в 10 т. / И. А. Ильин. — Т. 7. — М., 1998
53. *Ильин И. А.* Собрание сочинений. Русский колокол : Журнал волевой идеи. — М., 2008.
54. И. А. Ильин : pro et contra : личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей : антология. — СПб., 2004.
55. *Иоанн (Снычев).* Самодержание духа : очерки русского самосознания / Иоанн (Снычев). — М., 2007.
56. Исход к Востоку : Предчувствия и свершения / П. Савицкий, П. Сувчинский, Н. Трубецкой, Г. Флоровский // Мир России — Евразия : антология. — М., 1995.
57. К не нашим. Из истории русского патриотического движения. — М., 2006.
58. *Карамзин Н. М.* О древней и новой России / Н. М. Карамзин. — М., 2002. (Особенно см.: «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях».)
59. *Карамзин Н. М.* О любви к отечеству и народной гордости / Н. М. Карамзин ; сост., предисл. А. Ю. Минакова. — М., 2013.
60. Карамзин : pro et contra. Личность и творчество Н. М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей : антология. — СПб., 2006.
61. *Карташев А. В.* Воссоздание Святой Руси / А. В. Карташев. — М., 1991.
62. *Катков М. Н.* Избранные труды / М. Н. Катков. — М., 2010.
63. *Катков М. Н.* Собр. соч. : в 6 т. / М. Н. Катков. — Т. 2. Русский консерватизм : Государственная публицистика. Деятели России. — СПб., 2011.

64. *Киреев А. А.* Дневник 1905–1910 / А. А. Киреев. – М., 2010.
65. *Киреев А. А.* Учение славянофилов / А. А. Киреев. – М., 2012.
66. *Киреевский И. В.* Духовные основы русской жизни / И. В. Киреевский. – М., 2007.
67. *Киреевский И. В.* О необходимости и возможности новых начал для философии / И. В. Киреевский // *Хомяков А. С.* Избр. соч. / А. С. Хомяков, И. В. Киреевский. – М., 2010.
68. *Киреевский И. В.* О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России / И. В. Киреевский // *Хомяков А. С.* Избр. соч. / А. С. Хомяков, И. В. Киреевский. – М., 2010.
69. *Ковалевский П. И.* Русский национализм и национальное воспитание / П. И. Ковалевский. – М. : Центрполиграф, 2017. – 416 с.
70. *Кошелев А. И.* Избранные труды / А. И. Кошелев. – М., 2010.
71. *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович. – Минск, 1997.
72. *Крылов К. А.* Нет времени / К. А. Крылов. – СПб., 2006.
73. *Крылов К. А.* Прогнать чертей / К. А. Крылов. – М., 2010.
74. *Крылов К. А.* Русские вопреки Путину / К. А. Крылов. – М., 2012.
75. *Леонтьев К. Н.* Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев // *Леонтьев К. Н.* Избранное / К. Н. Леонтьев. – М., 2010.
76. *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / К. Н. Леонтьев. – М., 1996.
77. *К. Н. Леонтьев* : pro et contra : антология. – СПб., 1995. – Кн. 1–2.
78. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М., 2001.
79. *Магницкий М. А.* Православное просвещение / М. А. Магницкий ; сост., предисл. А. Ю. Минакова. – М., 2014.
80. *Маслин М. А.* Разноликость и единство русской философии / М. А. Маслин. – СПб., 2017.

81. *Менделеев Д. И.* Заветные мысли. Полное издание (впервые после 1905 г.) / Д. И. Менделеев. — М., 1995.
82. *Меньшиков М. О.* Великорусская идея : в 2 т. / М. О. Меньшиков. — М., 2012. — Т. 1—2.
83. *Меньшиков М. О.* Письма к русской нации / М. О. Меньшиков. — М., 2005.
84. *Местр Ж. де.* Петербургские письма. 1803—1817 / Ж. де Местр. — СПб., 1995.
85. *Местр Ж. де.* Санкт-Петербургские вечера / Ж. де Местр. — СПб., 1998.
86. *Муравьев М. Н.* «Готов собою жертвовать...» : записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863—1866 гг. / М. Н. Муравьев. — М., 2008.
87. Национализм : pro et contra, антология. — СПб., 2017.
88. Н. В. Гоголь и Православие. — М., 2004.
89. О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли. — М., 1990.
90. *Осипов В. Н.* Возрождение русской идеологии / В. Н. Осипов. — М., 2012.
91. *Осипов В. Н.* Корень нации. Записки русофила / В. Н. Осипов. — М., 2012.
92. *Погодин М. П.* Параллель русской истории с историей западных европейских государств, относительно начала / М. П. Погодин // *Погодин М. П.* Избранные труды / М. П. Погодин. — М., 2010.
93. *Победоносцев К. П.* Великая ложь нашего времени / К. П. Победоносцев // *Победоносцев К. П.* Избранное / К. П. Победоносцев. — М., 2010.
94. *Победоносцев К. П.* Московский сборник / К. П. Победоносцев. — СПб., 2009.
95. К. П. Победоносцев : pro et contra : личность, общественно-политическая деятельность и мировоззрение К. Победоносцева в оценке русских мыслителей и исследователей : антология. — СПб., 1996.

96. *Панарин А. С.* Православная цивилизация в глобальном мире / А. С. Панарин. — М., 2002.

97. Правые партии : док. и материалы. 1905—1917 гг. : в 2 т. — М., 1998. — Т. 1 : 1905—1910 гг. ; Т. 2 : 1911—1917 гг.

98. *Пушкин А. С.* Александр Радищев / А. С. Пушкин // *Пушкин А. С.* Избранное / А. С. Пушкин. — Ч. 2. — М. : РОССПЭН, 2010.

99. *Пушкин А. С.* Заметки о русском дворянстве / А. С. Пушкин // *Пушкин А. С.* Избранное / А. С. Пушкин. — Ч. 2. — М. : РОССПЭН, 2010.

100. *Пушкин А. С.* О народном воспитании / А. С. Пушкин // *Пушкин А. С.* Избранное / А. С. Пушкин. — Ч. 1. — М. : РОССПЭН, 2010.

101. *Пушкин А. С.* Путешествие из Москвы в Петербург / А. С. Пушкин // *Пушкин А. С.* Избранное / А. С. Пушкин. — Ч. 2. — М. : РОССПЭН, 2010.

102. *Рачинский С. А.* Народная педагогика / С. А. Рачинский. — М., 2019

103. *Ремизов М.* Опыт консервативной критики / М. Ремизов. — М., 2002.

104. *Ремизов М. В.* Русские и государство. Национальная идея до и после «крымской весны» / М. В. Ремизов. — М., 2016.

105. *Розанов В. В.* Уединенное / В. В. Розанов. — Т. 2. — М., 1990. (Особенно см.: «Опавшие листья. Короб первый. Короб второй».)

106. *Розанов В. В.* Собр. соч. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского / В. В. Розанов. — М., 1996.

107. *Розанов В. В.* Собр. соч. Мимолетное / В. В. Розанов. — М., 1994.

108. В. В. Розанов : pro et contra : личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. — СПб., 1995. — Кн. 1—2.

109. Россия перед вторым пришествием : материалы к очерку русской эсхатологии. — М., 1993.

110. *Ростопчин Ф. В.* Мысли вслух на Красном крыльце / Ф. В. Ростопчин. — М., 2014.

111. *Ростопчин Ф. В.* Ох, французы / Ф. В. Ростопчин. — М., 1992.
112. Русская философия : очерки истории / А. И. Введенский [и др.]. — Свердловск, 1991.
113. *Самарин Ю. Ф.* Избранные труды / Ю. Ф. Самарин. — М., 2010.
114. *Севастьянов А. Н.* Русское движение за тридцать лет (1985–2015). Заметки очевидца / А. Н. Севастьянов. — М., 2016.
115. *Солженицын А. И.* Публицистика : в 3 т. — Т. 1. — Ярославль, 1995. (Особенно см.: «Письмо вождям Советского Союза» (1973), «На возврате дыхания и сознания» (1973), «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (1973), «Образованщина» (1974), «Жить не по лжи» (1974), «Сахаров и критика «Письма вождям» (1974), «Речь в Гарварде» (1978), «Чем грозит Америке плохое понимание России» (1980), «Наши плюралисты» (1982), «Слово при получении Темплтоновской премии» (1983), «Темплтоновская лекция» (1983), «Размышления над Февральской революцией» (1980–1983), «Черты двух революций» (1984), «Как нам обустроить Россию» (1990), «Слово о Вандейском восстании» (1993), «Русский вопрос к концу XX века» (1994)).
116. *Солженицын А. И.* По минуте в день / А. И. Солженицын. — М., 1995.
117. *Солженицын А. И.* Россия в обвале / А. И. Солженицын. — М., 1998.
118. *Солоневич И. Л.* Народная монархия / И. Л. Солоневич. — М., 2005.
119. *Сорокин П. А.* Американская сексуальная революция / П. А. Сорокин. — М., 2006.
120. *Сорокин П. А.* Социология революции / П. А. Сорокин. — М., 2010.
121. *Страхов Н. Н.* Борьба с Западом / Н. Н. Страхов. — М., 2010.
122. *Струве П. Б.* Дневник политика (1925–1935) / П. Б. Струве. — М. ; Париж, 2004.
123. *Струве П. Б.* Избранные труды / П. Б. Струве. — М., 2010.

124. *Струве П. Б.* Patriotica : политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. — М., 1997.
125. *Стурдза А. С.* Беседа любителей русского слова и «Арзамас» в царствование Александра I и мои воспоминания / А. С. Стурдза // «Арзамас» : сборник : в 2 кн. — М., 1994. — Кн. 1.
126. *Стурдза А. С.* Записка о нынешнем положении Германии. Ноябрь 1818 / А. С. Стурдза // Культурные практики в идеологической перспективе : Россия, XVIII — начало XX века. — М. ; Венеция, 1999.
127. *Стурдза А. С.* Наставление для руководства Ученого Комитета / А. С. Стурдза // Журн. М-ва нар. просвещения. — 1821. — Ч. 1, № 2.
128. *Суворин А. С.* В ожидании века XX. Маленькие письма. 1889—1903 / А. С. Суворин. — М., 2005.
129. *Суворин А. С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904—1908) / А. С. Суворин. — М., 2005.
130. Телохранильщик России : А. С. Суворин в воспоминаниях современников. — Воронеж, 2001.
131. *Тихомиров Л. А.* Единоличная власть как принцип государственного строения / Л. А. Тихомиров. — М., 1993.
132. *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — М., 1998.
133. *Тихомиров Л. А.* Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. — М., 1997.
134. *Тихомиров Л. А.* Руководящие идеи русской жизни / Л. А. Тихомиров. — М., 2008.
135. *Тростников В. Н.* Научна ли научная картина мира? / В. Н. Тростников // Новый мир. — 1989. — № 12.
136. *Тростников В. Н.* Православная цивилизация. Исторические корни и отличительные черты / В. Н. Тростников. — М., 2004.
137. *Тютчев Ф. И.* Россия и Революция / Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Избр. соч. / Ф. И. Тютчев. — М., 2010.
138. *Тютчев Ф. И.* Россия и Запад / Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Избр. соч. / Ф. И. Тютчев. — М., 2010.
139. *Тютчев Ф. И.* Римский вопрос / Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Избр. соч. / Ф. И. Тютчев. — М., 2010.

140. *Уваров С. С.* Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 / С. С. Уваров // *Уваров С. С. Избранные труды* / С. С. Уваров. — М., 2010.

141. *Уваров С. С.* Доклад императору Николаю I о славянстве / С. С. Уваров // *Уваров С. С. Избранные труды* / С. С. Уваров. — М., 2010.

142. *Уваров С. С.* О некоторых общих началах, могущих служить руководством при управлении Министерством народного просвещения / С. С. Уваров // *Уваров С. С. Государственные основы* / С. С. Уваров. — М., 2014.

143. *Уваров С. С.* О системе чинов в России от 7 ноября 1848 года / С. С. Уваров // *Уваров С. С. Государственные основы* / С. С. Уваров. — М., 2014.

144. *Уваров С. С.* Отчет по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) / С. С. Уваров // *Уваров С. С. Избранные труды* / С. С. Уваров. — М., 2010.

145. *Уваров С. С.* Проект Азиатской академии / С. С. Уваров // *Уваров С. С. Избранные труды* / С. С. Уваров. — М., 2010.

146. *Фадеев Р. А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ / Р. А. Фадеев. — М., 2010

147. *Фадеев Р. А.* Письма о современном состоянии России / Р. А. Фадеев // *Российский военный сборник*. — М., 1994. — Вып. 7: К познанию России.

148. *Ф. М. Достоевский и Православие*. — М., 1997.

149. *Фет А. А.* Наши корни. Публицистика / А. А. Фет. — СПб., 2013.

150. *Филиппов Т. И.* Русское воспитание / Т. И. Филиппов. — М., 2008.

151. *Флоренский П. А.* Предполагаемое государственное устройство в будущем / П. А. Флоренский. — М., 2009.

152. *Флоровский Г.* Из прошлого русской мысли / Г. Флоровский. — М., 1998.

153. *Флоровский Г.* Пути русского богословия / Г. Флоровский. — Вильнюс, 1991.

154. *Фотий, архимандрит (Спаский)*. Борьба за веру. Против масонов / Фотий, архимандрит (Спаский). — М., 2010.

155. *Франк С. Л.* Духовные основы общества / С. Л. Франк. — М., 1992.
156. *Холмогоров Е. С.* Игра в цивилизацию / Е. С. Холмогоров. — СПб., 2020.
157. *Холмогоров Е. С.* Русские. Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию / Е. С. Холмогоров. — М., 2010.
158. *Хомяков А. С.* Избр. соч. / А. С. Хомяков, И. В. Киреевский. — М., 2010. (Особенно см.: «Мнения иностранцев о России», «Мнение русских об иностранцах», «О старом и новом».)
159. *Хомяков А. С.* Философские и богословские произведения / А. С. Хомяков. — М., 2013.
160. Хранители России : антология / под ред. А. Ю. Минакова, С. В. Перевезенцева, А. А. Ширинянца. — М., 2016. — Т. 3: Рождение русского консерватизма. 1800—1850 гг.
161. *Цымбурский В. Л.* Остров Россия : Геополитические и хронополитические работы. 1993—2006 / В. Л. Цымбурский. — М., 2007.
162. *Чичерин Б. Н.* Собственность и государство / Б. Н. Чичерин. — СПб., 2005.
163. *Шарапов С. Ф.* Диктатор. Политическая фантазия / С. Ф. Шарапов // *Шарапов С. Ф.* Избранное. — М., 2010.
164. *Шарапов С. Ф.* После победы славянофилов / С. Ф. Шарапов. — М. : Алгоритм, 2006. — 624 с.
165. *Шарапов С. Ф.* Россия будущего / С. Ф. Шарапов. — М., 2011.
166. *Шарапов С. Ф.* Россия будущего (третье издание «Опыта Русской политической программы») / С. Ф. Шарапов // *Шарапов С. Ф.* Избранное / С. Ф. Шарапов. — М., 2010.
167. *Шарапов С. Ф.* Через полвека. Фантастический политико-социальный роман / С. Ф. Шарапов // *Шарапов С. Ф.* Избранное / С. Ф. Шарапов. — М., 2010.
168. *Шафаревич И. Р.* Две дороги к одному обрыву / И. Р. Шафаревич // *Шафаревич И. Р.* Полн. собр. соч. : в 6 т. / И. Р. Шафаревич. — Т. II. — М., 2014.

169. *Шафаревич И. Р.* Есть ли у России будущее / И. Р. Шафаревич // *Шафаревич И. Р.* Полн. собр. соч. : в 6 т. / И. Р. Шафаревич. — Т. II. — М., 2014.

170. *Шафаревич И. Р.* Обособление или сближение // И. Р. Шафаревич // *Шафаревич И. Р.* Полн. собр. соч. : в 6 т. / И. Р. Шафаревич. — Т. II. — М., 2014.

171. *Шафаревич И. Р.* Русофобия / И. Р. Шафаревич // *Шафаревич И. Р.* Полн. собр. соч. : в 6 т. / И. Р. Шафаревич. — Т. II. — М., 2014.

172. *Шафаревич И. Р.* Социализм / И. Р. Шафаревич // Изпод глыб. — Paris, 1974.

173. *Шафаревич И. Р.* Социализм как явление мировой истории / И. Р. Шафаревич // *Шафаревич И. Р.* Полн. собр. соч. : в 6 т. / И. Р. Шафаревич. — Т. I. — М., 2014.

174. *Шафаревич И. Р.* Трехтысячелетняя загадка / И. Р. Шафаревич // *Шафаревич И. Р.* Полн. собр. соч. : в 6 т. / И. Р. Шафаревич. — Т. IV. — М., 2014.

175. *Шевырев С. П.* Взгляд русского на современное образование Европы / С. П. Шевырев // *Шевырев С. П.* Избранные труды / С. П. Шевырев. — М., 2010.

176. *Шишков А. С.* Избранные труды / А. С. Шишков. — М., 2010. (Особенно см.: «Рассуждение о любви к отечеству», «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», «Записки».)

177. *Шишков А. С.* Огонь любви к Отечеству / А. С. Шишков ; [сост., коммент., послесл.: В. В. Семенцов ; предисл. А. Ю. Минакова]. — М., 2011.

178. *Шульгин В. В.* Дни. 1920 / В. В. Шульгин. — М., 1989.

179. *Щипков А. В.* Социал-традиция / А. В. Щипков. — М., 2017.

Справочная литература

1. *Беленький И. Л.* Консерватизм в России XVIII — начала XX в. : (библиографический обзор отечественных исследований и публикаций второй половины XX в.) / И. Л. Беленький // Россия и современный мир. — 2001. — № 4 ; 2002. — № 1—3.

2. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : аннот. указ. кн. и публ. в журн. — М., 1976—1989. — Т. 1—5.

3. История русской литературы XIX века : библиографический указатель. — М. ; Л., 1962.

4. Консерватизм в России. Краткая библиография / сост. А. Ю. Минаков [и др.] // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в. : энциклопедия. — М. : РОССПЭН, 2010. — С. 614—634.

5. Общественная мысль России XVIII — начала XX века : энциклопедия. — М., 2005.

6. Отечественная история : История России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 5 т. — М., 1994. — Т. 1—3.

7. Политические партии России : конец XIX — первая треть XX в. : энциклопедия. — М., 1998.

8. Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в. : энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. — М. : РОССПЭН, 2010. — 639 с.

9. Русская философия : энциклопедия. — М., 2020.

Исследования общего характера

1. *Авдеева Л. Р.* Русские мыслители : Ап. А. Григорьев, Н. Я. Данилевский, Н. Н. Страхов : философская культурология второй половины XIX в. / Л. Р. Авдеева. — М., 1992.

2. *Агурский М.* Идеология национал-большевизма / М. Агурский. — Париж, 1980.

3. *Богданов А. В.* Почвенничество : политическая философия А. А. Григорьева, Ф. М. Достоевского, Н. Н. Стрехова / А. В. Богданов. — М., 2001.

4. *Бокова В. М.* Беспокойный дух времени. Общественная мысль первой трети XIX в. / В. М. Бокова // Очерки русской культуры XIX века. — М., 2003. — Т. 4 : Общественная мысль.

5. *Боханов А. Н.* Самодержавие. Идея царской власти / А. Н. Боханов. — М., 2002.

6. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / А. Валицкий. — М., 2019.

7. *Ванчугов В. В.* Очерк истории философии «самобытно-русской» / В. В. Ванчугов. — М., 1994.

8. *Васильев А. А.* Генезис и эволюция консервативной правовой мысли России / А. А. Васильев. — М., 2016.
9. Введение в проблематику российского консерватизма : учеб. пособие. — СПб., 2007.
10. *Вишленкова Е. А.* Заботясь о душах подданных : религиозная политика в России первой четверти XIX века / Е. А. Вишленкова. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2002. — 439 с.
11. *Володихин Д. М.* Без гнева и пристрастия о российских консерваторах, о перспективах изучения консерватизма как идеологии и практики в исторических исследованиях / Д. М. Володихин // *Philosophia*. — М., 2001. — № 3.
12. Вопросы истории консерватизма : альманах / гл. ред. А. Ю. Минаков. — 2015. — № 1.
13. *Галкин А.* Консерватизм вчера и сегодня / А. Галкин // *Власть*. — 2000. — № 2.
14. *Галкин А. А.* Корпоративизм в мире и России : проблемы и опасности / А. А. Галкин // *Власть*. — 2000. — № 12.
15. *Галкин А. А.* Консерватизм в прошлом и настоящем : о социальных корнях консервативной волны / А. А. Галкин, П. Ю. Рахшмир. — М., 1987.
16. *Горохов А. А.* Консервативные ценности в политике и общественной мысли России первой половины XIX века / А. А. Горохов. — М., 2017.
17. *Гулыга А. В.* Русская идея и ее творцы / А. В. Гулыга. — М., 2003.
18. *Гусев В. А.* Русский консерватизм : основные направления и этапы развития / В. А. Гусев. — Тверь, 2001.
19. *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в общественной борьбе / Е. А. Дудзинская. — М., 1983.
20. *Дудзинская Е. А.* Славянофилы в пореформенной России / Е. А. Дудзинская. — М., 1994.
21. *Егерева Т.* Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII — первой четверти XIX в. / Т. Егерева. — М., 2014.
22. *Ермаков А. В.* Против течения? Русские консерваторы XIX века и просвещение / А. В. Ермаков. — М., 2006.

23. *Зорин А.* Кормя двуглавого орла... : литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. / А. Зорин. – М., 2004.
24. *Иванов А. А.* Правые в русском парламенте : от кризиса к краху. 1914–1917 / А. А. Иванов. – М. ; СПб., 2013.
25. *Иванов И.* Русское подполье. Пути и судьбы социал-христианского движения / И. Иванов. – М., 2015.
26. *Исаев И. А.* Политико-правовая утопия в России, конец XIX – начало XX в. / И. А. Исаев. – М., 1991.
27. *Каплин А. Д.* Мироззрение славянофилов. История и будущее России / А. Д. Каплин. – М., 2008.
28. *Каплин А. Д.* Славянофилы, их сподвижники и последователи / А. Д. Каплин. – М., 2011.
29. *Карпи Г.* Были ли славянофилы либералами? / Г. Карпи // Вопросы истории. – 2002. – № 9.
30. *Карпухин Д. В.* Чёрная сотня : веки осмысления в России / Д. В. Карпухин. – М., 2009.
31. *Кирьянов Ю. И.* Правые партии в России. 1911–1917 / Ю. И. Кирьянов. – М., 2001.
32. *Китаев В. А.* Век XIX : пути русской мысли / В. А. Китаев. – Н. Новгород, 2008.
33. *Китаев В. А.* Славянофилы после отмены крепостного права / В. А. Китаев. – Волгоград, 1994.
34. *Китаев В. А.* Славянофильство и либерализм / В. А. Китаев // Вопросы истории. – 1989. – № 1.
35. *Киселева Л. Н.* Карамзинисты – творцы официальной идеологии : (заметки о российской жизни) / Л. Н. Киселева // Тыняновский сборник. – М., 1998.
36. *Кожевников А. Ю.* Русский патриотизм и советский социализм / А. Ю. Кожевников. – М., 2017.
37. *Кожин В. В.* «Черносотенцы» и революция. Загадочные страницы истории / В. В. Кожин. – М., 1998.
38. *Кожурин А. Я.* У истоков русского консерватизма (А. С. Шишков, Ф. В. Ростопчин и Н. М. Карамзин) / А. Я. Кожурин // Вестник Русской христианской академии. – 2015. – Т. 16, вып. 4.

39. *Койре А.* Философия и национальная проблема в России начала XIX века / А. Койре. — М., 2003.

40. *Кондаков Ю. Е.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801—1825) / Ю. Е. Кондаков. — СПб., 1998.

41. Консерватизм в России и Западной Европе : сб. науч. работ / [редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. — Воронеж, 2005.

42. Консерватизм в России и мире : [в 3 ч.] / [редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. — Воронеж, 2004. — Ч. 1—3.

43. Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее : сб. науч. тр. / [редкол.: А. Ю. Минаков (отв. ред.) и др.]. — Воронеж, 2001. — Вып. 1.

44. Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время. Правый консерватизм в России и русском зарубежье в новое и новейшее время : сб. материалов науч. конф. / [редкол.: Л. М. Искра, А. Ю. Минаков и др.]. — Воронеж, 2005.

45. Консерватизм : pro et contra : антология. — СПб., 2016.

46. *Котов А. Э.* Русская консервативная журналистика 1870—1890-х годов : опыт ведения общественной дискуссии / А. Э. Котов. — СПб., 2010.

47. *Коцюбинский Д. А.* Русский национализм в начале XX столетия : рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. А. Коцюбинский. — М., 2001.

48. *Крот М. Н.* Консервативный проект модернизации России во второй половине XIX века / М. Н. Крот. — Ростов н/Д., 2014.

49. *Куликова С. Г.* Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX веков : в поисках идеального общества / С. Г. Куликова. — Гагарин, 2013.

50. *Кругликова О. С.* Русская консервативная публицистика второй половины XIX века / О. С. Кругликова. — СПб., 2017.

51. *Лазари А. де.* В кругу Федора Достоевского. Почвенничество / А. де Лазари. — М., 2004.

52. *Лебедев С. В.* Русские идеи и русское дело. Национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем / С. В. Лебедев. — СПб., 2007.

53. *Лотман Ю. М.* Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Учен. зап. Тартус. ун-та. — 1975. — Вып. 358. (Тр. по рус. и славян. филологии ; [т.] 24.

54. *Лукоянов И. В.* Российские консерваторы : (конец XVIII — начало XX в.) / И. В. Лукоянов. — СПб., 2003.

55. *Мангейм К.* Консервативная мысль / К. Мангейм // Социс : социол. исслед. — 1993. — № 4.

56. *Минаков А. Ю.* К постановке вопроса о типологии раннего русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Клио. — 2003. — № 3 (22).

57. *Минаков А. Ю.* Русская партия в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков. — М., 2013.

58. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в первой четверти XIX в. / А. Ю. Минаков. — Воронеж, 2011.

59. *Минаков А. Ю.* Особенности русского консерватизма в первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Диалог со временем. — 2011. — Вып. 34.

60. *Минаков А. Ю.* Рождение русского консерватизма : уроки прошлого / А. Ю. Минаков // Тетради по консерватизму. — 2014. — № 3.

61. *Минаков А. Ю.* Роль событий 1812 г. в становлении русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Консерватизм в России и Западной Европе. — Воронеж, 2005.

62. *Минаков А. Ю.* Русский консерватизм в современной российской историографии : новые подходы и тенденции изучения / А. Ю. Минаков // Отечественная история. — 2005. — № 6.

63. *Минаков А. Ю.* Социально-экономические взгляды русских консерваторов первой трети XIX века / А. Ю. Минаков // Российская история. — 2010. — № 4.

64. *Минаков А. Ю.* Типология консерватизма в современной России / А. Ю. Минаков // Тетради Русской экспертной школы : научное издание. — М., 2017.

65. *Минаков А. Ю.* Консерватизм / А. Ю. Минаков, А. В. Репников, М. Ю. Чернавский // Общественная мысль России XVIII — начала XX века : энциклопедия. — М., 2005.

66. *Митрохин Н. А.* Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953—1985 годы / Н. А. Митрохин. — М., 2003.
67. *Мусихин Г. И.* Россия в немецком зеркале : сравнительный анализ германского и российского консерватизма / Г. И. Мусихин. — СПб., 2002.
68. *Мчедлидзе М. С.* Консерватизм в идеологическом пространстве современной России / М. С. Мчедлидзе. — Новосибирск, 2018.
69. *Назаров М. В.* Миссия русской эмиграции / М. В. Назаров. — Т. 1. — Ставрополь, 1992.
70. *Начапкин М. Н.* Русский консерватизм XIX — первой половины XX в. / М. Н. Начапкин. — Екатеринбург, 2002.
71. *Омельченко Н. А.* В поисках России. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности / Н. А. Омельченко. — СПб., 1999.
72. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901—1914 гг.) / И. В. Омельянчук. — Киев, 2006.
73. *Пантелеев С.* Русский консерватизм сегодня (битва за бренд) / С. Пантелеев // Свободная мысль. — 2004. — № 11.
74. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII — 1991 г.): коллективная монография. — М., 2015.
75. *Поляков Л. В.* К изучению русского консерватизма : история и метод / Л. В. Поляков // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». — 2012. — № 4 (67). — С. 29—44.
76. *Поляков Л. В.* Логика «русской идеи» / Л. В. Поляков // Общественные науки и современность. — 1992. — № 4.
77. *Попов Э. А.* Русский консерватизм : идеология и социально-политическая практика / Э. А. Попов. — Ростов н/Д., 2005.
78. Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / [отв. ред. А. Ю. Минаков]. — Воронеж, 2005.
79. *Пушкин С. Н.* Историософия русского консерватизма XIX века / С. Н. Пушкин. — Н. Новгород, 1998.

80. *Репников А. В.* Консервативные концепции переустройства России / А. В. Репников. — М., 2007.

81. *Репников А. В.* К вопросу о формировании российского консерватизма : (историографический аспект) / А. В. Репников // Российские университеты в XVIII—XX веках. — Воронеж, 2008. — Вып. 9.

82. *Репников А. В.* Метаморфозы русского консерватизма : от С. С. Уварова до Никиты Михалкова / А. В. Репников // Отечественная история. — 2001. № 3.

83. Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления / [под ред. М. Д. Карпачева, А. Ю. Минакова и др.]. — Воронеж, 2004.

84. Российские консерваторы. — М., 1997.

85. Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. — М., 2003.

86. Русский консерватизм XIX столетия : идеология и практика. — М., 2000.

87. Русский консерватизм : проблемы, подходы, мнения : «круглый стол» // Отечественная история. — 2001. — № 3.

88. *Руткевич А. М.* Консерваторы XX века / А. М. Руткевич. — М., 2006.

89. *Руткевич А. М.* Что такое консерватизм? / А. М. Руткевич. — М. ; СПб., 1999.

90. *Санькова С. М.* Русская партия в России : образование и деятельность Всероссийского национального союза (1908—1917) / С. М. Санькова. — Орел, 2006.

91. *Сендеров В. А.* Консервативная революция в послесоветском изводе : краткий очерк основных идей / В. А. Сендеров // Вопросы философии. — 2007. — № 10.

92. *Сендеров В. А.* Кризис современного консерватизма / В. А. Сендеров // Новый мир. — 2007. — № 1.

93. *Сергеев С. М.* Консерватизм : что «консервировать?» / С. М. Сергеев // Москва. — 2007. — № 3.

94. *Сергеев С. М.* «Творческий традиционализм» как направление русской общественной мысли 1880—1890-х годов (к терми-

нологии) / С. М. Сергеев // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. — М., 2003.

95. Славянофильство и западничество : консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого : реф. сб. — М., 1991—1992. — Вып. 1—2.

96. Славянофильство и современность : сб. ст. — СПб., 1994.

97. Славянофильство : pro et contra : творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей : антология / сост. В. А. Фатеев. — СПб. : Изд-во Рус. Христ. гуманитар. акад., 2006.

98. *Смит Э.* Национализм и модернизм : критический обзор современных теорий наций и национализма / Э. Смит. — М., 2004.

99. *Смолич И. К.* История русской церкви : [в 9 кн.] / И. К. Смолич. — М., 1996. — Кн. 8, ч. 1 : История Русской Церкви, 1700—1917.

100. *Стенник Ю. В.* О национальных истоках славянофильства / Ю. В. Стенник // Москва. — 1990. — № 11.

101. *Степанов А. Д.* Черная сотня : взгляд через столетие / А. Д. Степанов. — СПб., 2000.

102. *Степанов С. А.* Черная сотня в России (1905—1914 гг.) / С. А. Степанов. — М., 1992.

103. *Степанов С.* Черная сотня. Что они сделали для величия России? / С. Степанов. — М., 2013.

104. *Столыпин П. А.* Мысли о России : [посвящается 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина] / П. А. Столыпин. — М. : РОССПЭН, 2011. — 127 с.

105. П. А. Столыпин. Программа реформ : документы и материалы : в 2 т. — М., 2003. — Т. 1—2.

106. *Стогов Д. И.* Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX — начало XX века) / Д. И. Стогов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2007.

107. *Тесля А. А.* «Истинно русские люди» / А. А. Тесля. — М., 2019.

108. *Удалов С. В.* Империя на якоре : государственная идеология, власть и общество в России второй четверти XIX века / С. В. Удалов. — Саратов, 2018.

109. *Фатеев В. А.* «Пустынножитель» (Непройденный путь философа Николая Страхова / В. А. Фатеев // Христианское чтение. — 2016. — № 1.

110. *Фоменков А. А.* Русский национальный проект : русские националисты в 1960-е — первой половине 1990-х годов / А. А. Фоменков. — Н. Новгород, 2010.

111. *Хоружий С.* Судьба славянофильских идей в XX в. / С. Хоружий // Евразийская перспектива. — М., 1994.

112. *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам : конец 1850 — середина 1870-х гг. / И. А. Христофоров. — М., 2002.

113. *Чемакин А. А.* Истоки русской национал-демократии : 1896—1914 годы / А. А. Чемакин. — СПб., 2018.

114. *Чемакин А. А.* Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов / А. А. Чемакин. — СПб., 2018.

115. *Чернавский М. Ю.* Религиозно-философские основы консерватизма в России / М. Ю. Чернавский. — М., 2004.

116. *Черникова Н. В.* Русский консерватизм от Карамзина до Мещерского : взгляд через столетие / Н. В. Черникова // Российская империя : стратегии стабилизации и опыты обновления. — Воронеж, 2004.

117. *Шебунин А. Н.* Европейская контрреволюция в первой половине XIX века / А. Н. Шебунин. — Л., 1925.

118. *Шевченко М. М.* Русский политический консерватизм XIX — начала XX века в действии / М. М. Шевченко // Контуры глобальных трансформаций. — 2017. — Т. 10, № 6.

119. *Шелохаев В. В.* Российские консерваторы / В. В. Шелохаев // Вопросы истории. — 1998. — № 10.

120. *Шульгин В. Н.* Русский свободный консерватизм первой половины XIX века / В. Н. Шульгин. — СПб., 2009.

Персоналии и организации

1. *Азизова Е. Н.* Общественно-политическая деятельность Д. П. Рунича ; ред. А. Ю. Минаков. — Воронеж, 2014.

2. *Акульшин П. В.* П. А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России / П. В. Акульшин. — М., 2001.

3. Алексей Федорович Лосев. — М., 2009.

4. *Альтшуллер М. Г.* Александр Семенович Шишков / М. Г. Альтшуллер // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005.

5. *Альтшуллер М. Г.* Беседа любителей русского слова : у истоков русского славянофильства / М. Г. Альтшуллер. — М., 2007.

6. *Андреев Н. Ю.* О взглядах неославянофила С. Ф. Шаропова на государственное и муниципальное устройство России / Н. Ю. Андреев // Государственная власть и местное самоуправление. — 2014. — № 4.

7. *Андреев Н. Ю.* Славянофильство и неославянофильство : единство и дифференциация / Н. Ю. Андреев // Новая правовая мысль. — 2013. — № 3.

8. *Анненкова Е. И.* Константин Аксаков. Веселье духа / Е. И. Анненкова. — СПб., 2018.

9. *Бадалян А. Д.* «Колокол призывный» : Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х — первой половины 1880-х годов / А. Д. Бадалян. — СПб., 2016.

10. *Бажов С. И.* Философия истории Н. Я. Данилевского / С. И. Бажов. — М., 1997.

11. *Балуев Б. П.* Споры о судьбах России. Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа» / Б. П. Балуев. — Тверь, 2001.

12. *Бибихин В. В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев / В. В. Бибихин. — М., 2004.

13. *Бицилли П. М.* Иван Сергеевич Аксаков и его философия нации / П. М. Бицилли // Избранные труды по филологии. — М., 1996.

14. *Бородин А. П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус / А. П. Бородин. — М., 2013.

15. *Боханов А. Н.* А. С. Пушкин и национально-государственная самоидентификация России / А. Н. Боханов // Отечественная история. — 2002. — № 5.

16. *Боханов А. Н.* Император Александр III / А. Н. Боханов. — М., 1998.

17. *Васильев А. А.* Консервативные политико-правовые взгляды почвенников (Ф. М. Достоевского, А. А. Григорьева, Н. Н. Стрехова) / А. А. Васильев // Современное право. — 2011. — № 1–2.

18. *Верещагин В. Ю.* Доктрина монархической государственности Л. А. Тихомирова : монография / В. Ю. Верещагин, В. В. Макеев, М. Ю. Понежин. — Ростов н/Д., 2003.

19. *Вдовин А. И.* Русские в XX веке / А. И. Вдовин. — М., 2004.

20. *Виттекер Ц. Х.* Граф С. С. Уваров и его время / Ц. Х. Виттекер. — СПб., 1999.

21. *Вишленкова Е. А.* Ревизор, или Случай университетской проверки 1819 года / Е. А. Вишленкова // Отечественная история. — 2002. — № 4.

22. *Власкин А. Г.* Философия русского либерального консерватизма первой трети XX в. (С. Франк) / А. Г. Власкин. — СПб., 2007.

23. *Володина Т. А.* Сергей Николаевич Глинка / Т. А. Володина // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005.

24. *Володихин Д. М.* «Высокомерный странник» : философия и жизнь К. Леонтьева / Д. М. Володихин. — М., 2000.

25. *Воропаев В. А.* Николай Гоголь : опыт духовной биографии / В. А. Воропаев. — М., 2014.

26. *Гаврилов И. Б.* Константин Аксаков о «русском воззрении» (1830–1840 гг.) / И. Б. Гаврилов // Христианское чтение. — СПб., 2017. — № 1.

27. *Гаврилов И. Б.* Михаил Никифорович Катков как охранитель традиционных русских начал / И. Б. Гаврилов // Русско-византийский вестник. — 2019. — № 1 (2).

28. *Гаврилов И. Б.* Степан Петрович Шевырев о «русском воззрении» / И. Б. Гаврилов // Христианское чтение. — СПб., 2016. — № 1.

29. *Гайденко П. П.* «Вехи» : не услышанное предостережение / П. П. Гайденко // Вопросы философии. — 1992. — № 2.

30. *Гайденко П. П.* Под знаком меры : либеральный консерватизм П. Б. Струве / П. П. Гайденко // Вопросы философии. — 1992. — № 12.

31. *Глазева А. С.* Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский и его роль в религиозной политике Александра I и Николая I / А. С. Глазева // Консерватизм в России и Западной Европе. — Воронеж, 2005.

32. *Гоголев Р. А.* «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К. Н. Леонтьева : опыт реконструкции / Р. А. Гоголев. — М., 2007.

33. *Голлербах Е. А.* К незримому граду : религиозно-философская группа «Путь» (1910—1919) в поисках новой русской идентичности / Е. А. Голлербах. — СПб., 2000.

34. *Горностаев М. В.* Федор Васильевич Ростопчин / М. В. Горностаев // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005.

35. *Гроссман Л. П.* Достоевский-реакционер. Достоевский и правительственные круги 1870-х годов. Письма консерваторов к Достоевскому / Л. П. Гроссман. — М., 2015.

36. *Гроссман Л. П.* Тютчев, Достоевский, Григорьев / Л. П. Гроссман. — М., 1922.

37. *Грот Я. К.* Жизнь Державина / Я. К. Грот. — М., 1997.

38. *Гузаиров Т.* Жуковский — историк и идеолог николаевского царствования / Т. Гузаиров. — Тарту, 2007.

39. *Гусев В. А.* Становление третьей волны русского консерватизма (начало 90-х годов) / В. А. Гусев // Вестник Моск. ун-та. Сер.12, Полит. науки. — 1999. — № 6.

40. *Давыдов Ю. Н.* Горькие истины «Вех» / Ю. Н. Давыдов // Социологические исследования. — 1990. — № 1 ; 1991. — № 1, 8.

41. *Дегтярева М. И.* Жозеф де Местр и его русские собеседники. Опыт философской биографии и интеллектуальные связи в России / М. И. Дегтярева. — Пермь, 2007.

42. *Дженкинс М.* Аракчеев. Реформатор-реакционер / М. Дженкинс. — М., 2004.

43. *Дмитриев А. П.* Н. П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850—1880-х годов / А. П. Дмитриев. — СПб., 2018. — (Славянофильский архив; Кн. 6.)

44. *Долбилов М. Д.* Консервативная программа М. Н. Муравьева в реформаторском аспекте / М. Д. Долбилов // Либеральный консерватизм : история и современность. — М., 2001.

45. *Долбилов М. Д.* Консервативное реформаторство М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае (1863–1865 гг.) / М. Д. Долбилов // Консерватизм в России и мире : прошлое и настоящее. — Воронеж, 2001. — Вып. 1.

46. *Долбилов М. Д.* М. Н. Муравьев и освобождение крестьян : проблема консервативно-бюрократического реформаторства / М. Д. Долбилов // Отечественная история. — 2002. — № 6.

47. *Дронов И. Е.* Князь Владимир Петрович Мещерский / И. Е. Дронов // Вопросы истории. — 2001. — № 10.

48. *Егоров Б. Ф.* А. Григорьев / Б. Ф. Егоров. — М., 2000.

49. *Ермашов Д. В.* У истоков российского консерватизма : Н. М. Карамзин / Д. В. Ермашов. — М., 1999.

50. *Ермашов Д. В.* Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века : Л. А. Тихомиров / Д. В. Ермашов, А. В. Пролубников, А. А. Ширинянец. — М., 1999.

51. *Ефремов А. В.* Борьба за историю : концепция Н. Я. Данилевского в оценке современников / А. В. Ефремов. — М., 2006.

52. *Ефремов А.* Борьба за историю. Вл. Соловьев как критик Н. Данилевского / А. Ефремов // Наш современник. — 2005. — № 6.

53. *Ефремов А. В.* Данилевский и Достоевский : футурология панславизма и национальный мессианиззм / А. В. Ефремов // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. — М., 2003.

54. *Зернов И. Н.* Иван Ильин. Монархия и будущее России / И. Н. Зернов. — М., 2007.

55. *Иванов А. А.* Владимир Пуришкевич — опыт биографии правого политика (1870–1920) / А. А. Иванов. — М. ; СПб., 2011.

56. *Иванов А. А.* Последние защитники монархии : фракция правых IV Государственной думы в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917) / А. А. Иванов. — СПб., 2006.

57. *Иванов А. А.* «Предвидение необычайной силы» : о «пророческой» записке П. Н. Дурново / А. А. Иванов // Свет и тени Великой войны. — М., 2014.

58. *Иванов А. А.* «Черная сотня сгинула в подполье» : русские правые и революция 1917 года / А. А. Иванов // Российская история. — 2017. — № 2.

59. *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество / Ю. П. Иваск // К. Н. Леонтьев : pro et contra. — СПб., 1995. — Т. 1–2.

60. *Изместьева Г. П.* Дмитрий Андреевич Толстой / Г. П. Изместьева // Вопросы истории. — 2006. — № 3.

61. *Изместьева Г. П.* Михаил Никифорович Катков / Г. П. Изместьева // Вопросы истории. — 2004. — № 4.

62. *Искра Л. М.* Б. Н. Чичерин и проблемы консерватизма / Л. М. Искра // Консерватизм в России и в мире : прошлое и настоящее. — Воронеж, 2001. — Вып. 1.

63. *Искра Л. М.* Б. Н. Чичерин о политике, государстве, истории / Л. М. Искра. — Воронеж, 1995.

64. *Искра Л. М.* Б. Н. Чичерин о пореформенном развитии России, капитализме, социализме / Л. М. Искра. — Воронеж, 1999.

65. *Искра Л. М.* Свобода и порядок (проблемы консерватизма и либерализма в наследии Б. Н. Чичерина) / Л. М. Искра // Воронежская беседа : альманах. — Воронеж, 1995.

66. *Йена Д.* Екатерина Павловна. Великая княжна, королева Вюртемберга / Д. Йена. — М., 2006.

67. *Камнев В. М.* Социальный консерватизм В. В. Розанова / В. М. Камнев // Вестник Ленинград. гос. ун-та. Сер. Философия. — 2009. — № 3, т. 2.

68. *Кандаурова Т.* Гений зла и блага : слово в защиту Аракчеева / Т. Кандаурова // Родина. — 2000. — № 3.

69. *Канева К.* Рыцарь Балкан : граф Н. П. Игнатъев / К. Канева. — М., 2006.

70. *Кара-Мурза А. А.* Критика революционного сознания в работах Семена Людвиговича Франка (к 140-летию со дня рождения) / А. А. Кара-Мурза // Философский журнал. — 2017. — Т. 10, № 4.

71. *Карпачев М. Д.* Общественно-политическая мысль пореформенной эпохи / М. Д. Карпачев // Очерки русской культуры XIX века. Общественная мысль. — М., 2003. — Т. 4.

72. *Карцов А. С.* Русский консерватизм второй половины XIX — начала XX века (князь В. П. Мещерский) / А. С. Карцов. — СПб., 2004.

73. *Кирьянов Ю. И.* Русское собрание. 1900—1917 / Ю. И. Кирьянов. — М., 2003.

74. *Киселева Л. Н.* Система взглядов С. Н. Глинки (1807—1812) / Л. Н. Киселева // Ученые записки Тартуского университета. — 1981. — Вып. 513.

75. *Китаев В. А.* Из истории идейной борьбы в России в период первой революционной ситуации : И. С. Аксаков в общественном движении начала 60-х г. XIX в. / В. А. Китаев. — Горький, 1974.

76. *Китаев В. А.* Николай Михайлович Карамзин / В. А. Китаев // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005.

77. *Кожевников А. Ю.* Настоящее и будущее России в публицистике А. И. Солженицына и И. Р. Шафаревича. Сборник «Из-под глыб» (1974) / А. Ю. Кожевников // Тетради по консерватизму. — 2015. — № 4.

78. *Кожин В. В.* Пророк в своем отечестве (Ф. И. Тютчев и история России XIX века) / В. В. Кожин. — М., 2001.

79. *Кожурин А. Я.* Розанов / А. Я. Кожурин. — [Б. м.], 2017.

80. *Козырев А. П.* Константин Леонтьев в «зеркалах» наследников / А. П. Козырев // Леонтьев К. Н. : pro et contra. — Кн. 1. — СПб., 1995.

81. *Колеров М. А.* Не мир, но меч. Русская религиозно-философская печать от «Проблем идеализма» до «Вех». 1902—1909 / М. А. Колеров. — СПб., 1996.

82. *Комзолова А. А.* Катков в окружении единомышленников / А. А. Комзолова // Российская история. — 2018. — № 5.

83. *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в 1860—1870-х годах : «система» М. Н. Муравьева и ее дальнейшая судьба / А. А. Комзолова // Отечественная история. — 2004. — № 4.

84. *Комзолова А. А.* Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. — М., 2005.

85. *Кондаков Ю. Е.* Архимандрит Фотий (1792—1838) и его время / Ю. Е. Кондаков. — СПб., 2000.

86. *Кондаков Ю. Е.* Князь А. Н. Голицын : придворный, чиновник, христианин : монография / Ю. Е. Кондаков. — СПб., 2014.

87. *Концевич И. М.* Антропология и гносеология философии И. В. Киреевского / И. М. Концевич // *Стяжание Духа Святого.* М., 2009.

88. *Концевич И. М.* Леонтьев К. Н. / И. М. Концевич // *Оптина пустынь и ее время.* — Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995.

89. *Корольков А. А.* Константин Леонтьев и его эстетическая картина эгалитарного процесса / А. А. Корольков // *Философские науки.* — 1991. — № 11.

90. *Корольков А. А.* Пророчества Константина Леонтьева / А. А. Корольков. — СПб., 1991.

91. *Косик В. И.* Константин Леонтьев : размышления на славянскую тему / В. И. Косик. — М., 1997.

92. *Котов А. Э.* Петербургское славянофильство 1860–90-х гг. / А. Э. Котов // *Христианское чтение.* — 2017. — № 6.

93. *Котов А. Э.* Птенцы гнезда Каткова : монография / А. Э. Котов. — СПб., 2013.

94. *Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова : идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов / А. Э. Котов. — СПб., 2016.

95. *Котов П. Л.* Пути русского консерватизма 1840–1850-х годов : старшие славянофилы и Аполлон Григорьев / П. Л. Котов // *Вестник Моск. ун-та.* — Сер. 8, История. — 2001. — № 3.

96. *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях / В. А. Кошелев. — М., 2000.

97. *Кошелев В. А.* Иван Аксаков : консервативная оппозиция как литературная идеология / В. А. Кошелев // *Русская литература.* — 2006. — № 1.

98. *Кошелев В. А.* Парадоксы Хомякова. Заметки и наблюдения / В. А. Кошелев. — М., 2004.

99. *Кошелев В. А.* Славянофилы и официальная народность / В. А. Кошелев // *Славянофильство и современность : сб. ст.* — СПб., 1994.

100. *Кремнев Г.* Константин Леонтьев и русское будущее / Г. Кремнев // *Наш современник.* — 1991. — № 12.

101. *Кудрявцев В. К.* Идеалы и политика : монархическая государственность Л. А. Тихомирова / В. К. Кудрявцев // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. — 2008. — № 6.

102. *Кузнецов О. В.* Р. А. Фадеев — генерал и публицист / О. В. Кузнецов. — Волгоград, 1998.

103. *Куликова С. Г.* Консерваторы и земство : планы и результаты деятельности. 1864—1914 гг. / С. Г. Куликова. — М., 2019.

104. *Кунильский Д. А.* Ап. Григорьев и «русская беседа» : по поводу «хищных» и «смирненных» типов / Д. А. Кунильский // Христианское чтение. — 2016. — № 3.

105. Лев Гумилев : судьба и идеи. — М., 2007.

106. *Леонов М. М.* Салон В. П. Мещерского : патронат и посредничество в России рубежа XIX—XX веков / М. М. Леонов. — Самара, 2009.

107. *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. — М., 2000.

108. *Лотман Ю. М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» Карамзина — памятник русской публицистики начала XIX века / Ю. М. Лотман // Литературная учеба. — 1988. — № 4.

109. *Лупарева Н. Н.* «Отечестволюбец» : общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки / Н. Н. Лупарева. — Воронеж, 2012.

110. *Мамонов А. В.* Бюрократия и Катков / А. В. Мамонов // Российская история. — 2018. — № 5.

111. *Мартин А.* «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С. Н. Глинки (1808—1812) / А. Мартин // Консерватизм в России и мире : [в 3 ч.]. — Воронеж, 2004. — Ч. 1.

112. *Маслин М. А.* В. В. Розанов и русская идея / М. А. Маслин // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2012. — Т. 13, вып. 3.

113. *Маслин М. А.* Константин Леонтьев и евразийство. Уроки русского консерватизма / М. А. Маслин // Тетради по консерватизму. — 2014. — № 3.

114. *Медоваров М. В.* Александр Киреев / М. В. Медоваров. — СПб., 2019.

115. *Медоваров М. В.* Александр Алексеевич Киреев / М. В. Медоваров // Вопросы истории. — 2014. — № 8.

116. *Межуев Б. В.* Вл. Соловьев, Н. П. Гиляров-Платонов и «разложение славянофильства» / Б. В. Межуев // История философии. — 2000. — № 6.

117. *Мещерский В. П.* Воспоминания / В. П. Мещерский. — М., 2003.

118. *Мещерский В. П.* Гражданин консерватор / В. П. Мещерский. — М., 2005.

119. *Мещерский В. П.* За великую Россию. Против либерализма / В. П. Мещерский. — М., 2010.

120. *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин : у основания консерватизма и национализма в России / А. О. Мещерякова ; [науч. ред. А. Ю. Минаков]. — Воронеж, 2007.

121. *Милевский О. А.* Лев Тихомиров : две стороны одной жизни / О. А. Милевский. — Барнаул, 2004.

122. *Минаков А. Ю.* А. С. Стурдза : интеллектуальная биография православного мыслителя / А. Ю. Минаков // Христианское чтение. — 2016. — № 1.

123. *Минаков А. Ю.* Антизападнические мотивы в раннем русском консерватизме / А. Ю. Минаков // Тетради по консерватизму. — 2015. — № 3.

124. *Минаков А. Ю.* «Двудюжий Шафаревич» / А. Ю. Минаков // Тетради по консерватизму. — 2019. — № 1.

125. *Минаков А. Ю.* Г. Р. Державин как представитель русского консерватизма / А. Ю. Минаков // Вестник Тамбов. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. — 2010. — Вып. 7 (87).

126. *Минаков А. Ю.* «Друг чести, друг народа» : консерватор А. С. Шишков / А. Ю. Минаков // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XX века. — М., 2003.

127. *Минаков А. Ю.* Жозеф де Местр и Россия / А. Ю. Минаков // Тетради по консерватизму. — 2017. — № 1.

128. *Минаков А. Ю.* Князь Александр Николаевич Голицын — представитель мистико-космополитического консерватизма в

царствование Александра I / А. Ю. Минаков // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 1.

129. *Минаков А. Ю.* Князь-инок Аникита (Сергей Александрович Ширинский-Шихматов) : путь из поэтов в святые / А. Ю. Минаков // Христианское чтение. — 2015. — № 4.

130. *Минаков А. Ю.* Михаил Леонтьевич Магницкий / А. Ю. Минаков // Вопросы истории. — 2010. — № 11.

131. *Минаков А. Ю.* М. Л. Магницкий как религиозный тип в царствования Александра I и Николая I / А. Ю. Минаков // Христианское чтение. — 2017. — № 2.

132. *Минаков А. Ю.* Образ Востока в русской консервативной мысли начала XIX века / А. Ю. Минаков // Тетради по консерватизму. — 2016. — № 5.

133. *Минаков А. Ю.* Обстоятельства возникновения и деятельность «православной партии» в 1820-е гг. / А. Ю. Минаков // Христианское чтение. — 2013. — № 1.

134. *Минаков А. Ю.* Политическая биография М. Л. Магницкого : из истории становления русского консерватизма / А. Ю. Минаков. — Воронеж, 2017.

135. *Минаков А. Ю.* Правое масонство и русский консерватизм первой четверти XIX века / А. Ю. Минаков // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — Вып. 15, № 13 (84).

136. *Минаков А. Ю.* Православие в системе взглядов русских консерваторов в первой четверти XIX в. / А. Ю. Минаков // Труды преподавателей и выпускников Воронежской православной духовной семинарии. — Воронеж, 2011. — Вып. 4/5.

137. *Минаков А. Ю.* «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» А. С. Шишкова — первый манифест русского консервативного национализма / А. Ю. Минаков // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. — Воронеж, 2002. — Вып. 1.

138. *Минаков А. Ю.* Рачинский Сергей Александрович / А. Ю. Минаков // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX в. : энциклопедия. — М., 2010. — С. 399—400.

139. *Минаков А. Ю.* «Со всех сторон русский» : В. И. Аско-ченский / А. Ю. Минаков // Воронежская беседа на 1999–2000 годы. – Воронеж, 2001.

140. *Минаков А. Ю.* «Тверская полубогиня» : великая княгиня Екатерина Павловна – лидер консервативной национально-аристократической «партии» / А. Ю. Минаков // Россия XXI. – 2010. – № 4.

141. *Минаков А. Ю.* Франкобесие / А. Ю. Минаков // Родина. – 2002. – № 8.

142. *Назаренко Е. Ю.* Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века : монография / Е. Ю. Назаренко ; науч. ред. А. Ю. Минаков. – Воронеж, 2014.

143. *Начапкин М. Н.* Малоизвестные страницы русского консерватизма. Л. А. Тихомиров : жизнь и мировоззрение / М. Н. Начапкин. – Екатеринбург, 2007.

144. *Николюкин А. Н.* Розанов / А. Н. Николюкин. – М., 2001.

145. *Новиков А. В.* Российские консерваторы (М. Н. Катков, Д. А. Толстой, К. П. Победоносцев) и самодержавие (середина XIX – начало XX веков) / А. В. Новиков. – М., 2002.

146. *Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время / Б. Э. Нольде. – М., 2003.

147. *Носов С. Н.* А. Григорьев : судьба и творчество / С. Н. Носов. – М., 1990.

148. *Ольденбург С. С.* Царствование Николая II / С. С. Ольденбург. – М., 2003.

149. *Омельянчук И. В.* Деятельность черносотенных организаций в экономической сфере / И. В. Омельянчук // Клио. – 2006. – № 1 (32).

150. *Омельянчук И. В.* Крестьянский вопрос в программах консервативно-монархических партий России (1905–1914 гг.) / И. В. Омельянчук // Вопросы истории. – 2006. – № 7.

151. *Омельянчук И. В.* Монархисты в 1905–1917 гг. : от триумфа к катастрофе / И. В. Омельянчук // Вопросы истории. – 2017. – № 7.

152. *Омельянчук И. В.* О месте Всероссийского национального союза в партийной системе начала XX в. / И. В. Омельянчук // Вопросы истории. — 2008. — № 4.

153. *Омельянчук И. В.* Проблемы экономического развития России во взглядах правых монархистов начала XX века / И. В. Омельянчук // Отечественная история. — 2006. — № 1.

154. *Омельянчук И. В.* Социальный состав черносотенных партий в начале XX века / И. В. Омельянчук // Отечественная история. — 2004. — № 2.

155. *Омельянчук И. В.* Черносотенное движение на территории Украины (1904—1914 гг.) / И. В. Омельянчук. — Киев, 2000.

156. *Паромов К. Я.* Политическое и церковное в мировоззрении «славянофилов» начала XX в. (А. А. Киреев, Ф. Д. Самарин, Д. Н. Шипов) / К. Я. Паромов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. — 2016. — Вып. 2 (69).

157. *Парсамов В. С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза : из истории религиозных идей Александровской эпохи / В. С. Парсамов. — Саратов, 2004.

158. *Паршин А. Н.* «Вехи», «Из глубины», «Из-под глыб» как религиозные манифесты русской интеллигенции / А. Н. Паршин // Сборник «Вехи» в контексте русской культуры. — М., 2007.

159. *Песков А. М.* У истоков философствования в России : Русская идея С. П. Шевырева / А. М. Песков // Новое литературное обозрение. — М., 1994. — № 7.

160. *Пирожкова Т. Ф.* Славянофильская журналистика / Т. Ф. Пирожкова. — М., 1997.

161. *Погодин М. П.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников : материалы для биографии, с примечаниями и объяснениями М. Погодина / М. П. Погодин. — М., 1866. — Ч. 1—2.

162. *Полунов А. Ю.* К. П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России / А. Ю. Полунов. — М., 2010.

163. *Полунов А. Ю.* Константин Петрович Победоносцев — человек и политик / А. Ю. Полунов // Отечественная история. — 1998. — № 1.

164. *Полунов А. Ю.* Победоносцев / А. Ю. Полунов. — М., 2017.

165. *Полунов А. Ю.* Славянофильское министерство. Победоносцев и граф Игнатъев в начале 1880-х годов / А. Ю. Полунов // Родина. — 2015. — № 2.

166. *Поляков Л. В.* У истоков российского консерватизма : Николай Карамзин и Жозеф де Местр / Л. В. Поляков // Тетради по консерватизму. — 2016. — № 4.

167. *Попов Э. А.* М. Н. Катков : социальный портрет в контексте меняющейся эпохи (к постановке проблемы) / Э. А. Попов // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. — 2012. — № 4.

168. *Пустарнаков В. Ф.* К оценке философской позиции Я. М. Букшпана в статье «Непреодоленный рационализм» сборника «Освальд Шпенглер и закат Европы» / В. Ф. Пустарнаков // История философии. — 2000. — № 6.

169. *Пущаев Ю. В.* Отношение К. Л. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... с русским самодержавием и пламенной мистикой» / Ю. В. Пущаев // Вестник ПСТГУ. Сер. I. Богословие. Философия. Религиоведение. — 2019. — Вып. 11.

170. *Размолодин М. Л.* Русский вопрос в идеологии черной сотни / М. Л. Размолодин. — Ярославль, 2013.

171. *Рачинский А.* Большая семья Жозефа де Местра в России / А. Рачинский // Тетради по консерватизму. — 2017. — № 1.

172. *Репников А. В.* Две жизни Льва Тихомирова / А. В. Репников, О. А. Милевский. — М., 2011.

173. *Репников А. В.* «Позднее славянофильство» С. Ф. Шарапова / А. В. Репников // Гуманитарный вестник. — 2012. — № 3.

174. *Репников А. В.* Последний романтик славянофильства : Сергей Федорович Шарапов (1855—1911) / А. В. Репников // Воинство святого Георгия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века. — СПб., 2006.

175. *Репников А. В.* Сергей Федорович Шарапов / А. В. Репников // Шарапов С. Ф. Избранное / С. Ф. Шарапов. — М., 2010.

176. *Рудницкая Е. Л.* Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года / Е. Л. Рудницкая. — М., 2004.

177. *Рудницкая Е. Л.* Российские консерваторы / Е. Л. Рудницкая // Отечественная история. — 1998. — № 3.

178. *Рылов В. Ю.* Консерватизм в российской провинции : правое движение в губерниях центрально-земледельческого района (1903—1917) / В. Ю. Рылов. — Воронеж, 2016.

179. *Рылов В. Ю.* Правое движение в Воронежской губернии. 1903—1917 / В. Ю. Рылов. — Воронеж, 2003.

180. *Рябова Т. И.* П. Б. Струве : идеал «Великой России» / Т. И. Рябова // Либеральный консерватизм : история и современность. — М., 2001.

181. *Рясенцев К. В.* М. П. Погодин и поиски русской национальной идеи. 1830—1840 гг. / К. В. Рясенцев, А. А. Ширинянец // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. — 2007. — № 1.

182. *Санькова С. М.* Государственный деятель без государственной должности. М. Н. Катков как идеолог государственного национализма : историогр. аспект / С. М. Санькова. — СПб., 2007.

183. *Санькова С. М.* Два лица «нового времени». А. С. Суворин и М. О. Меньшиков в зеркале историографии / С. М. Санькова. — Орел, 2011.

184. *Санькова С. М.* Михаил Никифорович Катков : в поисках места (1818—1856) / С. М. Санькова. — М., 2009.

185. *Санькова С. М.* Российская монархия в представлении идеологов государственного национализма / С. М. Санькова // Власть. — 2009. — № 2.

186. *Санькова С. М.* Михаил Меньшиков / С. М. Санькова, А. С. Орлов. — СПб., 2017.

187. *Сартаков Е. В.* Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов / Е. В. Сартаков. — М., 2015.

188. *Сергеев С. М.* «Мои идеалы в вечном...» (Творческий традиционализм Льва Тихомирова) / С. М. Сергеев // *Тихомиров Л. А.* Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. — М., 1998.

189. *Сергеев С. М.* Константин Петрович Победоносцев / С. М. Сергеев // Великие государственные деятели России : учеб. пособие для вузов, а также колледжей, лицеев, гимназий и школ. — М., 1996.

190. *Солженицын А. И.* Двести лет вместе (1795–1995) : в 2 ч. / А. И. Солженицын. — М., 2001. — Ч. 1.
191. *Соловьев К. А.* Петр Бернгардович Струве / К. А. Соловьев // *Струве П. Б.* Избранные труды / П. Б. Струве. — М., 2010.
192. *Степанов В. Л.* Дмитрий Андреевич Толстой / В. Л. Степанов // Российские консерваторы. — М., 1997.
193. *Степанов М.* [Шебунин А. М.]. Жозеф де Местр в России / М. Степанов [А. М. Шебунин] // Литературное наследство. — М., 1937. — Т. 29–30.
194. *Сукач В. Г.* Василий Васильевич Розанов : биографический очерк : библиография : 1886–2007 / В. Г. Сукач. — М., 2008.
195. *Тарасов Б. Н.* Пушкин как мыслитель / Б. Н. Тарасов // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 1999. — № 1.
196. *Тесля А. А.* Последний из «отцов» : биография Ивана Аксакова / А. А. Тесля. — СПб., 2015.
197. *Томсинов В. А.* Аракчеев / В. А. Томсинов. — М., 2003.
198. *Тучина Ю. А.* Журнал «Русская беседа» и его издатель Александр Иванович Кошелёв / Ю. А. Тучина // Преподавание истории в школе. — 2016. — № 7.
199. *Тучина Ю. А.* Основы государственного устройства России во взглядах А. И. Кошелёва / Ю. А. Тучина // Преподавание истории в школе. — 2016. — № 10.
200. *Тучина Ю. А.* Формирование и развитие взглядов А. И. Кошелёва в общественно-политических условиях России XIX в. / Ю. А. Тучина // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. Сер. История и политические науки. — 2015. — № 4.
201. *Умбрашко К. Б.* М. П. Погодин : Человек. Историк. Публицист / К. Б. Умбрашко. — М., 1999.
202. *Фаджионатто Р.* Александр Николаевич Голицын / Р. Фаджионатто // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005.
203. *Ф. И. Тютчев (1803–1873) и проблемы российского консерватизма* : сб. ст. — Ростов н/Д., 2004. — Т. 1–2.
204. *Федоров В. А.* М. М. Сперанский и А. А. Аракчеев / В. А. Федоров. — М., 1997.

205. *Фетисенко О. Л.* «Бедный рыцарь» славянофильства : Сергей Шарапов / О. Л. Фетисенко // «Гептастилисты» : Константин Леонтьев, его собеседники и ученики (идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX – первой четверти XX века). – СПб., 2012.

206. *Чемакин А. А.* Истоки русской национал-демократии : 1896–1914 годы / А. А. Чемакин. – СПб., 2018.

207. *Чемакин А. А.* Русские национал-демократы в эпоху потрясений : 1914 – начало 1920-х годов / А. А. Чемакин. – СПб., 2018.

208. *Фатеев В. А.* Жизнеописание Василия Розанова / В. А. Фатеев. – СПб., 2013.

209. *Франк С. Л.* Пушкин как политический мыслитель / С. Л. Франк // Русское зарубежье. – М., 1993. – Вып. 1.

210. *Харин А. Н.* Россия и мир в творчестве Александра Панарина / А. Н. Харин. – М., 2017.

211. *Хатунцев С. В.* К. Н. Леонтьев. Интеллектуальная биография. 1850–1874 / С. В. Хатунцев. – СПб., 2007.

212. *Хатунцев С. В.* Константин Леонтьев : русский публицист и мыслитель / С. В. Хатунцев // Вопросы истории консерватизма. – 2015. – № 1.

213. *Хорошева А. В.* «Удел России – удел счастливый...» Историософия Н. Я. Данилевского / А. В. Хорошева. – М., 2015.

214. *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н. И. Цимбаев. – М., 1979.

215. *Цимбаев Н. И.* Славянофильство : из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н. И. Цимбаев. – М., 1986.

216. *Цимбаев Н. И.* Юрий Федорович Самарин – политический мыслитель и общественный деятель / Н. И. Цимбаев // Самарин Ю. Ф. Избранные труды / Ю. Ф. Самарин. – М., 2010.

217. *Черникова Н. В.* Князь Владимир Петрович Мещерский (к портрету русского консерватора) / Н. В. Черникова // Отечественная история. – 2001. – № 4.

218. *Черникова Н. В.* Портрет на фоне эпохи. Князь Владимир Петрович Мещерский / Н. В. Черникова. – М., 2017.

219. *Шевченко М. М.* Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ / М. М. Шевченко. — М., 2003.

220. *Шевченко М. М.* Сергей Семенович Уваров / М. М. Шевченко // Против течения : исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. — Воронеж, 2005.

221. *Ширинянец А. А.* Русский хранитель : политический консерватизм М. П. Погодина / А. А. Ширинянец. — М., 2008.

222. *Штурман Д.* После катастрофы : по страницам сборников «Из глубины» и «Из-под глыб» / Д. Штурман // Новый мир. — 1995. — № 2.

223. *Шульгин В. Н.* А. С. Пушкин как духовный наследник Н. М. Карамзина и предтеча славянофилов / В. Н. Шульгин // Вестник РГУ им. И. Канта. — Калининград, 2009. — Вып. 1.

224. *Шульгин В. Н.* Модернизация от свободного консерватора : своеобытность Петра Вяземского / В. Н. Шульгин // Родина. — 2009. — № 11.

225. *Шумило С. В.* Старец Аникита : духовный путь святости. Материалы к жизнеописанию. С приложением сочинений иеросхимонаха Аникиты (князя Ширинского-Шихматова) / С. В. Шумило. — Киев ; Одесса, 2019.

226. *Ячменихин К. М.* Алексей Андреевич Аракчеев / К. М. Ячменихин // Вопросы истории. — 1991. — № 12.

227. *Ячменихин К. М.* «Аракчеевщина» : историографические мифы / К. М. Ячменихин // Консерватизм в России и мире : [в 3 ч.]. — Воронеж, 2004. — Ч. 1.

Учебное издание

Минаков Аркадий Юрьевич

**ИСТОРИЯ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА
XIX—XXI вв.**

Учебное пособие

Редактор *В. Г. Холина*
Компьютерная верстка *Н. А. Сегиды*

Подписано в печать 20.01.2021. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 8,1. Усл. п. л. 8,8. Тираж 50 экз. Заказ 212

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3